

**ГАРРИ
ГАРРИСОН**

✦
**К западу от Эдема
Зима в Эдеме
Возвращение в Эдем**
✦

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»**

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Гарри Гаррисон

**К западу от Эдема. Зима в
Эдеме. Возвращение в Эдем**

«Азбука-Аттикус»

1984-1988

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Гаррисон Г.

К западу от Эдема. Зима в Эдеме. Возвращение в Эдем /
Г. Гаррисон — «Азбука-Аттикус», 1984-1988 — (Фантастика и
фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-18370-4

Сага о земном мире, пошедшем в своем развитии не тем путем, каким он следует до сих пор. Глобальная катастрофа, из-за которой вымерли на планете гигантские ящеры, обошла Землю стороной, и рептилии, в процессе эволюции обретя разум, создали собственную цивилизацию, несколько не похожую на людскую. Выращенные из семян города, матриархат, коллективный разум, генетически перестроенные животные... И мир людей, противостоящий им, – чуждый, враждебный и агрессивный. Кто выживет в постоянных битвах – люди или иилане', как на языке этого мира называют расу рептилий? Кому принадлежит будущее? Трилогия Гарри Гаррисона – признанная классика жанра и имеет бесчисленное число почитателей во всем мире. Издание проиллюстрировано работами английского художника Билла Сандерсона.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-18370-4

© Гаррисон Г., 1984-1988
© Азбука-Аттикус, 1984-1988

Содержание

К западу от Эдема	8
Предисловие Керрика	8
Книга первая	10
1	10
2	16
3	21
4	25
5	29
6	33
7	37
8	40
9	44
10	49
11	54
12	57
13	62
14	66
15	70
16	75
17	79
18	83
19	87
20	93
21	99
22	105
23	109
24	113
25	117
26	120
27	125
Книга вторая	132
1	132
2	136
3	139
4	143
5	148
6	151
7	154
8	158
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Гарри Гаррисон

К западу от Эдема. Зима в Эдеме. Возвращение в Эдем

Harry Harrison
WEST OF EDEN
Copyright © 1984 by Harry Harrison
WINTER IN EDEN
Copyright © 1986 by Harry Harrison
RETURN TO EDEN
Copyright © 1988 by Harry Harrison
All rights reserved

© Ю. Р. Соколов, перевод, 2016
© Билл Сандерсон, иллюстрации, 1984, 1986, 1988
© В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

Санкт-Петербург

И насадил Господь Бог рай в Едеме, на востоке, и поместил там человека, которого создал.

Бытие 2: 8

И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема.

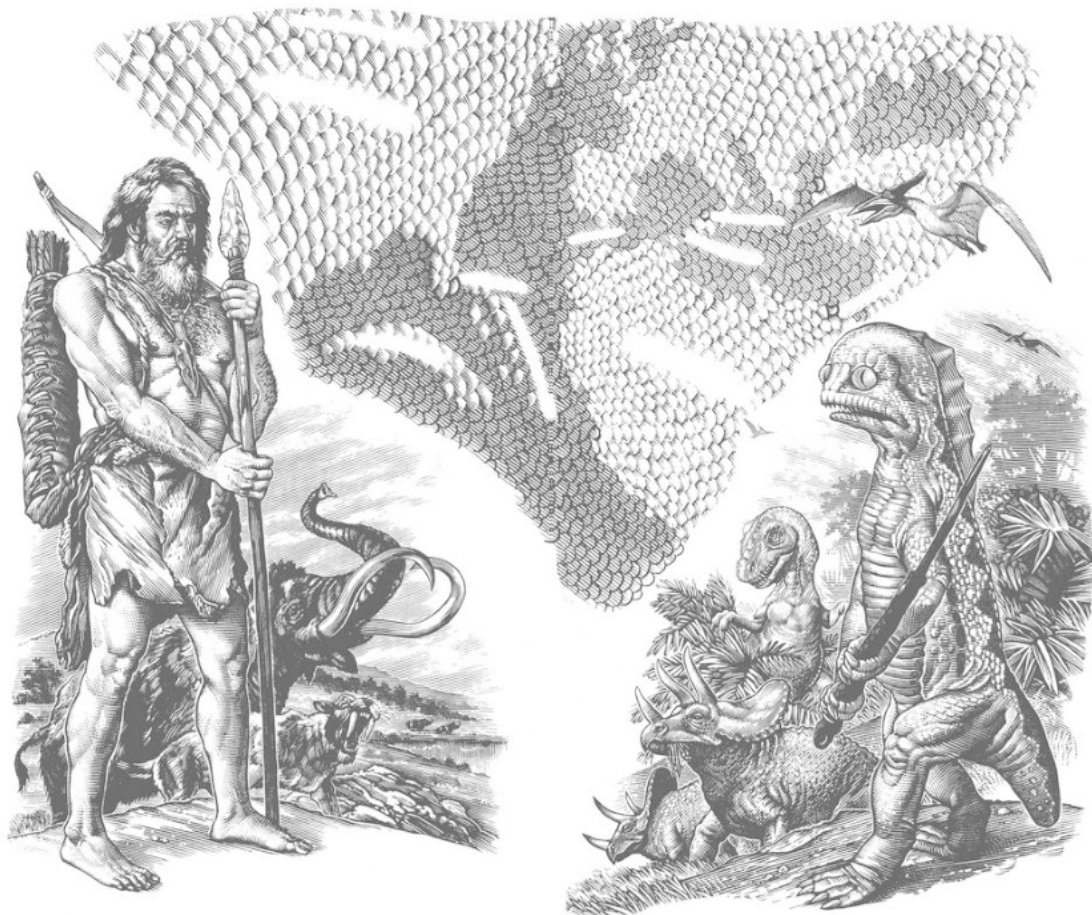
Бытие 4: 16

Из всех существ, что населяли когда-либо Землю, самый долгий век выпал на долю громадных пресмыкающихся. Целых сто сорок миллионов лет на Земле господствовали рептилии, затмевали небо, кишели в морях. Тогда млекопитающие, прародители человечества, были крошечными зверьками вроде землеройки; крупные, быстрые и более смысленные завры пожирали их.

И вдруг шестьдесят миллионов лет назад все переменилось. Метеорит диаметром целых шесть миль поразил Землю и вызвал чудовищные изменения. За короткое время вымерло семьдесят пять процентов существовавших тогда видов. Век динозавров закончился; началась эра млекопитающих, которых ящеры подавляли более ста миллионов лет.

Ну а если бы не метеорит? Каким оказался бы наш мир?

К западу от Эдема

Предисловие Керрика

Я перечел эти страницы и искренне уверяю: именно такова истинная история нашего мира.

К этому убеждению я пришел нелегким путем. Всякий может сказать, что мой взгляд на мир очень узок. Я родился у озера, в небольшом поселении, нас было три семьи. В теплое время мы жили на берегу озера, богатого рыбой. И мое первое воспоминание: с берега гляжу на высокие горы за озером, а на вершинах белеет первый снег новой зимы. Когда этот снег спускался вниз и покрывал наши шатры, наставало время охотникам отправляться в горы. И я торопился вырасти, торопился стать охотником на оленя и большого оленя.

Этот мир простых удовольствий исчез навсегда, все переменялось – увы, не к лучшему. Иногда я просыпаюсь ночью от одной только мысли: все, что было со мной, сгинуло, забылось. Этот глупый мир глубоко переменялся. То, что давало мне всю полноту бытия, оказалось крошечным закоулком реальности, а огромное мое озеро и высокие горы за ним – кусочком великого континента, разделявшего два океана. Я знаю про Западный океан: там рыбачили наши охотники, они говорили.

О мургу я узнал прежде, чем встретил первого из них. И тогда уже научился их ненавидеть. Наша плоть горяча – они холодны. И у нас на голове растут волосы, гордость охотника – борода... Животные, которых мы убиваем, тоже теплокровны и покрыты шерстью, но мургу не такие. Гладкие, прохладные, покрытые чешуей... у них когти и зубы – чтобы рвать и терзать. Они – огромные и ужасные, вид их вселяет трепет. И ненависть. Я знал, что живут они на юге, в теплых океанских водах и на берегу моря. Они не выносят холода и до недавних времен не беспокоили нас.

Но все изменилось, изменилось невероятно, прежних времен не вернуть. Увы, теперь мне известно, что наш мир – капля, окруженная огромным морем мургу. Мы живем на севере большого континента, далеко на юге он соединяется с южным. И на всей этой земле от океана до океана кишмя кишат мургу.

Впрочем, это не самое худшее. Там, за Западным океаном, лежат континенты еще более обширные. По ним не бродят охотники. Ни одного. Там только мургу, одни мургу. Весь мир, кроме наших гор, принадлежит им.

Но я еще не поведал самого главного о мургу. Они ненавидят нас, как и мы их. Но все бы ничего, если бы все мургу были неразумными. Тогда мы сумели бы укрыться от них на своем севере.

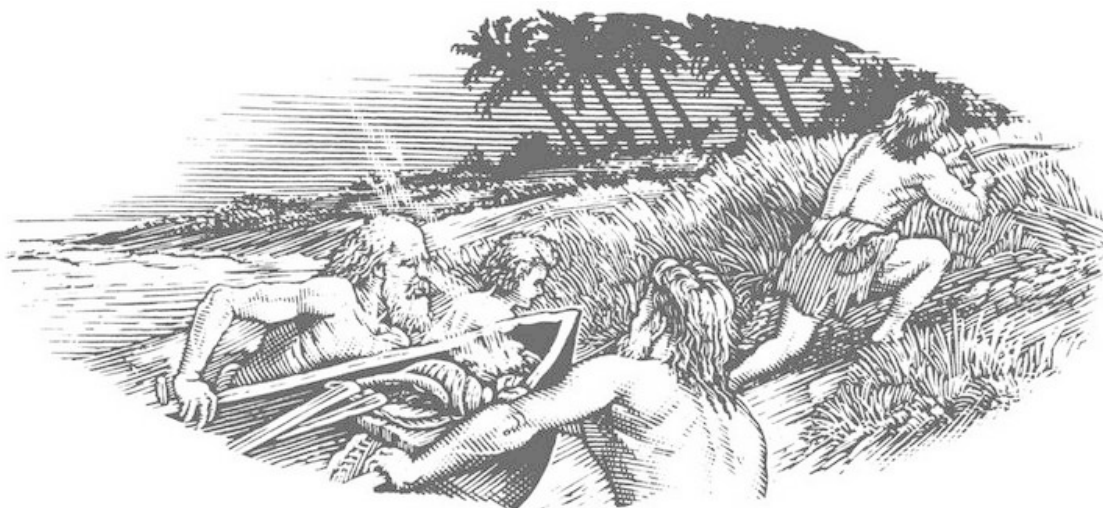
Но есть и другие мургу, разумные, как охотники, и свирепые, как охотники. Их не сосчитать, достаточно будет вам знать, что им-то и принадлежат все земли нашего огромного мира.

Повествование мое нерадостно, не слишком приятно говорить такое, но случившееся должно быть известным.

Я расскажу о нашем мире, об отряде охотников, очутившихся на дальнем юге, и о том, с чем они там столкнулись. И обо всем, что произошло потом, когда мургу – хозяева мира – обнаружили, что он принадлежит не им одним, как они считали от века.

Книга первая

1

Isizzo' fa klabra massik, den sa rinyur owot meth alpi.
Плюнь в лицо зиме: все равно умрет весной.

Амагаст уже не спал, когда первые лучи зари тронули океан. Над головой догорали самые яркие звезды. Он знал, что они – тхармы мертвых охотников – каждый вечер высыпают в небесных полях. Но наступала пора даже припозднившимся следопытам, лучшим из лучших добытчиков и храбрецов, прятаться от лучей. Яркое солнце южных краев ничем не напоминало привычное для охотников вялое северное светило, еле согревавшее заснеженные леса под бледным небом. Казалось, это совсем другое солнце. Но перед восходом у воды было прохладно и приятно. Так будет недолго. С первыми лучами жара вернется. Амагаст почесал на руке укусы и стал ждать рассвета.

Из тьмы постепенно проступали очертания деревянной лодки. Суденышко оттащили на песок дальше сухих веток и ракушек, очертивших границу самого высокого прилива. Около лодки темнели силуэты его спавших спутников, четверых из его саммада, ушедших с ним на далекий юг. Амагаст с горечью подумал – один из них, Дайкин, умирает... скоро их останется только трое.

Кто-то из мужчин проснулся и, всем телом опираясь на копьё, медленно поднялся на ноги. Старик Огатир. Руки и ноги его сковала болезнь – сырость и холод многих зим. С копьём в руке встал и Амагаст. Мужчины сошлись и направились к водяным ямам.

– Сегодня жарко будет, курро, – произнес Огатир.

– Здесь каждый день жарко, старый. Тебе везет. Солнце исцелит твои кости.

Медленно и осторожно они подступали к черной стене леса. Высокая трава шелестела от утреннего ветерка. Какие-то лесные твари объели верхушки невысоких пальм и, отыскивая воду, разрыли под ними землю. Охотники углубили ямы вчера вечером, и теперь они были до краев полны чистой пресной воды.

– Пей вволю, – приказал Амагаст, встав лицом к лесу.

Огатир кряхтя опустился на землю и жадно припал к воде.

Ночные звери еще могли таиться поблизости в тени деревьев, и Амагаст стоял наготове, крепко стиснув копьё. Воздух был полон запахов гниющей растительности, к ним примешива-

вался аромат ночных цветов. Утолив жажду, на страже стал старик, и Амагаст окунул лицо в чистую воду. Напившись, он распрямился и долго плескал на себя, смывая пот и грязь вчерашнего дня.

– Следующая ночевка будет последней. Завтра же утром поворачиваем обратно, по своим следам, – бросил через плечо Огатир, не отводя глаз от кустов и деревьев.

– Так ты говорил. Но какая разница – еще один день или несколько?

– Время возвращаться. Каждый закат я завязывал узелок на шнурке. Дни стали короче, я знаю. Новый закат наступает все раньше, солнце слабеет, не может взлететь высоко на небо. Начинает меняться ветер, это и ты мог заметить. Все лето он дул с юго-востока. Все... Помнишь прошлый год, бурю?.. Она едва не потопила лодку и повалила целый лес. Тогда она пришла тем же путем. Пора возвращаться. Я все запомню, завяжу узелки на шнурке.

– Я знаю, ты умеешь, старый. – Пальцы Амагаста пробежали по густой шевелюре. Волосы ложились на плечи, а влажная окладистая светлая борода ниспадала на грудь. – Но ты знаешь, что наша лодка еще не полна.

– Вяленого мяса много...

– Недостаточно. Чтобы протянуть зиму, нам нужно больше. Охота была плохой. Потому мы и забрались далеко на юг. Нужно мясо.

– Еще один день, и надо поворачивать. Больше нельзя. Путь в горы далек и труден.

Амагаст не ответил. Он уважал Огатира за мудрость: старик знал, как делать орудия, умел отыскивать чудесные растения. Знал он и обряды, предваряющие охоту, и заклинания, которые отгоняют духов усопших. Он помнил события своей жизни и многих жизней до него. Старики рассказывали, а он запоминал и сам уже мог рассказывать от восхода солнца до заката, но так и не закончить повествование. Но было и нечто такое, чего старый не помнил и что беспокоило Амагаста, поскольку требовало новых решений.

Зимы, морозные зимы, свирепые, бесконечные зимы... Дважды уже должна была прийти весна: день удлинялся, солнце светило жарче, но весна все не приходила, глубокие снега не таяли, лед по-прежнему сковывал ручьи. Начался голод. Олень и большой олень ушли на юг из привычных долин и с горных лугов, стиснутых жестокой рукой зимы. Амагаст повел свой саммад вслед за животными на широкие равнины, иначе охотников ждала голодная смерть. Но охота давала скудное пропитание – стадам тоже досталось в эту ужасную зиму. И беда навалилась не только на них. Они встречали охотников из других саммадов, и не только тех, с которыми были связаны родственными узами, но и таких, с кем еще не приходилось встречаться. Эти люди странно произносили слова марбака или вовсе не говорили на нем и в гневе потрясали копьями, но все-таки они были тану, а тану прежде не воевали между собой. Раньше такого не было. А тут вдруг стало. И кровь тану обогрила каменные наконечники копий. Амагаста это тревожило не менее, чем бесконечные зимы. Копье – чтобы охотиться, нож – чтобы свежевать добычу, огонь – для приготовления пищи. Так было всегда. Тану не убивают тану. Чтобы самому не нарушить обычая, он увел свой саммад с гор; день за днем они шли к восходящему солнцу и не останавливались, пока не дошли до соленых вод великого моря. Он знал, что путь на север закрыт: Северный океан ограждали льды; лишь парамутаны, народ, что плавает в обтянутых шкурами лодках, как-то выживают в этих стылых краях. Можно было идти на юг, где леса переходят в джунгли, где никогда не выпадает снег, но где кишат мургу, а где мургу, там смерть.

Оставалось одно только бурное море. Исстари люди его саммада умели сооружать лодки для летней рыбалки, но никогда прежде не осмеливались они уходить в море, теряя из виду берега, или удаляться в лодке вдоль побережья от знакомых мест. Этим летом пришлось. Одних вяленых каракатиц на всю зиму не хватит. Если охота окажется такой же плохой, как и прошлой зимой, никому из них до весны не дожить.

Оставался юг, опасный юг – другой дороги не было. Оставалось охотиться на побережье или на недалеких островах, вечно опасаясь мургу...

Проснулись и остальные. Солнце всходило. Край его выступил над горизонтом, и из глубин джунглей донеслись первые крики зверей. Пора пускаться в плавание.

Амагаст одобритительно кивнул, когда Керрик поднес ему кожаный мешок и извлек из него горсть эккотаца – мешанины из тертых орехов и сушеных ягод. В одну руку Амагаст принял дар, другой взлохматил густые волосы на голове сына. Его первенец. Скоро станет взрослым и получит мужское имя. Но пока еще мальчик, хоть высокий и сильный. Прежде белая, кожа его теперь золотилась: как и все, он был только в набедренной повязке из оленьей шкуры. На шее на прочном кожаном шнурке висел нож из небесного металла, такой же, как у Амагаста, только поменьше. Эти ножи были тупее каменных, однако ценились высоко. Всего двумя ножами из небесного металла располагал весь их саммад. Керрик улыбнулся отцу. Ему было восемь, и он впервые охотился с мужчинами. События более важного еще не случилось в его жизни.

– Напился вволю? – спросил Амагаст.

Керрик кивнул. Он знал, до заката воды не будет. Охотник должен был привыкнуть и к этому. Раньше он жил вместе с женщинами и детьми, мог пить воду когда заблагорассудится и, проголодавшись, всегда мог отыскать горсточку ягод или сочные корни. Все. Теперь он с охотниками и должен научиться жить, как они, – обходиться без питья и еды с рассвета и до темноты. Он гордо подхватил свое небольшое копье.

Вдруг в джунглях раздались треск сучьев и крики. Мальчик испугался, но старался не подавать виду.

– Сталкивайте лодку! – приказал Амагаст.

Люди повиновались: крики раздавались все громче и ближе. Грузить в лодку было особенно нечего: копья, луки и колчаны со стрелами, бурдюки и мешки с эккотацем. Лодку быстро столкнули в воду. Рослый Хастила и Огатир придержали ее, пока мальчик, бережно держа раковину, в которой тлели угольки утреннего костра, не вскарабкался на борт.

На берегу Дайкин с трудом поднимался на ноги, стараясь последовать за остальными, но сегодня силы совсем оставили его. Он побледнел от усилий, на лице выступили крупные капли пота. Подошедший Амагаст склонился над ним и углом оленьей шкуры оттер лицо раненого товарища.

– Отдохни. Мы перетащим тебя в лодку.

– Не надо, если не смогу сам, – с трудом прохрипел Дайкин. – Вам легче будет, если я останусь здесь. И мне легче.

Его левая рука была очень плоха. Два пальца откусило чудовище, во мраке ночи напавшее на стоянку. Даже не узнав, с кем пришлось иметь дело, люди отогнали его копьями в темноту. Сначала рана Дайкина не казалась слишком серьезной: охотники выживали и после худшего, – а для него сделали все, что было в человеческих силах. Рану промыли в морской воде, пока кровотечение не ослабело, потом Огатир перевязал ее, покрыв целебным мхом, собранным в дальних высокогорных урочищах. Но рана оказалась хуже, чем они думали. Плоть его сперва побагровела, потом почернела, и чернота поползла вверх по руке; воняло от нее просто ужасно. Он скоро умрет. Амагаст перевел взгляд с распухшей руки на зеленую стену джунглей.

– Когда сюда явятся звери, мой тхарм уже будет далеко, – произнес Дайкин, проследив за направлением взгляда Амагаста.

Правая рука его была сжата. Когда он на миг разжал кулак, блеснул острый осколок камня – скребок, которым свежуют и разделявают туши. Достаточно острый, чтобы вскрыть вену на руке.

Амагаст медленно распрямился и стряхнул песок с коленей.

– На небе я буду искать тебя, – произнес он тихим голосом, так, чтобы слышал один умирающий.

– Ты всегда был мне братом, – ответил Дайкин.

Когда Амагаст отошел, он закрыл глаза и отвернулся, чтобы каким-либо знаком не помянуть охотников назад...

Лодка тихо покачивалась на волнах. Доброе и прочное суденышко было выдолблено из ствола огромного кедра. Керрик сидел на корме, поддерживая огонь в маленькой жаровне, поставленной на камни. Взметнулись языки пламени, послышался треск – огонь охватил подложенные им ветки. Мужчины уже вдели весла между кольшками из дерева тхоле и были готовы грести. Амагаст через борт перевалился в лодку. Глаза всех были обращены к оставшемуся на берегу охотнику, но ни слова не было произнесено. Так полагалось. Охотник не показывает боли... жалости тоже. Каждый мужчина вправе выбрать время, когда тхарм его поднимется в ерман, ночное небо, где его встретит Ерманпадар, отец и небесный правитель. Там, среди звезд, встречаются тхармы ушедших охотников. Такое право принадлежало каждому, и говорить было не о чем: кто мог помешать охотнику? Даже Керрик уже знал об этом и потому молчал, как и все остальные.

– Навались! – приказал Амагаст. – Правь на остров!

Неподалеку виднелся невысокий, поросший травой островок, преграждавший путь волнам. Его высокий южный берег покрывали деревья. Трава и тень сулили добрую охоту. Если только там не окажутся мургу.

– Поглядите-ка! – крикнул Керрик, показывая на воду.

Под ними проплывала огромная стая хардальтов, за их прикрытыми раковинами телами тянулись щупальца. Хастила схватил копьё и застыл над водою.

Это был рослый охотник, выше Амагаста. Несмотря на огромный рост, он двигался ловко и быстро. Он выждал немного и вдруг молниеносно вонзил копьё в волны – так что рука его по локоть оказалась в воде, – а потом так же быстро вскинул копьё вверх.

Удар был меток – в мягкое тело прямо за раковиной, и хардальт оказался на дне лодки, щупальца его слабо подрагивали, из пробитого копьём мешка сочилась черная жижа. Все радостно расхохотались. Верное имя – Хастила, Копье-Зажатое-в-Руке. Копье, которое не промахнется.

– Хорошая еда, – проговорил Хастила, ставя ногу на раковину и освобождая копьё.

Керрик был возбужден. Все так просто: один быстрый удар – и готово, вот он – огромный хардальт, которого хватит всем на целый день. Он взял свое копьё за конец, как Хастила. Оно было в два раза короче копьё взрослого охотника, но наконечник был столь же остер. Хардальты не ушли, они тесно окружали лодку, а один как раз всплыл под кормою.

Керрик с силой ударил. Острие вошло в чье-то тело. Схватив копьё двумя руками, он потянул добычу вверх. Деревянное древко дергалось у него в руках, но он, посуровев, упорно тянул.

Вода возле лодки вспенилась, забурлила, и показалась скользкая голова. Керрик выпустил копьё и упал навзничь. Распахнулись огромные челюсти, два ряда зубов оказались так близко, что на мальчика пахло гнусным дыханием чудовища. Острые когти впились в борт, вырывая куски дерева.

Но Хастила не сплеховал, его копьё ударило в открытую пасть – раз, другой. Мараг заревел, брызнула кровь. Челюсти сомкнулись, и на мгновение Керрик увидел перед собой круглый немигающий глаз.

Миг – и чудовище ушло под воду, оставив на поверхности кровавую пену.

– Гребите к острову! – приказал Амагаст. – За этим придут другие, крупнее... Как мальчик?

Огатир плеснул горсть воды в лицо Керрику и умыл его.

– Просто перепугался, – проговорил он, глядя на осунувшегося мальчика.

– Удачлив, – мрачно сказал Амагаст, – счастье приходит однажды. Впредь не станет наобум тыкать копьём.

«Никогда!» – едва не выкрикнул Керрик, глядя на разбитый в щепу борт. О мургу он слышал, видел в ожерельях их когти, трогал разноцветный и гладкий мешок, выкроенный из шкуры одного из них. Но рассказы о мургу не пугали по-настоящему, трудно было представить чудовище ростом до неба: зубы как копыя, глаза словно булыжники, когти – ножи. А тут он испугался. Он отвернулся: на глазах выступили слезы, а он не хотел, чтобы их заметили, и молча кусал губы, пока они медленно приближались к берегу. Вдруг оказалось, что лодка всего лишь хрупкая скорлупка в полном чудовищ море, и он отчаянно захотел очутиться на твердой земле. Когда под лодкой закрипел песок, он чуть не вскрикнул от облегчения. Пока остальные вытаскивали лодку из воды, он смывал с себя кровь марага...

Притаившись в траве над откосом, Амагаст изучал остров. Вдруг он тихо зашипел сквозь зубы – сигнал охотника, – и все замерли. Саммадар жестом приказал всем лечь, потом подозвал к себе. Раздвигая перед собой траву, Керрик пополз за остальными.

Олени. Целое стадо невысоких животных паслось на расстоянии полета стрелы. Раздобревшие на сочных травах, они медленно передвигались, длинные уши подергивались, отгоняя жужжавших вокруг мух. Расширив ноздри, Керрик принюхался – до него донесся сладкий запах животных.

– Идем медленно вдоль берега, – сказал Амагаст. – Ветер к нам – не почуют. Подберемся. Пригнувшись, он побежал первым, остальные за ним, Керрик замыкал цепочку.

Прячась за откосом, охотники достали стрелы и натянули тетивы, а потом одновременно вскочили и выстрелили.

Стрелы летели точно: пара зверей упала, третий, раненый, зашатался. Маленький олененок со стрелой в боку рванулся в сторону. Амагаст кинулся следом и быстро нагнал его. Олененок повернулся на месте, угрожающе наставив крошечные рожки, но Амагаст, расхохотавшись, прыгнул вперед, схватил за них и дернул. Зверь фыркнул, пошатнулся и заблеял, теряя равновесие. Когда подбежал Керрик, Амагаст уже запрокидывал голову животного на спину.

– Бери копьё, убивай. Первый раз. В горло, сбоку, воткни глубже, потом поверни.

Керрик так и поступил; олененок закричал в агонии, алая кровь окропила руки Керрика. Кровью гордятся. Он еще глубже вонзил копьё; зверь задрожал мелкой дрожью и затих.

– Отлично! – с гордостью произнес Амагаст. Тон его означал, что про морского марага забыто.

Разделявая добычу, охотники хохотали от радости. Амагаст показал на юг, в сторону более высокой части острова.

– Донесем до деревьев, там развесим и провялим.

– Будем еще охотиться? – спросил Хастила.

Амагаст покачал головой:

– Нет, завтра нам возвращаться. Чтобы разделать и прокоптить сегодняшнюю добычу, нужны день и ночь.

– Есть будем, – произнес Огатир, облизываясь. – Больше в желудке – меньше на плечах!

Под деревьями было прохладнее, но зато не было отбоя от каких-то кусачих мух. Оставалось только отмахиваться и умолять Амагаста поторопиться с костром.

– Освежьте, – велел он, пнув ногой поваленное дерево. Ствол развалился в труху. – Прогнило. Здесь нечего жечь. Огатир, принеси из лодки огонь, накорми его сухой травой к нашему возвращению. Мы с мальчиком соберем плавник.

Оставив на земле лук и стрелы, он взял копьё и направился в сторону океана. Сделав то же самое, Керрик последовал за ним.

Берег был широким, белый песок слепил, словно снег. Вдали на отмели пенились буруны, разбившиеся валы невысокими волнами катили к берегу. Там, куда уже не мог дотянуться при-

бой, валялись щепки, изломанные губки, разноцветные раковины, фиолетовые улитки, длинные зеленые пучки водорослей, осыпанные крошечными крабами. Мелкие ветки, принесенные морем, не стоили внимания, и люди направились к холмам, от которых уходил в воду каменистый берег. Легко поднявшись по склону, они увидели в просветах между деревьями уютную бухту. С противоположной стороны на песке нежились какие-то существа – должно быть, тюлени.

И в тот же самый миг они заметили, что из-за ближайших деревьев кто-то тоже следит за бухтой. Должно быть, охотник. Амагаст уже был готов окликнуть его, когда тот выступил из тени.

Слова сразу застряли в горле, все мышцы оцепенели. Это был не охотник, не человек, нет. Фигура хоть и напоминала человеческую, но казалась мерзким подобием тану.

Существо было нагим и безволосым, начинавшийся на голове пестрый гребень сбегал на спину. Яркое солнце освещало отвратительную шкуру, покрытую пестрыми чешуями.

Мараг. Не такой большой, как населявшие джунгли гиганты, но тем не менее мараг. И как свойственно их роду, он стоял неподвижно, словно окаменел. А потом медленно стал поворачивать голову, пока наконец не оказались обращенными к ним его круглый и невыразительный глаз и массивная выпяченная челюсть. Охотники застыли подобно мургу, крепко стиснув копыя. При таком повороте головы мараг не заметил среди деревьев их безмолвные силуэты.

Амагаст шевельнулся, лишь когда существо вновь обратило свой взгляд к океану. Бесшумно шагнув вперед, он поднял копые. Когда существо заподозрило или наконец услышало что-то, Амагаст уже успел добраться до края роши. Чудовище резко повернуло голову и взглянуло в лицо человеку.

Охотник с размаху всадил каменный наконечник прямо в лишенный век глаз. Копье глубоко вошло в мозг. Содрогнувшись всем телом, мараг рухнул. Он умер, еще не коснувшись земли. Амагаст извлек копые и обернулся, разглядывая склон и берег позади. Поблизости никого не было.

Керрик подошел к отцу, встал рядом с ним и молча поглядел на труп.

Существо было грубой и мерзкой пародией на человека. Красная кровь еще сочилась из пробитой глазницы, другой глаз был безжизненно обращен вверх вертикальной прорезью зрачка. Носа не было, просто дырки. В раскрывшейся в короткой агонии пасти белели остроконечные зубы.

– Что это? – спросил Керрик дрожащим голосом.

– Не знаю. Какой-то мараг. Небольшой. Таких я еще не видел.

– Но он стоял и ходил, словно человек, тану. Он из мургу, отец, но руки его похожи на наши.

– Не совсем. Сосчитай. Раз, два, три пальца и большой палец. Нет, смотри, только два пальца и два больших.

Оскалившись, Амагаст глядел на существо. Кривые и короткие ноги с плоскими ступнями и когтями на пальцах, короткий толстый хвост. Смерть скорчила лежавшее на земле тело. Амагаст ногой перевернул его. Еще одна тайна, подумал он: в руках ящер держал длинную узловатую палку.

– Отец – берег! – крикнул Керрик.

Спрятавшись за деревьями, люди следили, как прямо перед ними из моря выбирались какие-то существа.

Мургу было трое. Двое из них очень напоминали убитого, третий, жирный, был крупнее и передвигался медленно. Первые двое подталкивали его. Крупный мараг забулькал дыхательными отверстиями, а потом медленно и лениво почесал брюхо когтями ноги. Один из мургу, поменьше, замахал лапами и резко зацокал.

Гнев душил Амагаста, он едва не задохнулся от отвращения. Ненависть ослепила его, и, не думая о последствиях, он бросился вниз по склону, вскинув копьё.

Через какой-то миг он оказался возле мургу и ударил копьём ближайшего. Ящер увернулся от удара – острый наконечник копьё только разодрал кожу на ребрах. Чудовище открыло рот и попыталось убежать. Следующий удар Амагаста был точным...

Вырвав копьё, Амагаст обернулся – второй мараг с плеском бросился в воду. Но вдруг раскинул лапы и повалился вперед: маленькое копьё неожиданно настигло его.

– Меткий бросок, – похвалил Амагаст сына.

Убедившись, что ящер мертв, он извлек копьё и отдал Керрику.

Теперь оставался только жирный и крупный мараг. Глаза его были закрыты, он словно не замечал происходящего вокруг.

Когда копьё Амагаста проткнуло его бок, он закричал почти по-человечески. Тварь вся заросла жиром – охотник колол и колол... Наконец мараг замер на песке. Покончив с ним, Амагаст оперся на копьё и с брезгливостью поглядел на убитых: ненависть еще владела им.

– Твари! Их надо убивать! Мургу – не мы. Гляди: пятна на шкуре, шерсти нет, холода боятся, ядовиты, в пищу даже не годятся. Когда попадают, надо убивать! – рычал он, и Керрик лишь кивал в знак согласия, ощущая такое же глубокое и бездумное отвращение.

– Иди приведи остальных! – приказал Амагаст. – Быстро! Смотри, на том краю бухты другие. Надо убить всех...

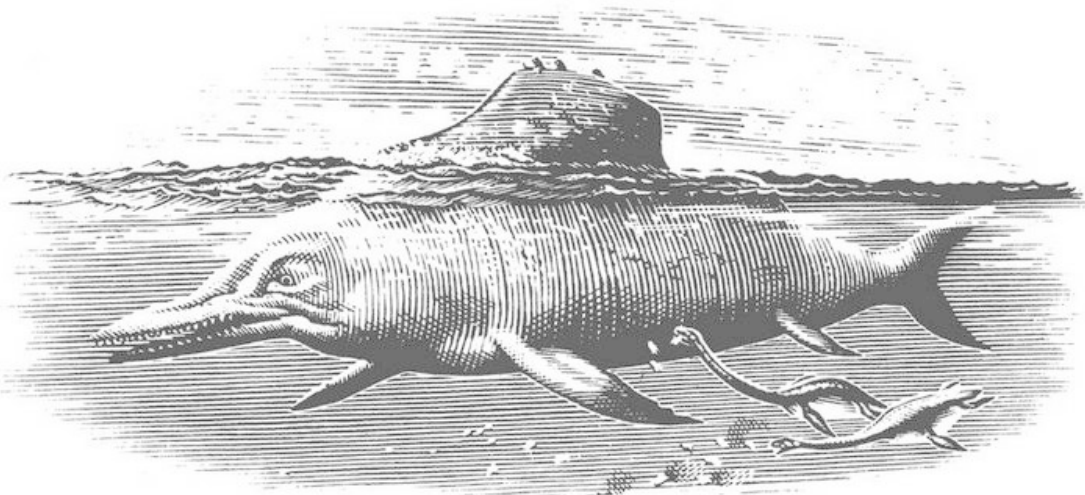
Вдруг убитый мараг шевельнул хвостом, и Амагаст снова занес копьё.

Нет! Хвост не двигался, что-то шевелилось у его основания, там была какая-то щель, открывавшаяся, словно сумка. Острием копьё Амагаст ткнул туда, и его замутило от одного вида бледных созданий, посыпавшихся на песок.

Сморщенные и слепые, похожие на взрослых... Значит, детеныши. Задыхаясь от гнева, он топтал их ногами.

– Всех, всех передавлю! – бормотал он, а Керрик уже мелькал между деревьями.

2

Ende hante'hei, ate' Eemboke'ka iirubushei kaksheise', he'awahei; he'vai'ihei, kaksheinte', enpeleiuu asahen enge.

От отцовской любви уйти в объятия моря – вот первая боль жизни, а первая радость – подруги, что ждут там тебя.

Энтиисенат резал волны громадными плоскими плавниками. Он приподнял голову – вода заструилась по темной шкуре; голова на длинной шее поднималась все выше, энтиисенат огляделся по сторонам – и, заметив за собой огромный силуэт, торопливо ушел под воду. «Стайка кальмаров», – радостно зацокал второй энтиисенат. Массивные хвосты заколыхались, и ящеры рванулись за добычей; могучие гиганты, для которых не было преград, разинули широкие пасти.

Выбрасывая струи воды, кальмары бросились в разные стороны. Некоторые из них спаслись в чернильных облаках, но большинство нашло смерть в ненасытных плоских пастьях, проглоченные в один миг. Насытившись, гиганты повернули назад.

Неподалеку океан бороздило еще более огромное существо. Вода перехлестывала через его спину, пенилась вокруг громадного спинного плавника. Приблизившись к нему, энтиисенаты нырнули и пристроились рядом, стараясь держаться возле чудовищного, усеянного зубами клюва. Урукето, должно быть, увидел их, глаз его, медленно поворачиваясь, следил за обоими, черный зрачок обрамляло костяное кольцо. Неторопливый мозг чудовища соображал медленно, клюв приоткрылся, потом распахнулся пошире.

Один за другим энтиисенаты подплыли к разверзшейся пасти и, по очереди просунув головы в колоссальную полость, извергли только что проглоченных кальмаров. Опустошив желудки, они отвалились в сторону, загребая сильными плавниками. Челюсти позади сомкнулись так же неторопливо, как открылись. Урукето не спеша продолжал путь.

Большая часть массивной туши находилась под водой, только спинной плавник взрезал поверхность вод. Вздываясь над волнами, плоская верхушка его, морщинистая и высохшая, была покрыта белыми пятнами экскрементов морских птиц и шрамами от ран, оставленных острыми клювами. Одна из птиц как раз опускалась на верхушку плавника, расправив огромные белые крылья и выставив вперед перепончатые лапы. Вскрикнув, птица вдруг метнулась назад: сверху на плавнике открылась узкая щель. Она увеличивалась, расходилась во всю длину – громадный ход внутрь живой плоти, – из него пахло спертым воздухом.

Отверстие все ширилось, пока наконец иилане' не смогла просунуть в него плечи. Второй офицер, она несла вахту. Поднявшись на невысокий костный карниз, огибавший плавник изнутри, она с наслаждением вдохнула свежий морской воздух, покрутила головой во все стороны. Удовлетворенная, она спустилась вниз, где иилане', выполнявшая сегодня обязанности кормчего, внимательно смотрела в прозрачный круглый диск прямо перед собой. Первая иилане' поглядела на светившуюся в полумраке иглу компаса и заметила, что они отклонились от курса. Кормчая потянулась в сторону, зацепила узел нервного окончания в плавнике и стиснула его. Дрожь сотрясла все «судно»: полуразумное существо повиновалось. Вахтенная кивнула и отправилась вниз, в длинную пещеру. Расширяясь, зрачки ее быстро приспособились к темноте.

Помещение в живом теле урукето, проходившее от головы до хвоста, освещали только фосфоресцировавшие пятна на стенах. Сзади, почти в полной тьме, лежали со связанными ногами иилане'-узницы; коробки с припасами, емкости с водой отделяли их от пассажиров и экипажа, располагавшихся впереди.

Вахтенная подошла к капитану и отрапортовала. Эрефнаис оторвалась от светившейся карты, которую держала в руках, и одобрительно кивнула. Удовлетворенная, она свернула карту и направилась вверх, к плавнику. Эрефнаис слегка прихрамывала: давала знать о себе детская травма спины, там до сих пор проступали морщинистые шрамы. Только великие способности позволили ей достичь высокого положения капитана при таком физическом недостатке. Наверху она тоже принялась оглядываться, глубоко вдыхая свежий морской воздух.

За спиной пропадали из виду берега Манинле. Впереди, на горизонте, едва виднелась цепь невысоких островов, тянувшаяся с юга на север. Склонившись вниз, она заговорила самым формальным тоном. Приказы она отдавала тверже и решительнее. Сейчас этого не тре-

бывалось. Она говорила вежливо и безлично, как иилане' низшего ранга следует обращаться к вышестоящей. А ведь она командовала судном... Значит, та, к которой она обращалась, занимала воистину высокое положение.

– Есть на что поглядеть, Вейнте'.

С этими словами она шагнула в сторону, уступая дорогу. Вейнте' стала осторожно подниматься по ребристой внутренности плавника, за ней следовали еще двое иилане'. Вейнте' прикинула к краю отверстия. Открывая и закрывая ноздри, она вдыхала острый, соленый морской воздух. Эрефнаис с восхищением глядела на нее, в этот миг Вейнте' была воистину прекрасна. Даже если не знать, что она поставлена во главе нового города, по любому движению сразу можно было догадаться о ее истинном положении. Не замечая восхищенных взоров, Вейнте' гордо стояла, запрокинув голову и выставив вперед нижнюю челюсть; под жгучими лучами солнца зрачки ее сузились в вертикальные щелки. Сильными руками она крепко держалась за плавник урукето, для равновесия широко расставив ноги, ее причудливый ярко-оранжевый гребень изредка подергивался. Она рождена, чтобы повелевать, – это чувствовалось в каждом движении ее тела.

– Скажи мне, что там впереди, – отрывисто произнесла Вейнте'.

– Цепь островков, высочайшая. Имя их соответствует сути. Алакас-Аксехент – золотые камни, идущие друг за другом. Песок и вода на них теплые в любое время года. Острова цепочкой протянулись к материку. Там, на берегу, и растет новый город.

– Алпеасак. Прекрасные пляжи... – прошептала Вейнте', едва шевельнув губами. – Моя судьба. – Она повернулась лицом к капитану. – Когда мы прибываем?

– Сегодня к вечеру, высочайшая. Но еще до заката. Теплое океанское течение быстро несет нас вперед. Кальмаров вокруг в изобилии, и энтиисенат, и урукето сыты. Иногда даже слишком сыты, но это трудности капитана в дальнем походе. За ними приходится следить, иначе они не станут торопиться и мы прибудем...

– Тихо. Я хочу побыть со своими эфенселе.

– Удовольствие для меня, – пяясь, проговорила Эрефнаис и исчезла внизу.

Вейнте' обернулась к молчавшим спутницам и ласково взглянула на них:

– Ну вот мы и прибыли. Трудная дорога в новый мир, в Гендаси, заканчивается, впереди новые трудности – теперь придется создавать новый город.

– Мы поможем, приказывай, – отвечала Этдириг, сильная и крепкая как скала, всегда готовая помочь. – Приказывай, пойдём на смерть.

В других устах такие речи могли бы показаться притворством, но только не в устах Этдириг. Искренность проступала в каждом движении ее крепкого тела.

– Этого я не стану приказывать, – сказала Вейнте', – но попрошу тебя быть рядом со мной, первой помощницей во всем.

– Сочту за честь.

Вейнте' обернулась к Икеменд, тоже готовой исполнить любое приказание.

– Ты будешь на самом ответственном месте. Наше будущее у тебя между большими пальцами. Тебе – заботиться о ханане и самцах.

Икеменд вздохнула, выражая разом согласие, удовольствие и преданность. Вейнте' ощутила теплоту их дружбы и поддержки, но тут же нахмурилась.

– Благодарю обеих, – сказала она, – оставьте меня. Пришлите сюда Энге. Одну.

Урукето качнула большая волна. Вейнте' крепко вцепилась в грубую шкуру. Накативший от хвоста зеленый вал разбился о черную башню плавника. Соленая пена брызнула Вейнте' в лицо. Прозрачные мигательные мембраны, опустившиеся на глаза, медленно поднялись. Она не замечала капель воды, мысли ее были далеко; они опережали огромное существо, которое несло их по морю из самого Инегбана.

Впереди ее ждал Алпеасак, золотой пляж ее будущего... Высоко взлетала она в мечтах своих, едва покинув теплое море детства, и обошла многих из своего эфенбуру и эфенбуру многими годами ее старше. Хочешь подняться – лезь в гору. И наживай врагов. Но, как никто, Вейнте' знала, что надо уметь обзаводиться и союзниками. У нее было свойство помнить обо всех из своего эфенбуру, какое бы положение они ни занимали, и встречаться с ними при первой возможности. Тех, кто был равен ей или выше, она умела расположить к себе, младшие же в эфенбуру ею восхищались. В городе они были ее ушами и глазами, служили ей тайной силой. Без их помощи она не сумела бы добиться права на это путешествие, решиться на величайший риск. Ее ждал взлет – или падение. Пост начальницы Алпеасака, нового города, – важный пост. Назначение это позволило ей опередить многих. Но она могла потерпеть и неудачу, ведь в новом городе, самом далеком от Энтобана, ее поджидали серьезные проблемы. Если новый город не вырастет вовремя, она падет так низко, что никогда не поднимется. Как Диисте, которую она сменил на посту эйстаа нового города. Если она потерпит неудачу, ее тоже сместят. Такое было возможно, но рискнуть следовало. В случае успеха, на который все надеялись, она пойдет в гору и ничто не остановит ее.

Снизу поднялась и встала рядом знакомая иилане', с которой были связаны и добрые, и горькие воспоминания. Вейнте' ценила дружбу всех из своего эфенбуру, она знала ей цену. Будущее Энге было туманным. Вейнте' хотела, чтобы ее эфенселе понимала, что ждет ее на берегу. Сейчас был последний шанс переговорить с глазу на глаз перед высадкой на берег. Внизу для этого слишком много настороженных ушей и внимательных глаз, там нельзя открывничать, но все нужно сказать именно сейчас, и пусть эта глупость закончится навсегда.

– Мы уже возле берега. Впереди Гендаси. Капитан сказала мне, что мы прибудем в Алпеасак еще до вечера.

Энге молчала и лишь в знак согласия шевельнула пальцем. Жест не был оскорблением, но и не выражал никаких эмоций. Разговор начался неудачно, но Вейнте' не могла позволить себе разгневаться и отвлечься от главного. Она повернулась к своей эфенселе.

– От отцовской любви уйти в объятия моря – вот первая боль жизни... – начала Вейнте'.

– А первая радость – подруги, которые ждут там тебя, – закончила Энге знакомую фразу. – Я казню себя, Вейнте', я знаю, как ты страдаешь от моего эгоизма.

– Мне не надо ни извинений, ни твоего унижения, даже объяснений твоего из ряда вон выходящего поведения. Мне просто непонятно, почему и ты, и твои последовательницы не преданы позорной смерти. Но не буду говорить об этом – я думаю не о себе. Меня беспокоишь ты, и только ты. Не эти заблудшие существа внизу. Если у них хватило ума пожертвовать свободой ради вредной философии, значит хватит смекалки и на добрую работу. Город найдет для них применение. Он может использовать и тебя, и не в качестве заключенной.

– Я не просила развязывать меня.

– Тебе не надо было этого делать. Я приказала. Для меня позор, когда одна из моего эфенбуру связана, как преступница.

– Я никогда не желала опозорить ни тебя, ни наше эфенбуру. – В голосе Энге не было раскаяния. – И поступала в соответствии с собственными убеждениями. Их глубина полностью переменяла всю мою жизнь... они могут изменить и твою, эфенселе. Но все-таки приятно слышать, тебе стыдно. Это пробуждение – начало веры.

– Постой. Я стыжусь лишь за наше эфенбуру, которое ты опозорила. А сама я ощущаю лишь гнев – и не более. Сейчас мы вдвоем, нас никто не слышит. Со мной будет покончено, если ты проболтаешься, но я знаю – ты не станешь причинять мне вред. Слушай же. Перед высадкой на берег тебя вновь свяжут, как и твоих подруг, но ненадолго. Едва уйдет судно, я освобожу тебя, ты будешь помогать мне. Алпеасак – моя судьба, я нуждаюсь в твоей помощи. Дай мне ее. Ты знаешь, какие ужасные события происходят ныне, что с севера дуют все более холодные ветры. Два города уже погибли, и нет сомнений, что Инегбан ждет та же участь. Уси-

лиями прежних глав нашего города основан новый, еще более великий, город на этом дальнем берегу. Инегбан умрет, но Алпеасак будет жить. Я долго билась за право быть эйстаа нового города, я направлю его рост, буду готовить его к тому дню, когда в него переселится весь наш народ. Но мне нужна помощь. Мне нужны друзья, готовые усердно трудиться вместе со мной и вместе возвыситься. Я прошу тебя помочь мне, Энге. Будь со мной в этих нелегких трудах. Ты моя эфенселе. Мы вместе оказались в море, вместе росли, вместе вышли из него и стали подругами в одном эфенбуру. Нашу связь невозможно нарушить. Помогите мне, будьте рядом со мной, возвысьтесь, будьте моей правой рукой. Ты не можешь отказать мне. Согласна?

Голова Энге склонилась. Сложив молитвенно руки, она подняла глаза:

– Я не могу. Я связана с подругами, Дочерьми Жизни, связью более сильной, чем со своим эфенбуру. Они следуют за мной.

– Ты привела их в ссылку, в дикие края, на верную смерть!

– Надеюсь, что нет. Я только учила их пониманию мира. Я пересказала им истины, открытые Угуненапсой, которые даровали ей вечную жизнь. Не только ей – мне, всем нам. Просто ты и другие иилане' слепы и ничего не видите. Одно только может вернуть зрение – память о смерти позволит узнать жизнь.

Вейнте' была вне себя и на миг потеряла дар речи, по-детски протянув к Энге руки. Она видела – пылающие ладони Энге были обращены к ней в самом оскорбительном из жестов. Еще более разгневало ее то, что Энге не растрогала проявленная забота, не огорчил гнев.

– Не надо, Вейнте'. Если мы вновь окажемся вместе, обнаружится нечто более важное, чем наши желания, чем преданность эфенбуру...

– И преданность городу?

– Да... Это важнее всего на свете.

– У меня нет даже слов. Ты предала все, чем мы живем, и я презираю тебя. Все иилане' от яйца времен живут как положено иилане', и в этот порядок, словно паразит в живую плоть, вгрызается твоя презренная Фарнексеи, проповедующая возмутительную чушь. К ней относились с терпением, но она настаивала на своем, получила предупреждение, но не образумилась... пока не осталось единственного выхода – изгнать ее из города. Но она не умерла, первая из вас, живых покойниц. И если бы не спасительница Олпесааг, она до сих пор жила бы и проповедовала.

– Угуненапсой звали ее потому, что устами ее говорила великая правда. Олпесааг-разрушительница уничтожила ее тело, но не откровение.

– Имя дается, она была Фарнексеи – «ищущая». Она забыла про осторожность и за это умерла. Такой конец ждет и вашу детскую веру, место которой среди кораллов и водорослей. – Вейнте' глубоко вздохнула, пытаясь сдержать себя. – Разве ты не понимаешь, что я тебе предлагаю? Последний шанс. Жизнь вместо смерти. Будешь со мной – и поднимешься. Если эта низменная вера важна для тебя, верь в глубине сердца, но молчи, не говори о ней ни мне, ни другим иилане', спрячь под плащ, где ее никто не увидит. Сделай это.

– Не могу. Правду нельзя спрятать.

С яростным ревом Вейнте' схватила Энге за шею, больно ткнув большими пальцами в гребень, и ударила лицом в неподатливую поверхность плавника урукето.

– Вот тебе правда! – закричала она, разворачивая Энге лицом к себе, чтобы до той дошло каждое слово. – Правда в том, что я сую в птичье дерьмо твою круглую, как луна, рожу. И еще правда в том, что тебя ожидает новый город, окруженный дикими джунглями, тяжелая работа, грязь, отсутствие всех привычных удобств. Такова будет твоя судьба, и, уверяю, смерть ждет тебя, если ты не откажешься от своего высокомерия, не прекратишь этого жалкого визга.

Услышав тихие шаги капитана, которая была ошеломлена увиденной сценой и теперь пыталась незаметно уйти, Вейнте' крикнула, толкнув Энге на карниз:

– А ну сюда! Что значит это шпионство?!

– Я не хотела... высочайшая, у меня не было дурных намерений, я уйду, – забормотала Эрефнаис, не прибегая к тонкостям и пышным фразам: так велико было ее смущение.

– Что привело тебя сюда?

– Пляжи... Я просто хотела показать вам пляжи, белые родильные пляжи. Вон там, к ним мы и направляемся.

Вейнте' обрадовалась, что отыскалась причина закончить эту отвратительную сцену. Отвратительную – ведь она позволила себе вспышку гнева. Подобное она допускала нечасто, потому что прекрасно понимала, какое оружие отдает в чужие руки. Теперь вот капитан разнесет новость, и ничего хорошего не получится. А во всем виновата Энге, строптивая, неблагодарная, глупая Энге. Теперь ее ждет судьба, которую она заслужила. Не отводя глаз от зеленого берега, Вейнте' прислонилась к стенке, гнев ее утихал, дыхание замедлялось. Энге поднялась на ноги: она тоже хотела взглянуть на пляж.

– Мы подойдем поближе, – произнесла Эрефнаис, – поближе к берегу.

«Наше будущее, – думала Вейнте', – первый восторг, первые яйца, первые рождения, первое подрастающее в море эфенбуру».

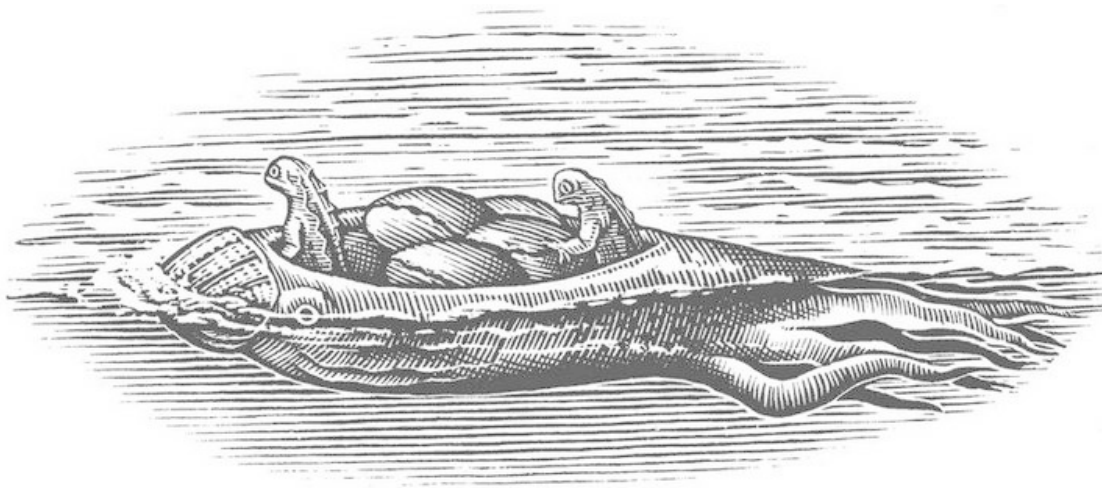
Гнев ее улегся, она едва не улыбнулась, представив себе жирных ленивых самцов на пляжах. Молодняк, блаженствующий в сумках у них под хвостами. Первое рождение – памятное событие в новом городе.

Экипаж сумел заставить урукето подойти близко к берегу, почти в самые буруны, вдоль которого тянулись пляжи, прекрасные пляжи...

Энге и капитан остолбенели. Громко, с мукой в голосе, закричала Вейнте'.

На ровном песке валялись изуродованные трупы.

3

Крик резко оборвался. Когда Вейнте' заговорила снова, из ее слов исчезла вся многозначительность, вся утонченность и отточенность речи. Только обнаженные кости смысла, только безжалостная и жесткая необходимость.

– Капитан, немедленно отправить на берег десять сильнейших членов экипажа. Выдать всем хесотсаны. Пусть урукето остается на месте. – Она выглянула наружу, опершись на плавник, и показала на Энге. – Ты пойдешь со мной.

Зацепившись когтями ног за шкуру урукето и помогая себе руками, Вейнте' выбралась на спину животного и нырнула в прозрачное море. Энге чуть отставала.

Они вынырнули из волн прибоя возле трупа самца. Мухи густо усеяли многочисленные раны с запекшейся кровью. Зрелище это заставило Энге пошатнуться, словно ее качнул невидимый ветер, она сплетала пальцы, не замечая того, – детский знак боли.

А Вейнте? Она стояла спокойно, с непроницаемым лицом, только глаза метались по сторонам.

– Я хочу отыскать тех, кто это сделал, – произнесла она невозмутимым тоном, ступив вперед и склонившись над телом. – Эти существа убивали, но не ели. У них длинные когти, клыки или рога – погляди на эти раны! Видишь? Убиты ведь не только самцы, но и няньки. Где же стража?

Она повернулась, из моря навстречу ей спешили командир и вооруженные члены экипажа.

– Растянитесь в шеренгу, оружие наготове, прочешите весь пляж! Найдите охрану, которая должна была находиться здесь, и вместе отправляйтесь по следам. Вперед! – Вейнте' проследила за ними и обернулась, когда Энге позвала ее.

– Вейнте', я даже представить не могу, какое животное нанесло эти раны: повсюду одиночные проколы или разрезы, словно у этого зверя один рог или клык.

– У ненитеска на конце морды один грубый рог и у хурукаста тоже один рог.

– Это гигантские, неповоротливые, глупые твари, они не способны на подобное. Ты сама говорила мне, что здешние джунгли опасны. Здесь могут оказаться другие звери, стремительные и коварные.

– Но где же охрана? Опасности им известны, почему они не справились со своим делом?

– Она была здесь, – проговорила Эрефнаис, медленно возвращаясь по песку, – все мертвы. Убиты.

– Это невозможно! А их оружие?

– Не использовано и полностью заряжено. Это существо... существа... они смертельно опасны.

Одна из членов экипажа издали окликнула их, но на таком расстоянии голос ее был едва слышен, а знаки непонятны. В большом возбуждении она бежала к ним.

– Я нашла след... идите сюда... там кровь! – (Вейнте' наконец разобрала слова. Нескрываемый ужас был в этом голосе.) – Я шла по следу, высочайшая, – заговорила иилане', указывая на деревья. – По-моему, существ было по крайней мере пять – столько было следов, и все кончаются у воды. Они исчезли. Но есть кое-что еще, это следует видеть.

– Что?

– Место убийства... Там много костей и крови, и еще... Увидишь сама.

Не дойдя до места, они услышали сердитое жужжание мух. Там действительно были следы страшного убийства, но было и нечто куда более важное. Проводница молча показала на землю.

Там лежала кучка углей и пепла, из которой еще вился серый дымок.

– Огонь? – громко произнесла Вейнте', озадаченная увиденным, как и остальные. Ей уже приходилось видеть огонь, но он ей не понравился. – Назад, дура! – крикнула она, когда капитан сунулась к тлеющим углям. – Тут огонь. Он очень горячий и жжется.

– Я не знала, – стала извиняться Эрефнаис. – Я только слыхала о нем, но никогда не видела.

– А вот кое-что еще, – продолжила говорившая, – на берегу оказалась грязь. Она засохла под лучами солнца. И на ней следы. Очень четкие. Я взяла один, вот он.

Вейнте' подошла и склонилась над потрескавшимся куском глины с углублениями в твердой поверхности.

– Невелики, очень невелики, они ниже нас. Такие мягкие ступни, нет и следа когтей. Цо! Считайте. – Она выпрямилась и обернулась к сопровождавшим, вытянув вперед руку с

растопыренными пальцами. – Пять пальцев, а не четыре, как у нас. Кто знает зверей с пятью пальцами?

Молчание было ей ответом.

– Здесь столько тайн. Мне не нравится это. Сколько вокруг стражниц?

– Три, – ответила Эрефнаис, – по одной у каждой оконечности пляжа, третья в середине. Она умолкла. Из подлеска, треща ветками, на берег выскочила еще одна из экипажа.

– У берега лодка, – доложила она, – небольшая.

Вейнте' вышла из-за деревьев и заметила покачивавшуюся на волнах небольшую лодку, груженную какими-то емкостями. Одна из иилане' придерживала на волнах живое суденышко, чтобы не удрало, еще две тарачились на трупы на пляже. Заметив Вейнте', они переглянулись. На шее одной из них блеснуло ожерелье из крученой проволоки. Вейнте' пристально оглядела ее.

– Если ты эсекасак, та, что защищает родильные пляжи, почему ты не спасла своих подопечных?

Ноздри эсекасак расширились от ярости.

– Кто ты, чтобы так разговаривать со мной?

– Я – Вейнте'. Теперь я эйстаа этого города. Живо отвечай на мой вопрос, низкая, я теряю терпение.

Эсекасак почтительно прикоснулась к губам и отступила на шаг.

– Извини меня, высочайшая, я не знала. Потрясение, эти смерти...

– Ты в ответе за них. Где ты была?

– В городе, я ходила за пищей и новой сменой.

– Сколько времени ты отсутствовала?

– Всего три дня, высочайшая, как всегда.

– Как всегда? – Вейнте' душила ярость. – Я не понимаю твоих слов. Почему ты морем отправилась в город? Где же терновая стена, где линии обороны?

– Они еще не подросли, высочайшая, и ненадежны. Реку уже очистили и углубили, но еще не совсем освободили от опасных зверей. Решили безопасности ради родильные пляжи временно оставить на берегу океана.

– Безопасности ради? – Более Вейнте' не могла сдержать гнева. Показывая на трупы, она завопила: – Вот они – все убиты! Ты виновата! Лучше бы ты погибла вместе с ними. За это величайшее из преступлений я требую самого строгого наказания. Ты изгоняешься из города, из числа говорящих, будь среди безъязыких! Долго ты не проживешь, но, пока жива, будешь помнить, что твоя собственная ошибка, твоя безответственность, уклонение от обязанностей навлекли на тебя наказание!

Вейнте' шагнула вперед и, большими пальцами схватившись за металлическую эмблему высокого поста, сорвала ожерелье с эсекасак. Затем, бросив ожерелье в прибой, она затащила литанию деперсонализации:

– Я лишаю тебя поста! И все присутствующие лишают тебя поста за безответственность. Каждая жительница Инегбана, города нашего и дома, каждая живущая иилане' лишает тебя гражданства. А теперь я забираю твое имя, никто из живых не произнесет его, но все будут помнить тебя, злую тьму. Возвращаю тебя к безымянным и бессловесным! Ступай!

Вейнте' указала на бушующий океан, ужасающий своим гневом.

Деперсонализированная эсекасак рухнула на колени, распростерлась на песке у ног Вейнте'. Слова ее едва можно было понять.

– Нет, только не это, умоляю! Не моя вина, это Диисте приказала, она заставила нас. Рождений не было, но она не укрепляла сексуальную дисциплину. Меня в этом нельзя винить, иначе не было бы рождений. В случившемся виновата не я...

Голос ее постепенно слабел, судорожные движения конечностей замедлились и остановились.

– Поверните ее! – приказала Вейнте’.

Эрефнаис сделала знак двум членам экипажа, которые перевалили обмякшее тело на спину. Глаза умирающей еще глядели, но дыхание затихло. Она умирала. Правосудие свершилось. Вейнте’ одобритительно кивнула и тут же забыла о несчастном создании – оставалось еще столько дел.

– Эрефнаис, останешься здесь и проследишь, чтобы тела убрали, – распорядилась она, – а потом веди урукето к городу. Я отправлюсь в этой лодке. Хочу видеть эту эйстаа Диисте, которую я должна сместить.

Когда Вейнте’ забралась в лодку, охранница, находившаяся возле нее, смиренным жестом попросила разрешения заговорить.

– Встретиться с Диисте невозможно. Она мертва уже много дней. Лихорадка... Она умерла в числе последних.

– Значит, мое прибытие слишком запоздало.

Вейнте’ уселась, а стражница, склонившись к уху лодки, отдала приказ. Лодка задрожала и выбросила струю воды.

– Расскажи мне о городе, – попросила Вейнте’, – но сперва назови свое имя.

Она говорила спокойно и доброжелательно. Стражница не виновата в несчастье, дежурила не она. Вейнте’ должна найти в ней союзницу, должна думать о городе.

– Я – Инленат, – отвечала та уже не таким испуганным голосом. – Город будет уютным. Мы все этого хотим. И мы усердно работаем, хотя у нас много трудностей и проблем.

– И Диисте была одной из вас?

Инленат спрятала руки, чтобы не выдать себя.

– Не мне говорить. Я прожила в городе недолго.

– Но если ты живешь в городе, ты принадлежишь ему. Можешь говорить: я – Вейнте’, и я – эйстаа. А потому ты принадлежишь и мне. Задумайся, потрать немного времени. Вся власть в моих руках. Ко мне будут идти со всеми проблемами. От меня будут исходить решения. Теперь ты понимаешь свою ответственность. Говори, правдиво отвечай на мои вопросы.

– Повинуюсь твоему приказанию, эйстаа, – преданно отвечала Инленат, приспособляясь к новому порядку.

Постепенно тщательными и осторожными расспросами Вейнте’ удалось выяснить последовательность событий в городе. Стражница занимала слишком низкое положение и не знала, что происходило среди высочайших, но результаты их действий она знала прекрасно. И они не обнадеживали.

Диисте не любили, это было очевидно. Она явно окружила себя группой приживалок, почти не выходивших на работу. И все указывало на то, что именно они утратили чувство ответственности, не обратились к другим способам получения удовлетворения, когда пришло время откладывать яйца, а воспользовались самцами, хотя родильные пляжи еще не были готовы. И если это так, правду несложно было выяснить, даже не стоило тратить силы на публичный суд. Преступниц следовало направить на работу вне города, чтобы они трудились, пока не свалятся мертвыми или не попадут в зубы местным хищникам. Иного они не заслуживали.

Впрочем, не все новости были так плохи. Уже были расчищены первые поля, город вырос почти наполовину и развивался по плану. Когда победили здешнюю лихорадку, прочих медицинских проблем уже не возникало – случались только травмы, обычные при тяжелой работе.

Когда лодка вошла в устье реки, Вейнте’ в основном представляла себе, что придется делать. Конечно, она проверит слова Инленат, это естественно, но предчувствие говорило ей, что простодушное создание и впрямь выложило все городские проблемы. Конечно, вперемешку со сплетнями, но в основном все подтвердится.

Солнце опускалось в облака, лодка скользнула между водяными корнями города и оказалась в гавани. Вейнте' машинально набросила на плечи один из плащей: становилось прохладно. Плащ кормили хорошо, и он грел, к тому же скрывал ее ранг, и это было неплохо. Если бы не трагедия на пляже, она настояла бы на официальной встрече урукето. Но теперь торжественность была неуместной. Вейнте' тихо вступит в Алпеасак, так, чтобы, когда слухи о случившемся проникнут в город, она могла бы правильно использовать их. О гибели стражницы иилане' не позабудут, но вспоминать об этом будут как о конце неурядиц, начале доброй поры. И она пообещала себе, что теперь все будет иначе, совершенно иначе.

4

Прибытие Вейнте' не осталось незамеченным. Еще издали она увидела на причале фигуру в плаще, явно ожидавшую ее прибытия.

– Кто это? – спросила Вейнте'.

Инленат проследила за ее взглядом.

– Я слыхала, что ее зовут Ваналпе', ранг ее – высочайшая. Она никогда не разговаривала со мной.

Вейнте' знала о ней из ее отчетов. Деловые и формальные, ни слова о личностях или трудностях. Она была эсекаксонка, буквально – «меняющая форму вещей». Она принадлежала к тем немногим, кто умел изменять растения и животных, создавать новые полезные виды. Именно она отвечала за проект города и его выращивание. Вейнте' была эйстаа, предводительница поселения, распоряжающаяся всеми его жителями; Ваналпе' полностью отвечала за физическую форму самого города. Вейнте' попыталась скрыть внезапную скованность: важна первая встреча, она покажет, как сложатся отношения. А от них зависят судьба и будущее самого Алпеасака.

– Я Вейнте', – произнесла она, ступая на сырые доски причала.

– Приветствую тебя и приглашаю в Алпеасак. Одна из фарги заметила урукето и приближающуюся лодку и доложила мне. Больше всего я хотела, чтобы это оказалась именно ты. Мое имя Ваналпе', «услуживающая», – вежливо проговорила она, делая жест подчинения.

Она сделала его в старомодной манере, дважды широко поведя рукой, а не коротко, как было принято теперь. Она стояла, расставив ноги, крепкая, готовая повиноваться. Вейнте' сразу же почувствовала к ней расположение и по-дружески взяла за руку:

– Я читала твои отчеты. Ты хорошо поработала для Алпеасака. А скажи, больше фарги ничего не рассказывала?.. о пляже не вспоминала?

– Нет, просто доложила о твоём прибытии. А что случилось на пляже?

Вейнте' открыла было рот, но поняла, что не может говорить. После той короткой вспышки гнева она держала свои чувства под строгим контролем. И теперь ощутила, что, если заговорит об убийстве самцов и молодняка, гнев и ужас вновь овладеют ею. А в нынешнем положении это будет ошибкой, ибо нарушит вид холодной рассудительности, с которым она всегда появлялась публично.

– Инленат, – приказала она, – расскажи Ваналпе', что мы обнаружили на пляже.

Стараясь не прислушиваться, Вейнте' расхаживала по причалу, планируя дальнейшие действия. Когда голоса умолкли, она обернулась и увидела, что обе ожидают распоряжений.

– Теперь понимаешь? – спросила Вейнте'.

– Чудовищно! Следует отыскать тварей, что сделали это, и уничтожить!

– Ты не имеешь представления, что это за звери?

– Нет, но мне известно, кто знает. Сталлан, она работает вместе со мной.

– Имя охотницы ей присвоено?

– Это истинное её имя. Она в одиночку исходила джунгли вокруг города. Она знает о них все. Используя её сведения, я внесла изменения в проект города, о которых должна рассказать тебе поподробнее.

– Потом. Хотя я теперь эйстаа, некоторые дела могут подождать, сначала надо разобраться со случившимся на пляже. В городе все в порядке? Неотложных проблем нет?

– Другие вопросы могут подождать. Все идет своим чередом. Лихорадка остановлена. Кое-кто умер.

– Диисте умерла. О ней будут вспоминать?

В задумчивости Ваналпе' молча потупила глаза. А когда заговорила, стало ясно, что она, понимая свою ответственность, тщательно взвесила каждое слово.

– В городе были недобрые настроения... многие говорили, что в них виновата Диисте. Я согласна с ними. Её будут вспоминать немногие.

– И кто же?

– Подружки. Ты быстро найдешь их.

– Понимаю. Пошли за Сталлан, я приказываю ей явиться ко мне. А теперь покажи мне город.

Ваналпе' провела её меж высоких корней и откинула в сторону задрожавший от прикосновения тяжелый полог. Внутри было теплее, и они сбросили плащи возле двери. Медленно выпустив щупальца, плащи принялись ощупывать стенку и, ощутив сладкий запах древесосока, присосались к ней.

Иилане' миновали какие-то сооружения у края воды, где узловатые стволы деревьев были прикрыты полупрозрачными листьями.

– Новый метод, – пояснила Ваналпе'. – Этот город заложен после долгого перерыва. И дни, прошедшие со времени закладки последнего, расходовались мудро: в проект были внесены значительные усовершенствования. – Она оживилась и, улыбнувшись, погладила хрупкие листья. – Я вырастила их сама. Модифицированные куколки насекомых. Если личинки сытно кормить, они могут производить много таких листов. Их снимают и соединяют, пока они еще мягкие. Высыхая, они твердеют. Ничего не тратится напрасно. А вот и дерево-город.

Она показала на переплетения складывавшихся в стены тяжелых корней, закрытые теми же прозрачными листьями.

– Они состоят исключительно из углеводов. Дерево поглощает их, впитывая много энергии.

– Великолепно! – Вейнте' остановилась возле фонарика, прильнувшего к распростершему мембраны крыльев нагревателю, и огляделась с неподдельным восхищением. – Даже не могу сказать, как я довольна. Я читала все твои отчеты. Я знала о твоих достижениях. Но видеть этот уверенный рост – это абсолютно другое. Впечатляет, впечатляет и впечатляет. И в первом же сообщении в Энтобан я это отмечу.

Не осмеливаясь заговорить, Ваналпе' отвернулась. Всю жизнь она работала, проектировала города, и Алпеасак был вершиной ее мастерства. Бурный энтузиазм новой эйстаа ошеломил ее. Она заговорила не сразу, указав в сторону нагревателя:

– Он такой новый, что сообщение о нем еще не попало в отчеты. – Ваналпе' погладила нагреватель, на миг он извлек клыки из древесного сока и, открыв слепые глаза, тоненько вскрикнул. – Я выводила их много лет. И могу теперь доложить, что эксперименты оказались успешными. Они долгожители, иного питания, кроме сахаристого древесного сока, им не нужно. Попробуй температуру тела на ощупь – выше, чем у всех прочих.

– Могу только восхищаться.

Ваналпе' с гордостью вела новую эйстаа вперед по лабиринту корней. Нырнув в какое-то отверстие, она приподняла корни, чтобы Вейнте' могла пройти, и показала на толстый ствол:

– Вот место, где я посадила семя города. – Рассмеявшись, она протянула вперед руку ладонью вверх. – Вот на этой ладони оно лежало, крохотное... Даже нельзя представить, сколько трудов, дней и ночей ушло на мутацию генных цепей. И пока зерно не взошло, никто не был уверен, что труды не напрасны. Место это по моему приказу очистили от кустов, деревьев, от насекомых, после чего я сама удобрила и увлажнила почву и вот этим большим пальцем сделала дыру... и положила туда семя. В ту ночь я спала возле него, я не могла отойти. А уже на следующий день пробился крошечный зеленый побег. Не могу даже описать своих чувств. А теперь – вот!

С великой гордостью и радостью Ваналпе' похлопала по огромному корню. Потом подошла поближе и прикоснулась к коре дерева. Ее дерево, ее город...

– Я буду тут. Скажи всем, что это мое место.

– Это твое место. Чтобы оградить апартаменты эйстаа, мы посадим стены. А теперь я пойду за Сталлан, ее проводят сюда.

Когда она удалилась, Вейнте' молча подождала, пока первая проходившая мимо фарги не взглянула в ее сторону, и сразу же отправила ее за мясом. А когда та вернулась, Вейнте' была уже не одна.

– Мое имя Хексеи, – произнесла прибывшая официальным тоном. – Разнеслись слухи о твоём прибытии, великая Вейнте', и я поторопилась поприветствовать тебя в твоём городе.

– Что ты делаешь в городе, Хексеи? – спросила Вейнте' столь же официально.

– Пытаюсь быть подручной, всем помогать, быть верной городу...

– Ты была близкой приятельницей умершей эйстаа Диисте?

Это было скорее утверждение, чем вопрос, и стрела попала в цель.

– Я не знаю, что ты слышала. Многие ревнуют, рассказывают небылицы...

Она умолкла: возвращалась Ваналпе', за ней следовала иилане' с перевязью через плечо, на которой висел хесотсан. Глянув на оружие, Вейнте' отвернулась: по закону в городе с ним нельзя было показываться.

– Это та самая Сталлан, о которой я говорила, – произнесла Ваналпе', скользнув взглядом по Хексеи, словно той вовсе не существовало.

Сталлан приветствовала ее официальным жестом и отступила на шаг к двери.

– Я виновата, – с хрипотцой произнесла она, и Вейнте' заметила длинный шрам на ее щеке. – Я, не подумав, принесла сюда оружие. Только увидев твой взгляд, я поняла, что оружие надо было оставить.

– Ты всегда его носишь с собой? – спросила Вейнте'.

– Всегда, я больше времени провожу в джунглях, чем в городе. Мы ведь здесь недавно, и вокруг так много опасностей.

– Тогда носи его, Сталлан, раз это необходимо. Ваналпе’ рассказала тебе о случившемся на пляже?

Сталлан молча сделала утвердительный жест.

– Ты знаешь, какой зверь свирепствовал там?

– И да и нет.

Вейнте’ не обратила внимания на невольный жест сомнения и недоверия Хексеи.

– Объясни.

– Здесь, в новом мире, есть болота, огромные леса и горы. На запад отсюда лежит большое озеро, далеко за ним океан. На север уходят бесконечные леса. Много зверей. Одни похожи на тех, которые живут в Энтобане. Другие совершенно иные. Чем дальше к северу, тем больше разница. Там мне попалось много-много устузоу. Я убивала их, они опасны. Они ранили моих спутниц-фарги, некоторые из них умерли.

– Опасны?

Хексеи громко расхохоталась:

– Разве мышь под полом опасна? Надо бы послать за элиноу, чтобы ты не боялась...

Сталлан медленно повернулась к Хексеи:

– Ты всегда смеешься, когда я рассказываю о них, хотя ничего не знаешь. Настало время прекратить глупый смех.

Холодный тон ее не допускал возражений. Все молча смотрели, как она направилась к двери и сразу же вернулась с большим свертком.

– В этой стране живут устузоу – звери, покрытые мехом, которые много крупнее той самой рассмешившей тебя мыши под полом. У себя на родине мы встречали только этого крошечного зверька, и до сих пор многие думают, что все устузоу такие же маленькие. Следует отказаться от этой мысли. Здесь все по-другому. Встречается и такой зверь, у которого нет еще имени.

Развязав сверток, она раскатала его по полу. Это оказалась лохматая шкура животного, которая протянулась от стенки до стенки. Все умолкли, пораженные размерами зверя. Сталлан приподняла одну из лап и указала на когти, которые были длиннее ее ладони.

– На твой вопрос, эйстаа, я ответила «и да и нет», и вот почему. Здесь пять когтей. У многих опасных лохматых зверей по пять пальцев. И я думаю, что побоище на пляже устроили устузоу какого-то еще незнакомого мне вида.

– По-моему, ты права, – согласилась Вейнте’ и отвернула в сторону уголок толстой шкуры, стараясь не выдать отвращения от этого мягкого прикосновения. – Как ты думаешь, мы сумеем найти этих тварей?

– Я пойду по их следу на север. Они могли уйти только туда.

– Найди их. Быстро. И доложи мне. Тогда мы их уничтожим. Уйдешь с рассветом.

– С твоего разрешения, прямо сейчас.

Вейнте’ изобразила на лице легкое недоверие.

– Скоро будет темно. Разве ты можешь путешествовать и ночью? – спросила она.

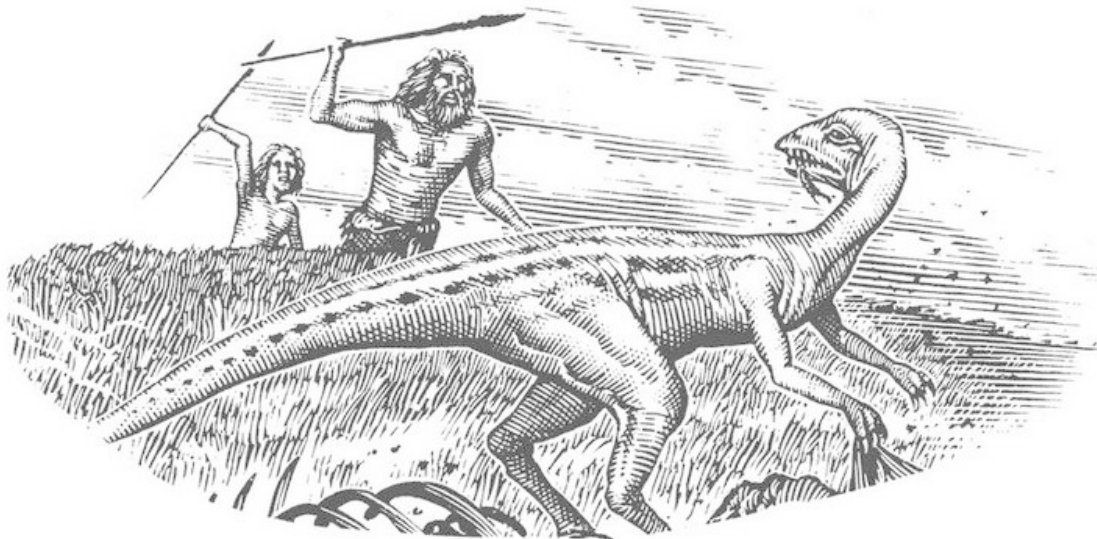
– Возле города можно, очертания берега позволяют. У нас есть большие плащи и ночная лодка. Она пойдет вдоль береговой линии, и к рассвету мы уже пройдем немалую часть пути.

– Ты настоящая охотница. Но я не хочу, чтобы ты отправлялась одна навстречу опасностям. Тебе потребуется помощь. Вот Хексеи говорила, что она всем помогает. Пусть она отправится с тобою.

– Путешествие будет тяжелым, эйстаа, – возразила Сталлан ровным, лишенным выражения тоном.

– Я уверена, что путешествие будет полезным для нее, – продолжала Вейнте', отвернувшись от Хексеи и не обращая внимания на явное негодование и просьбы внимания. – Может быть, ваш поход окажется удачным.

5

Naudinza istak ar owot at kwalaro, at etcharro – ach i marinanni terpar.

Путь охотника всегда самый тяжелый и долгий, но заканчивается он среди звезд.

Далекie вспышки молнии озаряли низкие темные облака над горизонтом. Доносился отдаленный рокот грома. Гроза удалялась в море, а вместе с нею и ливень, и шквалистый ветер. Высокий прибой тяжело рушился на берег, далеко накатывая на песок. Волны добегали до самой кромки солончаковых трав, почти до вытащенной на берег лодки. Как раз за лодкой, в небольшой рощице, и находился шатер из шкур, натянутых на весла и палки. Из-под шкур сочился дымок.

Старый Огатир выглянул из укрытия и прищурился: низкие лучи вечернего солнца вдруг выбились из-под отступающих облаков. Он принюхался.

– Гроза кончилась, – объявил он, – можно отправляться дальше.

– Не в такое море, – ответил Амагаст, раздувая огонь. Костер вспыхнул. Над ним висели крупные куски оленины, капли сока падали вниз и шипели на углях. – Лодку захлестнет, сам знаешь... Утром.

– Но мы опаздываем, опаздываем...

– Ничего не могу поделать, старый. Ерманпадар посылает нам грозы, не спрашивая нашего согласия.

Он отвернулся от огня к убитому оленю. Охота была удачной, прибрежные кустарники просто кишели зверьем. Когда они разделают последнюю тушу и прокопят мясо, лодка будет полна. Он развел передние ноги оленя и с трудом вспорол шкуру острым осколком камня: нож был тупым. Амагаст отбросил его в сторону и крикнул Огатиру:

– Эй, старый, сделай мне новый нож! Ты это умеешь.

Огатир, кряхтя, поднялся на ноги. От здешней сырости ныли все кости.

С трудом доковылял он до лодки и долго шарил внутри. Потом возвратился, держа в каждой руке по камню.

– Ну, мальчик, учись, – проговорил он, приседая на корточки и протягивая камни Керрику. – Погляди. Что ты видишь?

– Два камня.

– Конечно. Но что это за камни? Что ты можешь мне о них рассказать?

Он покрутил их, чтобы мальчик мог как следует рассмотреть. Керрик потрогал поверхность пальцем и пожал плечами:

– Простые камни.

– Это потому, что ты еще молод и глуп. От женщин о камнях не узнаешь – это мужские знания. Охотнику нужно копьё. Разве есть охотник без копья? А копьё необходим наконечник. И ты должен научиться не только отличать камни друг от друга, замечать внутри камня нож или наконечник, но и открыть камень, извлечь из него спрятанное... Начнем урок. – Он дал Керрику круглый, окатанный водой голыш. – Вот тебе молот. Видишь – гладкий? Чувствуешь – тяжелый? Этот камень разобьет все камни. Он откроет этот, где прячется нож.

Керрик крутил в руках камень, с яростной сосредоточенностью вглядываясь в его грубую поверхность, поблескивающие сколы. Пока он смотрел, Огатир терпеливо ждал, потом забрал камень.

– В нем нет наконечника копья, – объявил он, – не тот размер, форма не та. Но нож есть, и не один. Чувствуешь? Сейчас я его открою.

Огатир аккуратно поставил камень на землю и ударил по нему другим камнем. Сбоку отскочил острый осколок.

– Вот и нож, – сказал он, – острый, но недостаточно. Смотри внимательно, следи за моими руками.

Он достал из мешка кусок оленьего рога и, положив каменный осколок на ребро, осторожно надавил тупым концом. Он сделал это несколько раз, и каждый раз от ножа отскакивала небольшая чешуйка. Когда он обработал камень по всей длине, лезвие оказалось тонко заточенным. Он передал его Амагасту, внимательно наблюдавшему за работой. Опытной рукой тот пропорол оленью шкуру от горла до паха.

– Никому из нашего саммада не отдает камень такие ножи, кроме тебя, – сказал Амагаст. – Пусть он тебя научит, мой сын: охотник без ножа – не охотник.

Керрик нетерпеливо схватил камни и ударил их друг о друга. Ничего не произошло. Он стукнул вновь камнем о камень – опять без успеха. И только когда Огатир, взяв его руки в свои, правильно расположил их, Керрику удалось отбить неровный осколок. Но он был доволен первым успехом и долго потом затачивал нож куском оленьего рога, пока не устали пальцы.

Огромный Хастила мрачно следил за их работой. Потом, зевая и потягиваясь, он выбрался из-под укрытия, принялся, как Огатир, и зашагал вверх по склону. Гроза ушла, ветер налетал лишь изредка, слабейшими порывами, солнце проглядывало меж облаков. Только белые гребни волн еще бежали от горизонта – знак недавнего буйства стихии. Прибрежный гребень понижался к заросшей травой равнине. По ней медленно двигались темные силуэты. Пригнувшись, Хастила вернулся назад в убежище.

– Еще олени. Здесь хорошая охота.

– Лодка полна, – ответил Амагаст, отрезая кусок дымящегося мяса. – Добавить – потом.

– Кости нюют от лени, весь день провалялся, – буркнул Хастила, беря копьё. – Надо поучить мальчика, как следует подкрадываться к зверю, чтобы можно было поразить его острым наконечником. Пойдем, Керрик. Бери копьё и следуй за мной. Если выследим оленя, уьем. Я покажу тебе, как ползут против ветра к самому осторожному зверю.

Взяв копьё, Керрик вопросительно взглянул на отца. Жуя жесткое мясо, Амагаст кивнул:

– У Хастилы есть чему поучиться. Иди, он научит.

Со счастливым смехом Керрик побежал за Хастилой. Поравнявшись с ним, он замедлил шаг.

– Слишком шумишь, – заметил Хастила, – у всех лесных зверей хорошие уши: услышат тебя, прежде чем увидят.

Хастила остановился и поднял руку: тихо. Потом он приложил ладонь к уху, обратившись к впадине между дюн. Керрик слушал внимательно, но мог уловить лишь далекий рокот прибоя. Вдруг сквозь плеск волн он явственно расслышал треск со стороны дюны. Подняв копье, Хастила осторожно шагнул вперед. Керрик почувствовал, как заколотилось в груди сердце. Он следовал за рослым охотником, стараясь не издавать шума... Звук становился все громче.

Подкравшись к подножию дюны, они почуяли сладковатый отвратительный запах разлагающегося мяса. Там, вдали от лагеря, валялись ободранные туши оленей. Хруст стал громче. Послышалось жужжание бесчисленных мух. Хастила сделал знак Керрику, чтобы тот подождал, а сам быстро поднялся по склону. Отпрянув, он обернулся. Лицо его исказило отвращение, он махнул мальчику, зовя его к себе. Возле гребня Хастила вскинул копье, Керрик последовал его примеру. Что там? Кого они выследили? Охваченный одновременно страхом и любопытством, Керрик, пригнувшись, ринулся за охотником.

Хастила громко крикнул – и трое существ подняли головы, оторвавшись от своего мерзкого занятия, и замерли, напуганные внезапным появлением людей. Пущенное сильной рукой копье устремилось вперед и пробило грудь одному из чудовищ между передними лапами. Зашипев от страха, двое других побежали, переваливаясь на длинных ногах и вытянув хвосты и шеи.

Керрик замер с занесенным копьем. Мургу. Умиравший мараг отчаянно цеплялся когтями за пронзившее грудь копье. Он был очень похож на того, на берегу. Открытая пасть. Острые зубы. Кошмарная морда.

Хастила не глядел на мальчика, не замечал его страха. Жгучая ненависть овладела им. Мургу. Он их ненавидел. Распростертый у ног человека пожиратель падали – к перепачканной в крови морде прилипло гнилое мясо – слабо лягнул зубами. Ногой оттолкнув голову марага, Хастила наступил ему на шею и выдернул копье. Бледная серая кожа твари была покрыта зеленоватыми, словно трупными, пятнами. Мараг был ростом с человека, но узкая голова его оказалась не больше кулака. Хастила вновь ударил копьем. Мараг вздрогнул и замер. Отмахиваясь от мух, охотник выбрался из ямы. Керрик опустил копье и старался сдержать дрожь. Заметив это, Хастила положил руку ему на плечо:

– Не бойся их. Пусть они и большие, но это всего лишь трусливые и грязные трупоеды. Тану их ненавидят и не боятся. Когда Ерманпадар сотворил наш народ из речного ила, он создал тогда и оленя, и прочих зверей, чтобы тану могли охотиться на них. Потом он поселил их в траве среди гор у сладкой воды и чистых снегов. А закончив дело, поглядел на юг и узрел всю пустоту его. Только он уже отошел от реки и слишком устал, а потому не стал возвращаться и лишь зачерпнул грязи из болота. Из нее-то он и сотворил мургу, и они так и живут, зеленые, грязные твари, чтобы после смерти снова превратиться в болотную жижу, из которой были созданы.

Говоря так, Хастила несколько раз вонзил копье в песок, очищая его от крови марага. После этого он слегка успокоился. Страх, охвативший Керрика, тоже исчез. Один мараг умер, остальные сбежали, скоро охотники оставят этот берег и вернуться к саммаду.

– А теперь я покажу тебе, как подбираться к дичи, – сказал Хастила. – Эти мургу были заняты едой, иначе услышали бы тебя: ты топал по склону, как мастодонт.

– Я шел тихо, – возразил Керрик. – Я умею ходить. Однажды я шел за белкой и подобрался к ней на длину копья...

– Белка – самая глупая, долгозуб – самый смысленый. Олень не умен, но слышит лучше всех. Я останусь здесь, а ты отойди в траву и попробуй подобраться ко мне. У меня слух оленя.

Керрик радостно побежал вверх по склону и, опустившись в густую траву, исчез. Молча, бесшумно, он отполз от берега, потом вновь повернул к океану. Стало жарко. Он вымок в прибрежной траве, но без толку – Хастила встретил его на полдороге.

– Внимательно смотри под ноги, прежде чем ступить, – сказал охотник, – а затем двигайся вперед и не топай. Раздвигай траву и не спеши. Попробуем снова.

Поблизости оказался крохотный пляж. Хастила спустился к воде и стал смывать с копыя остатки крови марага. Керрик еще раз взобрался вверх по склону и остановился отдышаться.

– Ну сейчас ты меня не услышишь! – потрясая копыем, вызывающе крикнул он рослому охотнику.

Хастила махнул ему и оперся на копые.

Вдруг из пены прибоя неподалеку от него вынырнуло что-то темное. Керрик отчаянно крикнул, предупреждая, и Хастила резко обернулся, выставив копые. Что-то хрустнуло, словно сухая ветка. Охотник выронил копые, согнулся, схватившись за живот, и упал лицом в воду. Чьи-то лапы схватили его... Еще мгновение – и он исчез в пене волн.

С криком Керрик бросился к лагерю. Навстречу уже спешили Амагаст и Огатир. Пока они бежали обратно к пляжу, где разыгралось ужасное событие, мальчик, задыхаясь, рассказал о случившемся.

На песке никого не было, в океане тоже. Амагаст пошел в воду, выловил длинное копые и внимательно поглядел на море.

– А ты не видел, на что это было похоже?

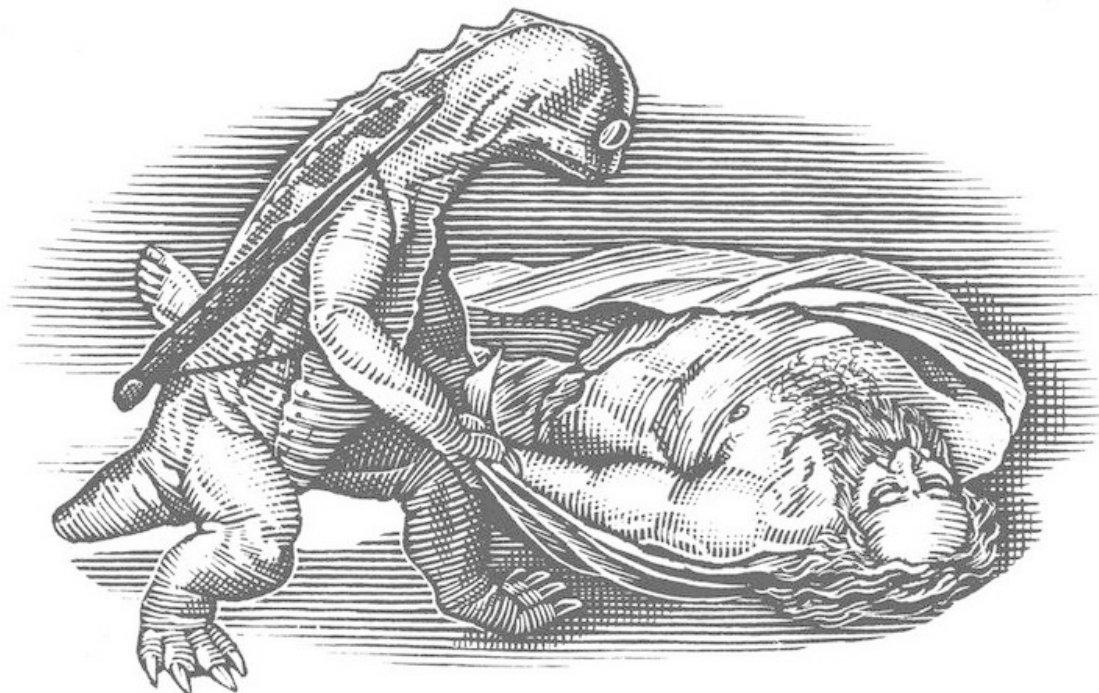
– Я видел только лапы этой твари, – проговорил Керрик, стуча зубами. – Они протянулись из моря...

– Какого цвета?

– Я не заметил, просто мокрые, – наверное, зеленые. Ведь могут же они быть зелеными, отец?

– Они могут быть любыми, – мрачно ответил Амагаст. – Повсюду одни мургу. Придется держаться всем вместе. Стеречь по очереди, пока остальные спят. Надо торопиться в саммад. В здешних водах нас ждет лишь смерть.

6

Alaktenke' alakte'kan olkeset; esetakolesnta< tsuntesnalak tsuntensilak satasat.

Что случается теперь, потом не имеет значения, ведь уже послезавтра неотличимо от позавчера.

Гроза миновала, дождь прекратился, земля дымилась под жгучими лучами солнца. Вейнте' стояла в жидкой тени засохшего дерева и следила, как работницы ровными рядами высаживали саженцы. Ваналпе' размечала гряды в земле, остальные следовали за нею. Она медленно подошла и встала в тень рядом с Вейнте', от жары широко раскрыв рот.

– Саженцы опасны? – спросила Вейнте'.

Тяжело дышавшая Ваналпе' сделала отрицательный жест.

– Потом, когда появятся колючки, через восемь-десять дней. Тогда их еще могут пожирать некоторые животные, но лишь до тех пор, пока шипы не начнут выделять токсины. Животным побольше они кажутся лишь горькими, для существ поменьше они ядовиты.

– Очередное твое нововведение? – спросила Вейнте', выходя из тени.

– Да, этот терновник выращивали еще в Инегбане, мы привезли с собой семена. Все мы так привыкли, что стены терновника вокруг городских полей куда выше головы, что забыли, быть может, – такими они были не от яйца времен. Много лет прошло, прежде чем они стали такими. Молодые ветви вырастают на старых, создавая непроходимый барьер. Но всякую новую ограду в новом городе всегда приходится сооружать по-новому. – Ей стало легче говорить: она наконец отдышалась, но, пока хоть часть ее тела оставалась на солнце, шевелиться ей было довольно трудно. – Новая ограда, которую я создала, растет быстро, живет долго, и она ядовита. Но еще задолго до того, как она погибнет, мы успеем посадить обычный терновник, он будет неторопливо расти и сменит временную ограду.

– А деревья? – спросила Вейнте', глядя на голые безжизненные силуэты посреди нового поля.

– Их убили. Смотри, с того высокого уже упали сучья. Их заразили самыми прожорливыми из жуков-древоточцев. Когда дерево съедят без остатка, личинки окуклятся. Тогда их

можно собрать – куколки долго сохраняются в прочной оболочке. И мы сохраним их, пока они нам снова не понадобятся.

Вейнте' отодвинулась в тень и заметила, что почти все работницы тоже попрятались кто куда. Приятное утро становилось жарким и уже не годилось для работы.

– Когда окончите посадку, отошли работниц обратно в город, – велела Вейнте'.

Среди прочих работниц была и Энге. Вейнте' дождалась, пока та поглядела на нее, и знаком велела ей заканчивать работу. Энге знаком выразила благодарность, после чего заговорила:

– Ты велела снять путы с пленниц. Мы весьма благодарны.

– Не стоит. На урукето я велела связать вас, чтобы не попытались захватить судно и бежать.

– Ты не понимаешь Дочерей Жизни. Нам чуждо...

– Рада слышать, – сухо проговорила Вейнте', – но мой принцип – не рисковать. Теперь, когда урукето отправился назад, лишь леса остаются для недовольных своей судьбой, для тех, кто пожелает бежать. И не одна ты, все твои товарки будут теперь работать лучше.

– Но мы ведь по-прежнему пленницы...

– Нет, – твердо ответила Вейнте', – вы свободные жительницы Алпеасака, обладающие всеми правами граждан. Не следует путать то, что есть, с тем, что было. Совет Инегбана решил, что вы недостойны его гражданства, и сослал вас сюда, чтобы в новом городе вы начали новую жизнь. Надеюсь, вы поймете, что не следует повторять старых ошибок на новом месте.

– Ты грозишь нам, Вейнте'? Или как эйстаа Алпеасака считаешь нас не такими, как прочие жительницы, и объявляешь, что станешь относиться к нам иначе?

– Это не угроза, а предупреждение, моя эфенселе. Учись на том, что случилось. Верьте во что угодно, но среди своих и все свои тайны держите при себе. Я запрещаю вам разговаривать с остальными. Они не желают знать вашей чуши.

– А тебе откуда это известно? – сурово спросила Энге. – Или ты настолько мудра?

– Достаточно мудра, чтобы видеть в вас источник беспокойства, – отрезала Вейнте'. – И уверена в этом настолько, чтобы позаботиться о мерах предосторожности: за вами будут следить. Уж здесь вы не сумеете натворить такого, как в Инегбане. Я куда менее терпелива, чем тамошний совет.

Пока она говорила, Энге едва шевельнулась.

– Ну какое от нас беспокойство? Мы не пытаемся ничего... Мы просто верим...

– Прекрасно. И верьте где-нибудь в темном углу, где вас никто не услышит. Я не потерплю никаких проповедей в моем городе.

Вейнте' ощутила, что снова начинает терять самообладание перед твердой, словно скала, невозмутимостью Энге с ее странной верой. Поэтому она с облегчением вздохнула, заметив, что к ней торопится фарги с какой-то вестью.

Молодая говорила невнятно, но главное Вейнте' поняла.

– Город... идет одна... имя Сталлан. Говорит, важные новости... требуется присутствие. Вейнте' знаком отпустила ее, повернулась спиной к Энге и направилась в город.

Сталлан ожидала ее, во всем ее облике чувствовалась радость.

– Ты выполнила мое распоряжение? – спросила Вейнте'.

– Выполнила, эйстаа. Я преследовала зверей-убийц и догнала их. Я выстрелила и убила одного из них и возвратилась с его телом. Оно здесь. Я оставила никчемную Хексеи приглядывать за ним. Кое-что в этом устузоу беспокоит меня.

– Что именно? Скажи мне.

– Надо показать, чтобы ты поняла.

Сталлан молча повела ее в часть города, примыкавшую к реке. Хексеи сторожила большой тугой тук. Кожа ее была испачкана и расцарапана. Едва они появились, она сразу же протестующе заскулила. Не говоря ни слова, Сталлан ударила ее по голове и толкнула на землю.

– Небесполезная – хуже, – прошипела Сталлан. – Ленивая, шумная на охоте, переполненная страхом. Из-за нее мне пришлось медлить, и нас обеих чуть не убили. Она не нужна мне.

– И Алпеасаку тоже, – быстро рассудила Вейнте'. – Оставь нас. Оставь город.

Хексеи начала было протестовать, но Сталлан жестоко ударила ее по лицу, и Хексеи бросилась бежать. Ее вопли терялись в воздушных корнях и листьях. Вейнте' мгновенно выбросила из головы никчемное создание и указала на тюк:

– Это и есть кровожадный убийца?

– Да.

Сталлан потянула за край шкуры, и на влажную землю скатился труп Хастилы.

При виде его Вейнте' онемела, и лишь жесты ее выдавали ужас и изумление. Одолев отвращение, она медленно шагнула вперед, ткнула тело ногой.

– Их было четверо, этих существ, – начала Сталлан, – Все остальные меньше этого. Я их нашла и следовала за ними. Они не шли по берегу, а плыли по океану. И не в лодке, а в дереве, опущенном в воду, и они толкали его вперед кусками дерева. Я видела, как они убивали других лохматых зверей. Самцов и стражниц они убили тем же образом. Они не используют при этом ни зубов, ни рогов, ни когтей. Видишь, рогов у них нет, а зубы и когти слишком слабые и маленькие. И убивают они чем-то вроде острого зуба, прикрепленного к длинной палке.

– Эти лохматые твари умеют многое. Мозги у них есть.

– Мозги есть у всех тварей, даже у примитивных хесотсанов. – Сталлан погладила свисавшее с плеча оружие. – Но если правильно обращаться с хесотсаном, то он неопасен, не то что эти. Погляди внимательнее на него, если тебе угодно. Видишь, много шерсти на самом верху тела, на голове. А вот этот мех внизу не принадлежит существу, а обвязан вокруг него. У него был мешок, а в мешке я обнаружила заостренный кусок камня. Смотри, обвязанную шкуру можно снять, под ней его собственный мех.

– Это самец! – воскликнула Вейнте'. – Неужели покрытые шерстью самцы устузоу, полузвери с неразвитым мозгом, осмелели настолько, что угрожают нам, иилане'? Ты это хотела сказать мне? Что эти уродливые звери опасны для нас?

– Думаю, так, Вейнте'! Но ты эйстаа, тебе и решать, что есть что. А я просто рассказала тебе все, что знаю, и показала свою добычу.

Зажав большими пальцами твердый острый камень, Вейнте' долго разглядывала труп, потом сказала:

– Выходит, даже устузоу могут развиться до низкого уровня интеллекта и хитрости. Наши лодки понимают некоторые команды. Энтиисената можно научить разыскивать в море пищу. Кто может сказать, какие странные вещи творились в этом дальнем уголке мира от яйца времен? Пора разобраться с этим. Здесь нет иилане', которые повсюду правят и властвуют. А потому, вероятно, – и это трудно отрицать, ведь свидетельство перед нашими глазами, – что некий вид этих отвратительных млекопитающих может развить в себе какую-то форму извращенного интеллекта, которого им хватает, чтобы научиться отыскивать камни и убивать ими. Да, такое возможно. Но им следовало оставаться в своем лесу, убивая и пожирая друг друга. А они вылезли оттуда. Напрасно, это была их ошибка. Червяки, самцы, червяки... они убили наших самцов! Слушайте и запоминайте, что следует делать. Устузоу надо разыскать и уничтожить всех до последнего. У нас нет выбора, пока город будет находиться здесь, у этих пляжей. По силам ли нам такое?

– Мы должны это сделать. Но следует навалиться всей силой, взять из города всех, кого только можно... И все должны быть вооружены хесотсанами.

– Но ты говорила, что их было только четверо? Значит, трое еще живы...

Вейнте' поняла, что охотница обнаружила небольшую группу, ушедшую на север.

– Едва ли это все... Где же их искать?

– Должны быть и другие. Эта горстка по каким-то причинам отбилась от своих. А теперь они возвращаются. Я уверена в этом. Мы должны выступить все вместе и найти их.

– И перебить!.. Конечно. Я отдам приказ, и мы выступим немедленно.

– Но это неразумно: день клонится к вечеру, и нас много. Если уйти на рассвете, на самых лучших и сытых лодках, мы легко догоним их: они еле плетутся. А по следу найдем остальных.

– И перебьем, как они перебили самцов. Хороший план. Пусть эту тварь возьмут на амбесид и повесят всем на обозрение. Нам понадобятся припасы, пресная вода на несколько дней, чтобы не останавливаться.

Во все части города разбежались фарги с приказом собраться на амбесид. Вскоре он буквально кишел иилане', как никогда прежде. Рассерженно бурча, они расталкивали друг друга, чтобы увидеть тело. Вейнте' уже вступала на амбесид, когда вдруг заметила, что Икеменд подает ей знаки, и остановилась.

– На пару слов, эйстаа.

– Опять что-нибудь случилось с самцами? – с внезапным страхом спросила Вейнте'.

Икеменд, ее эфенселе, была назначена на очень важный пост – ведать охраной и защитой самцов. Даже короткий допрос бывшей главной стражницы показал, что причиной трагедии на пляже была ее халатность. И когда Вейнте' лишила ее имени, виновная умерла.

– Все в порядке. Просто самцы узнали о мертвом устузоу и хотят его видеть. Можно ли разрешить им?

– Конечно, они не дети. Но только потом, когда амбесид освободится. Нам не нужны истерики.

Внимания Вейнте' искала не только Икеменд. Путь ей преградила Энге, не пожелавшая отойти, даже когда ей приказали.

– Я слыхала, что ты решила снарядить погоню за лохматыми зверями и убить их.

– Ты слыхала правильное слово. Сейчас я собираюсь объявить об этом.

– Прежде чем ты это сделаешь, я должна предупредить. Я не одобряю убийства. И все Дочери Жизни тоже. Это противоречит нашим убеждениям. Мы не можем участвовать в кровопролитии. Животные являются животными, потому что не знают о смерти. И убивать их просто так нельзя. Мы убиваем, только когда голодны. Все остальное – убийство. Ты должна понять, что мы не можем...

– Молчать! Сделаешь, как тебе прикажут. Иначе станешь предательницей.

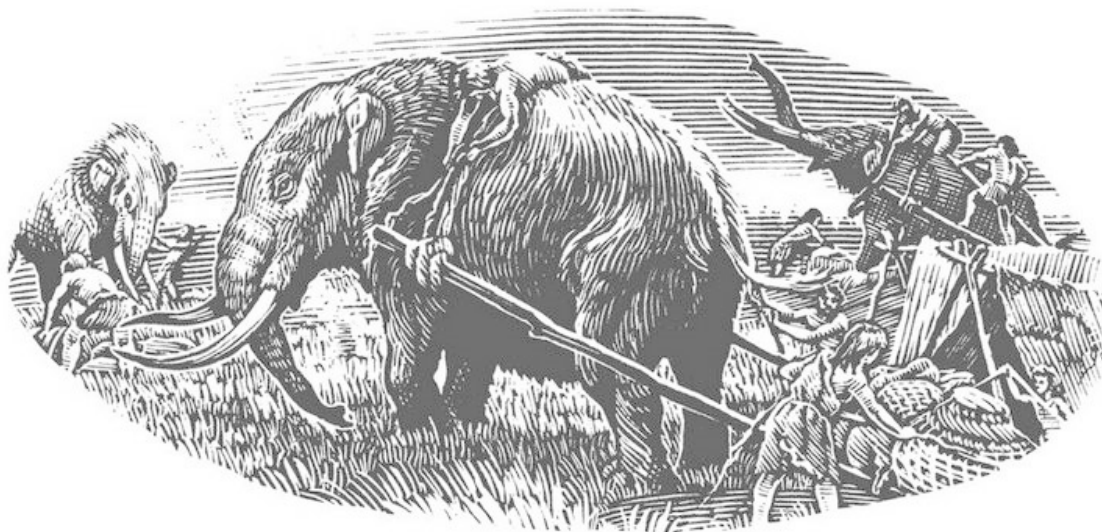
– То, что ты называешь предательством, мы называем Даром Жизни, – холодно возразила Энге. – У нас нет выбора.

– Зато у меня есть. Я могу приказать немедленно перебить всех до последнего.

– Можешь. Но тогда ты сама будешь виновата в убийстве.

– Я почувствую не вину, а только гнев. И ненависть вместе с презрением к моей эфенселе, которая предает свой народ. Я не убью тебя: вы нужны мне для тяжелой работы. Все твои будут закованы до нашего возвращения. И ты вместе с ними. Ты лишаешься своих привилегий. Я отказываюсь от тебя, ты больше не моя эфенселе. Будешь работать со своими Дочерьми и умрешь среди них. Ничья эфенселе, презренная предательница. Вот твоя участь.

7

Alitha thurlastar, hannas audim senstar, linga periar amli, sammad aga deinarmal na mer ensi edo.

Оленя убивают, мужчина гибнет, женщина стареет, только саммад живет.

Керрик, как обычно, сидел на корме лодки и приглядывал за огнем. Но это была детская работа, а он хотел грести вместе со всеми. Амагаст разрешил ему попробовать, но весло оказалось огромным, и мальчик не справился с ним. Наклонившись, он щурил глаза, вглядываясь в туман, но ничего не мог разглядеть. Детскими голосами рыдали над головой невидимые морские птицы. Лишь мерный рокот волн где-то слева позволял выдерживать направление. Все помнили про Хастилу, утянутого под воду, и изо всех сил налегали на весла: люди хотели наконец закончить путешествие.

Керрик понюхал воздух, поднял голову, вновь понюхал.

– Отец! – окликнул он Амагаста. – Дым, я чувствую дым!

– И мы, и мясо пахиваем дымом, – сказал Амагаст, налегая на весло. Неужели саммад близок?

– Нет, это не наш запах! Свежий – его несет ветер спереди. Послушай волны, разве они не переменялись?

Волны действительно стали другими. Дым еще можно было перепутать с запахом шкур и мяса. Но не волны. Звук их становился все тише. И вот там, где в море вливалась большая река, показались шатры саммада. Набегавшие с океана валы затихали в потоке пресной воды.

– К берегу! – приказал Амагаст, сильнее наваливаясь на весло.

Небо светлело, туман расходился. За криками чаек путешественники услышали женский голос и ответили на зов.

Едва солнце пробилось сквозь туман, молочная пелена его стала рассеиваться быстрее. Отчетливо проступил берег. Шатры, дымящиеся костры, мусорные кучи – знакомый домашний беспорядок. Лодку заметили, поднялся громкий крик. Люди повыскакивали из палаток. Все радостно кричали. С лужайки, где паслись мастодонты, доносились знакомые трубные звуки. Наконец-то дома...

Мужчины и женщины, стоя по колено в воде, радостно махали прибывшим. Но радостные крики быстро умолкли, едва пересчитали вернувшихся. На охоту отправились пятеро. Вернулись только трое. Едва днище лодки заскрипело о песок, ее подхватили и вытащили на берег.

Все молчали. Только Алет, женщина Хастилы, в ужасе вскрикнула, вскоре к ней присоединились голоса женщины и детей Дайкина.

– Оба мертвы, – сразу сказал Амагаст, чтобы ни у кого не оставалось напрасных надежд, чтобы погибших не ждали более. – И Дайкин, и Хастила. Они среди звезд. Многие ли отсутствуют в саммаде?

– Алкос и Кассис отправились вверх по реке за рыбой, – сказала Алет. – Только их нет.

– Пошлите за ними, – распорядился Амагаст. – Собирайте шатры, грузите на животных. Сегодня же уходим в горы.

Поднялся шум, все запротестовали: люди не были готовы вот так срываться с места. Во время перехода стоянку можно сворачивать хоть каждое утро: в походе все всегда под рукой. Не так было сейчас. Летняя стоянка раскинулась по обоим берегам небольшой речки, и шатры, меха, корзины и прочий скарб в беспорядке были разбросаны по всему лагерю.

Огатир громко закричал, заглушая плач женщин:

– Делайте, как велел Амагаст, или мы все погибнем в снегах! Поздняя осень, дальняя дорога!

Ничего более Амагаст не стал говорить. Причина эта была не хуже прочих. Во всяком случае, лучше, чем истинная, которую нечем было подтвердить. Он чувствовал, что за ними следят. Ему ли, охотнику, не знать, что чувствуешь, когда из охотника становишься добычей. А весь этот день и день перед сегодняшним днем он испытывал на себе чей-то взгляд. Сам он не видел никого, и море было пустынным, когда глаза его обращались к волнам. Но он чувствовал, что там есть что-то. И не мог забыть, что Хастилу утянуло под воду и волны не отдали тело. Теперь Амагаст хотел поскорее убраться отсюда, сегодня же. Следовало быстрее собрать травойсы, привязать их к мастодонтам и отвернуть лицо от моря и от всего, что кроется в нем. Пока они вновь не окажутся среди родных гор, он не сможет почувствовать себя в безопасности.

И хотя он заставил всех работать не покладая рук, чтобы собраться, потребовался целый день. Нелегкое дело – сворачивать летний лагерь. Разбросанные вещи надо было собрать и упаковать, не забыть переложить щупальца хардальтов с сушильных шестов в корзины. Для всех припасов корзин не хватило, и, когда Амагаст приказал, чтобы часть добычи оставили, начались жалобы и стоны. Не было времени даже оплакать мертвых, пора было трогаться.

Солнце уже опускалось за горы, когда они наконец собрались. Придется идти всю ночь – не впервые. На чистом небе узеньким серпом сиял месяц, тхармы воинов ярко горели над головами, они помогут найти путь. После долгих уговоров, трубя и размахивая хоботами, отвыкшие от упряжки мастодонты позволили запрячь себя. Они разрешили мальчишкам забраться на мохнатые спины и, медленно вращая глазами, следили, как привязывают шесты. По два шеста к каждому зверю, они закреплялись по обоим бокам, между шестами привязывались поперечины, на них грузили шатры и припасы.

Керрик сидел на спине огромного самца Кару. Он устал, как и все, но радовался, что саммад наконец уходит. Уж он-то больше всех хотел оказаться как можно дальше от океана. Из всего саммада лишь он один видел руки, утащившие Хастилу под воду. Темные руки океана, морской скользкой твари...

Он глядел на море, и вдруг его оглушительный вопль прорезал общий шум. Все умолкли, повернувшись к океану, а он показывал туда рукой и кричал.

Из вечерней темноты появились черные силуэты. Низкие черные лодки без весел неслись вперед, гораздо быстрее любой лодки тану, прямой и четкой линией, словно набегающая на берег волна. Они не остановились в воде, а влетели на берег, и из них показались фигуры мургу.

Когда они начали вылезать из лодок, старый Огатир был возле воды и ясно видел их. И понял, что это.

– Из тех, что мы убивали на пляже!

Ближайший к нему мараг поднял длинную палку и сжал ее обеими руками. Раздался громкий треск, боль пронзила грудь Огатира, и старик упал.

Треск раздавался со всех сторон. Он заглушал крики ужаса и боли.

– Они бегут! – кричала Вейнте', посылая атакующих вперед. – За ними! Чтобы ни один не ускользнул!

Она первой ступила на берег, это ее хесотсан сразил первого устузоу. И она хотела только убивать...

Это была бойня, а не битва. Иилане' убивали без разбора все живое: мужчин, женщин, детей, животных. Среди нападавших убитых почти не было. Охотники даже не успели взять луки. Они рванулись вперед с копьями в руках, но были сражены прежде, чем сумели воспользоваться оружием.

Тану оставалось только бежать, вышедшие из моря убийцы преследовали их. Перепуганные женщины с детьми пробежали мимо Кару, и мастодонт, высоко подняв голову, испуганно затрубил. Керрик отчаянно вцепился в густую шерсть, чтобы не свалиться, а потом по длинной жерди сполз на землю и побежал за копьем. Вдруг сильная рука схватила его и повернула.

– Беги! – приказал отец. – Спасайся в горах!

Амагаст стремительно повернулся: из-за мастодонта появился один из мургу и перепрыгнул через деревянный шест. Пока фарги прицеливалась, Амагаст пронзил его копьем и тут же вырвал его.

Вейнте' увидела, как упала убитая, и ее охватила жажда мести. Окровавленный наконечник был обращен теперь к ней, но она и не думала спастись – она стояла, подняв хесотсан, и, несколько раз нажав на него, быстрыми выстрелами повалила устузоу, прежде чем тот сумел добежать до нее.

Маленького устузоу она не заметила, пока острая боль не пронзила ногу... Заревев от боли, она свалила это существо наземь, ударив тупым концом хесотсана.

Рана оказалась болезненной, но не серьезной, однако Вейнте' потеряла много крови. Пока она осматривала рану, ярость утихла. Вейнте' переключила внимание на схватку вокруг.

Битва заканчивалась. Едва ли кто-нибудь из устузоу остался в живых. Одни трупы валялись повсюду – среди корзин, на шестах и шкурах. Атаковавшие с моря уже соединились с теми, кто заходил с тыла. В юности, охотясь в море, они часто брали добычу в кольцо. На земле этот прием тоже превосходно сработал.

– Сейчас же прекратите убивать! – приказала Вейнте'. – Передайте всем! Остановитесь! Мне нужно несколько живых. Я хочу поподробнее узнать об этих лохматых зверях.

Это были просто животные, умеющие использовать острые камни, – она уже понимала. Еще они могли делать разные предметы, обладали примитивной социальной организацией, умели использовать крупных животных – их теперь убивали, пресекая паническое бегство. Все свидетельствовало о том, что раз существует одна такая группа, значит есть и другие. А если так, необходимо узнать все, что возможно, об этих животных.

У ног ее шевельнулся и заскулил малыш, которого она свалила хесотсаном. Она позвала оказавшуюся рядом Сталлан:

– Охотница, свяжи этого, чтобы не убежал. Брось в лодку.

В мешке на ремешках у нее еще остались иглы. Следует возместить истраченные в бою. Хесотсан сыт и будет стрелять еще некоторое время. Она ткнула его пальцем, отверстие открылось – можно было вставлять новые иглы.

Появились первые звезды, последний красный мазок заката таял за горами. Вейнте' жестом велела фарги принести плащ из лодки и с удовольствием укуталась в его теплую полость. Привели пленников.

– Это все? – спросила она.

– Нашими воинами трудно управлять, – ответила Сталлан. – Когда начинаешь убивать, трудно остановиться.

– Полно, я знаю сама. Все взрослые убиты?

– Все. Этот детеныш прятался под шкурой, я вытащила его. – Она тащила ребенка за длинные волосы, тот выл от боли. – Этого, самого маленького, я нашла за пазухой убитой матери. – Она протянула младенца нескольких месяцев от роду.

Вейнте' с отвращением поглядела на крошечное безволосое создание в руках охотницы, привычной ко всяким отвратительным существам... Ей стало дурно от мысли, что она может прикоснуться к подобной твари! Но она – Вейнте', она – эйстаа и должна уметь все, на что способна простая иилане'. Медленно протянув руки, она взяла егозящее существо. Оно было теплым, теплее плаща, даже горячим. Приятная теплота на миг убавила отвращение. Пока она, разглядывая, крутила беспомощного младенца, тот раскрыл розовую беззубую пасть и завопил. Струйка горячих экскрементов потекла по руке Вейнте'. Недолгое приятное ощущение вновь сменилось отвращением.

Слишком уж, слишком отвратительное создание. Размахнувшись, она с размаху швырнула его на ближайший камень. Существо умолкло, а Вейнте' направилась к воде отмываться, по пути крикнув Сталлан:

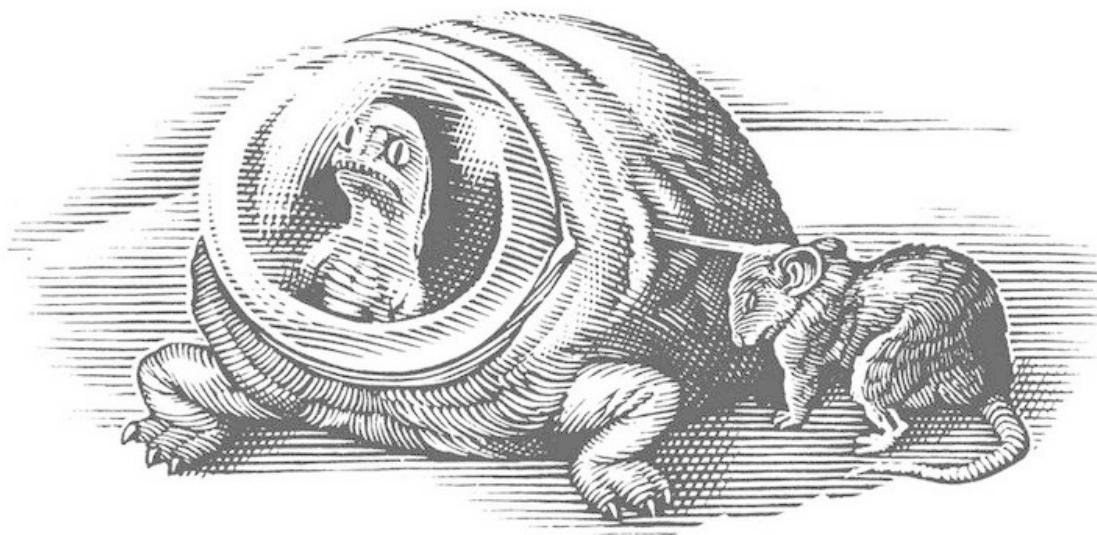
– Довольно. Вели всем возвращаться в лодки. Только пусть убедятся, что живых больше нет.

– Уже сделано, высочайшая. Все убиты. Конец им.

«Так ли? – думала Вейнте, погружая руки в воду. – Конец ли?» Победа не принесла радости, почему-то ее охватило глухое уныние.

Конец... или только начало?

8

Энге прижалась к стене, наслаждаясь теплом нагревателя. Хотя солнце уже встало, в городе еще чувствовался утренний холодок. Вокруг пробуждались растения и животные, населяющие Алпеасак. Все было обычно, ничто не привлекало внимания. Под ногами решетчатый пол, уложенный на толстый слой сухих листьев. В листьях шуршали жуки и другие насекомые, копошилась мышь. Начинающийся день пробуждал жизнь. Высоко в небе над кроной огромного дерева светило солнце. Водяные пары уходили из устьиц листьев, их сменяла вода, медленно поднимающаяся по сосудам деревьев, лиан, ползучих растений; миллионы корневых волосков впитывали эту воду из почвы. Брошенный плащ присосался щупальцами к соконосу.

Для Энге все было естественно, словно воздух – переплетение взаимосвязанных жизненных форм вокруг. Иногда она думала об этом. Но не сегодня, только не после того, как она услышала... Подумать только – гордиться истреблением целого вида! Как хотела она поговорить с этими глупыми хвастуньями, объяснить им значение жизни, заставить их понять весь ужас преступления, которое они совершили. Жизнь уравнивает смерть, словно море – воздух. И если ты убиваешь жизнь – убиваешь себя саму.

Какая-то фарги, потянула ее за связанные руки. Она не понимала, зачем эта веревка, и не знала, как следует обращаться к Энге. Юная фарги видела, что Энге из высочайших, но ведь руки ее связаны, как у низжайшей... У нее не хватало слов, и только прикосновением она могла привлечь к себе внимание.

– Эйстаа хочет, чтобы ты пришла, – сказала фарги.

...Когда Энге вошла, Вейнте' сидела на троне из живой коры городского дерева. На столе возле нее находились запоминающие существа. От лба одного из них отходил волосок, тянувшийся в складку угункшаа, говорителя-памяти. Угункшаа негромко бормотал, а на органической линзе его шевелилось черно-белое изображение той иилане', что наговорила в запоминающее животное. Вейнте' выключила угункшаа, едва Энге вошла, и взяла в руку каменный наконечник копья, лежавший рядом.

– Приблизься, – приказала она.

Энге подчинилась. Схватив каменное лезвие, Вейнте' замахнулась им... Энге не дрогнула, не отшатнулась. Вейнте' схватила ее за руку.

– В тебе нет страха, – сказала она, – но ты видишь, как остер этот камень, он не хуже наших струнных ножей.

Она сняла живые путы, и руки пленницы освободились. Энге осторожно потерла кожу.

– Ты освобождаешь нас всех? – спросила она.

– Не будь слишком жадной. Только тебя, мне необходимы твои знания.

– Я не стану помогать тебе убивать.

– Этого от тебя и не требуется. С убийствами закончено.

На время, подумала она, понимая, что об этом Энге лучше не говорить. Солгать она не могла, сама идея лжи была ей абсолютно чужда, как и всем иилане'. Невозможно лгать, когда каждое движение тела выдает тебя. Иилане' могли утаить свои мысли, только умолчав о них. И в такой скрытности Вейнте' была весьма опытна. Теперь она прибегла к ней потому, что нуждалась в помощи Энге: пришло время учиться.

– Когда-то ты, кажется, занималась языками?

– Ты знаешь это, мы занимались вместе с Иилеспен, я была ее первой ученицей.

– Была. Первой и лучшей. Прежде чем тебе в голову пролезла гниль. Я помню, ты наблюдала, как общаются дети, а иногда и сама прибегала ко всяким дурачествам, чтобы привлечь их внимание. Я знаю, ты даже подслушивала разговоры самцов. Это озадачивает меня. Слушать этих глупцов, глупейших из глупых... Что можно от них узнать?

– У них особый язык, они общаются на нем, когда нас нет поблизости...

– Я говорю не об этом. Я имею в виду – зачем изучать подобное? Какая разница, как они говорят?

– Это очень важно. Мы – это язык, язык – это мы. Нет языка – и мы немые. Ничем не лучше животных. Подобные размышления и исследования и подтолкнули меня к великой Угуненапсе и ее учению.

– Было бы куда лучше, если бы ты занималась лишь языком и не лезла, куда не следует. Те из нас, кто становится иилане', должны, вырастая, научиться говорить. Это факт, иначе ни тебя, ни меня не было бы здесь. Разве можно научить молодую разговаривать? Сама эта идея, на мой взгляд, отвратительна и глупа. Такое возможно?

– Возможно, – ответила Энге. – Я делала подобное. Это нелегко, большинство молодых не хотят ничего слушать, но такое возможно. Я использовала методику дрессировки лодок.

– Лодки глупы, как плащи: они умеют понимать лишь несколько команд.

– Но метод тот же.

– Хорошо... – Вейнте' искоса внимательно взглянула на нее и заговорила, осторожно подбирая слова: – Значит, ты можешь научить животное говорить и понимать тебя?

– Только понимать – не говорить. Несколько простейших команд, если мозг его достаточно велик. Чтобы говорить, нужен голосовой аппарат и области мозга, которых нет у животных.

– Но я слыхала, как животные говорят.

– Не говорят, а повторяют заученные звуки. На такое способны и птицы.

– Нет, я имею в виду речь. Общение между собой.

– Это невозможно.

– Я говорю о лохматых животных, о грязных устузоу.

Энге начала понимать, что Вейнте' имеет в виду, и, вздохнув, кивнула:

– Если у этих существ есть кое-какой разум – а грубые орудия свидетельствуют об этом, – не значит ли это, что они могут и разговаривать между собой? Весьма необычная мысль. Ты слыхала, как они говорят?

– Слыхала. И если ты захочешь – тоже услышишь. Мы доставили сюда двоих. – Она махнула проходящей фарги. – Разыщи охотницу Сталлан и немедленно приведи ко мне.

– Как себя чувствуют животные? – осведомилась Вейнте', когда Сталлан появилась.

– Я вымыла их, обследовала повреждения – одни синяки. И весь этот грязный мех тоже убрала с головы. Покрупнее – самка, меньший – самец. Они пьют воду, но ничего не едят из того, что я предлагала. Только будь осторожна с ними.

– Я не собираюсь к ним приближаться, – ответила Вейнте', вздрогнув от отвращения. – К ним отправится Энге.

Сталлан повернулась к пленнице:

– К ним следует всегда стоять лицом. К дикому зверю нельзя поворачиваться спиной. Маленький кусается. У них когти, я для безопасности связала их.

– Я сделаю так, как скажешь.

– И еще... – сказала Сталлан, достав небольшой мешочек. – Когда я чистила зверей, на шее самца оказалось вот это. – Она положила небольшой предмет на стол перед Вейнте'.

Это было что-то вроде ножа, сделанного из металла. На тупом конце его было пробито отверстие и нацарапаны какие-то рисунки. Вейнте' нерешительно потрогала его большим пальцем.

– Тщательно сработано, – произнесла Сталлан.

Вейнте' взяла предмет и принялась изучать его.

– Рисунки мне понятны, металл неизвестен, – сказала она. – Где эти животные могли найти такое? Кто это сделал? И металл... откуда взялся металл? – Кончиком пальца она попробовала лезвие. – Совсем тупой. Зачем он?

Ответов на эти вопросы не было, да Вейнте' их и не ожидала. Она передала кусок металла Энге:

– Вот еще одна тайна, которую ты должна разгадать, когда выучишь язык этих существ. Энге посмотрела на него и вернула Вейнте'.

– Когда я могу их увидеть? – спросила она.

– Сейчас же, – ответила Вейнте'. Она сделала знак Сталлан. – Отведи нас к ним.

Сталлан привела их по коридорам города к темному и высокому проходу. Знаком приказав соблюдать молчание, она распахнула окошко в стене. Вейнте' и Энге заглянули в комнату. Других отверстий не было – свет проходил только через прочный экран высоко над головой.

На полу лежали два отвратительных небольших существа, словно две капли воды похожих на убитого, труп которого Энге видела на амбесиде. Голая кожа на голове была исцарапана: их побрили. Без меха на голове и этих вонючих шкур, в которые они кутались, было видно, что они полностью покрыты противной, воскового цвета шкурой без каких-либо оттенков. Самочка, что была покрупнее, лежала ничком. Она то и дело подвывала. Самец сидел возле нее на корточках и издавал негромкие ворчащие звуки. Так продолжалось довольно долгое время, наконец вой утих. Тогда самка начала издавать и другие звуки. Вейнте' жестом велела Сталлан закрыть окошко и идти.

– Может быть, это их речь, – взволнованно произнесла Энге. – Но они почти не шевелятся, когда издают звуки, меня это смущает. Потребуется исследование. Интересна сама концепция: на чем основывается совершенно чуждый язык устузоу, так отличающихся от всех известных животных. Огромная, потрясающая задача.

– В самом деле. Настолько потрясающая, что я приказываю тебе научиться их речи и уметь разговаривать с ними.

Энге знаком выразила согласие.

– Ты не можешь приказать мне мыслить, эйстаа. Даже твоя власть не простирается в чужой разум. Я буду изучать речь этих животных, потому что хочу этого.

– Меня не интересуют выдуманные тобой причины, если ты повинуешься.

– А зачем ты хочешь понимать их? – осведомилась Энге.

Вейнте' тщательно выбирала слова, чтобы не выдать истинные намерения.

– Как и ты, я нахожу нелепой мысль о том, что животные могут разговаривать. Или ты считаешь меня не способной к умственной работе?

– Прости мое недоверие, Вейнте'. В нашем эфенбуру ты во всем была первой. Ты вела нас, потому что все понимала, а мы нет. Когда начать?

– Сейчас. В этот миг. Что ты будешь делать?

– У меня нет пока идей, ведь никто раньше не делал ничего подобного. Разреши мне подойти к окну и послушать. Быть может, у меня появится план.

Вейнте' молча удалилась, невероятно довольная тем, что ей удалось совершить. Сотрудничество Энге было необходимо. Если бы она отказалась, пришлось бы послать сообщение в Инегбан, а потом долго ожидать, пока там подберут и пришлют кого-нибудь, способного общаться с дикими зверями. Если только они и впрямь разговаривали, а не издавали случайные звуки. Это Вейнте' хотела знать немедленно: существование этих зверей сулило еще не одну беду. Следовало знать все – для безопасности города.

Прежде всего она должна знать, где и как живут лохматые звери. Как размножаются. Это первый этап.

А потом их надо будет убить. Всех. Стереть с лица земли. Ведь, несмотря на примитивный рассудок и грубые каменные орудия, они просто жалкие звери. Но смертельно опасные, способные убивать без пощады... даже самцов и молодняк. Устузоу погибнут.

Из тьмы, задумавшись, Энге следила за существами. Вейнте' ни единым словом, ни единым жестом не выдала своих намерений. Одно неверное движение – и Энге наверняка раскусила бы ее. Но этого не произошло, и все мысли Энге полностью были поглощены захватывающей лингвистической проблемой.

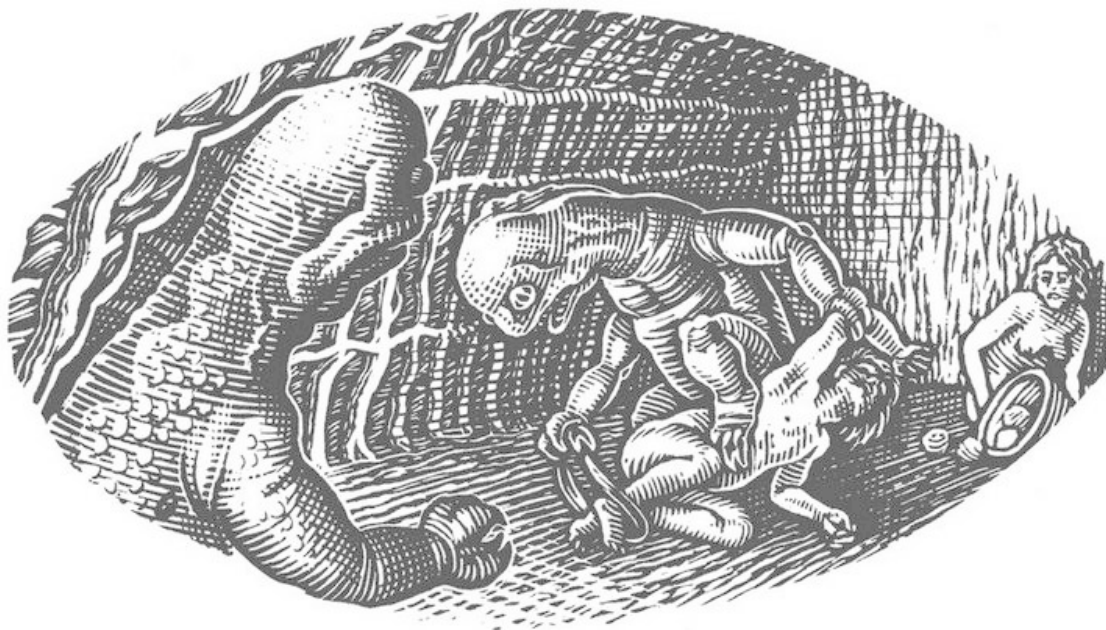
Почти половину дня она молча наблюдала, слушала, смотрела, тщетно пытаясь что-либо понять. Но так ничего и не поняла. К концу дня, правда, появились некоторые проблески плана дальнейших действий. Она закрыла окошко и отправилась на поиски Сталлан...

– Я буду с тобой, – проговорила охотница, отпирая дверь, – они опасны.

– Недолго. Потом они успокоятся, и я смогу быть с ними одна. Тогда ты будешь стоять снаружи. Я позову если понадобится.

Легкая дрожь пробежала по гребню Энге, пока Сталлан открывала дверь. Она ступила внутрь; от мерзкой вони, издаваемой животными, ее затрясло. Как в логове зверя. Но разум одолел физическое отвращение, и Энге не вздрогнула, когда за ней затворилась дверь.

9

Kenep at halikaro, kenep at hargoro, ensi naudinz ar san eret skarpa tharm senstar et sano lawali.

Мальчик может быть легконогим и сильноруким, но он не охотник, пока тхарм зверя не будет извлечен наконечником его копья.

– Они убили мою мать, они убили брата, я видела, – говорила Исель. Она уже перестала отчаянно рыдать, но глаза еще были полны слез и щеки мокры от соленой влаги. Она утерлась тыльной стороной руки и вновь ощупала бритую голову. – Они убили всех.

А мальчик ни разу не всхлипнул. Быть может, потому, что девчонка всю дорогу захлебывалась визгом. Она была старше его на пять или шесть лет, но орала словно младенец. Керрик понимал ее, плакать – дело простое. Нужно только внутренне сдаться. Но он не сдавался. Охотник не плачет, а ведь он уже был на охоте. С отцом, величайшим из охотников. С Амага-стом. Теперь он мертв, как и все из саммада. К горлу Керрика подкатил комок при этой мысли, но он не заплакал. Охотник не плачет.

– Керрик, они не убьют нас? Не убьют, ведь правда же? – спросила Исель.

– Да.

Она обняла мальчика и вновь зарыдала. Это было неправильно. Только маленькие дети ведут себя подобным образом. И хотя это было запрещено, он не мог скрыть удовольствия от ее прикосновения. Он тронул ее небольшие плотные грудки. Он прикоснулся к ним еще раз, она оттолкнула его и зарыдала еще громче. Он встал и с пренебрежением отошел. Глупая девчонка, она никогда не нравилась ему. Они прежде даже никогда не разговаривали. Но теперь их осталось двое, и она, видите ли, решила, что их отношения изменились. Она решила, но только не он. Как было бы хорошо, если бы на ее месте оказался кто-нибудь из его друзей. Но все они убиты – воспоминание это пронзило его. Из всего саммада никто не остался в живых. Теперь их очередь. Исель не понимает этого, не понимает, что сами они не в состоянии ничего сделать.

Он снова и снова внимательно оглядывал помещение, но в деревянной пещере не было ничего: ни палки, ни камня – словом, никакого оружия. Не было и пути к спасению. Тыквы с водой слишком легки. Ими и ребенка не ушибешь. Тем более мургу, притащивших их сюда. Взяв одну из тыкв, он глотнул – в пустом желудке заурчало. Он был голоден, но все-таки не настолько, чтобы есть это мясо. От одного вида мерзкой снеди его тошнило. Ни сырое, ни жареное: оно липкой массой свисало с кости. Он тронул мясо пальцем, и его передернуло. Вдруг дверь скрипнула и отворилась.

Исель прижалась к стене и отчаянно завопила, закрыв глаза. Керрик же, наоборот, встал лицом к двери, стиснул кулаки. Он жалел только, что у него нет копья... Если бы только было копьё...

На этот раз появились два мургу; может, он уже видел их, может, нет. На первый взгляд никакой разницы, все они на одно лицо. Огромные, чешуйчатые, толстохвостые, они были покрыты отвратительными пятнами, на спинах топорщились уродливые гребни. Эти мургу ходили как тану и умели брать предметы уродливыми клешнями с двумя большими пальцами.

Когда они вошли, Керрик медленно отступил, потом еще... пока спиной не коснулся стены... Отступить было уже некуда. Они смотрели на него равнодушными глазами, и он вновь затосковал... копьё бы... Один из мургу дернулся и повел руками, издавая мяукающие звуки. Керрик так прижался к стене, что заболели лопатки.

– Они еще ничего не ели? – спросила Энге.

Сталлан сделала отрицательный жест и указала на тыквы:

– Хорошее мясо, обработанное энзимами, годное в пищу. Сами они обжаривают мясо, и я решила, что сырое они не станут есть.

– А фрукты ты им не предлагала?

– Нет, они едят мясо.

– Может быть, они всеядны. Мы немного знаем об их привычках. Принеси фруктов.

– Я не могу оставить тебя с ними одну. Сама Вейнте' приказала мне охранять тебя, – произнесла охотница дрогнувшим голосом, не зная, что делать.

– Я справлюсь с обоими маленькими зверями, если придется. Они уже на тебя напали здесь?

– Когда их только принесли. Самец злобный. Пришлось побить, чтобы прекратил злиться. Но с тех пор не нападал.

– Я в безопасности. Ты выполнила приказание эйстаа, а теперь исполняй мое.

У Сталлан не оставалось выбора. Она нерешительно вышла, и Энге задумалась. Как же вступить в общение с этими существами? Самка лежала лицом к стене, издавая все тот же высокий звук. Небольшой самец молчал, еще бы – он глуп, как положено самцу. Энге наклонилась, приподняла самку за плечо и постаралась повернуть лицом к себе. Оказалось, что к теплой шкуре животного можно прикоснуться без отвращения. Вой усилился – и внезапно острая боль пронзила ей руку.

Завопив от неожиданности Энге тряхнула рукой – самец покатился на землю. Зубы зверя прокусили ей кожу, выступила кровь. Выставив вперед когтистую руку, она разгневанно зашипела.

Зверь на четвереньках пополз в сторону. Она нагнулась над ним. И остановилась, осознав свою вину.

– Да, мы виноваты, – сказала она, едва гнев отступил. – Мы убили почти всю твою стаю. Тебя нельзя винить в твоём поступке. – Потерев укушенную руку, она поглядела на яркое пятно крови.

Дверь отворилась, вошла Сталлан с тыквой, полной оранжевых фруктов.

– Самец укусил меня, – спокойно сообщила Энге. – Они не ядовиты?

Отбросив тыкву в сторону, Сталлан бросилась к ней, взглянула на рану и занесла кулак над съжившимся самцом. Легким прикосновением Энге остановила ее:

– Не надо. Это я виновата. Как укус?

– Неопасен, если вовремя очистить рану. Пойдем, я ее обработаю.

– Нет, я останусь здесь. Не следует обнаруживать страх перед этими зверями. Со мной все будет в порядке.

Сталлан неодобрительно покачала головой, но поделаться ничего не могла. Она торопливо вышла наружу и вскоре возвратилась с деревянным ящичком. Она достала из него бутылку с водой и промыла рану, потом сняла крышку с нефмакела и положила его на руку Энге. Влажное прикосновение пробудило дремлющее животное, и оно прилипло к ране, выделяя антибактериальную жидкость. После чего Сталлан достала из ящика две узловатые черные шишки и произнесла:

– Придется связать самцу руки и ноги. Уже не впервые. Слишком злобный.

Маленький самец пытался спастись, но Сталлан поймала его, швырнула на пол и коленом придавила спину, придерживая одной рукой. Другой она схватила живые путы, обернула их вокруг лодыжек зверя и вставила хвост веревки в ее пасть. Повинуясь рефлексу, живая веревка глотнула свой хвост, тело ее напряглось. Когда самец оказался надежно связанным, Сталлан отпихнула его в сторону.

– Я останусь и буду тебя охранять, – произнесла она. – Я должна. Вейнте' приказала тебя защищать. Я отлучилась на миг – и ты ранена. Я не могу допустить этого более.

Энге жестом выразила вынужденное согласие. Поглядела на брошенную тыкву и раскатившиеся по полу фрукты. Она указала на распростершуюся на полу самочку:

– Я возьму эти круглые сладости. Ты поверни ее лицом ко мне, чтобы она меня видела.

Исель отчаянно завопила, когда холодные руки марага схватили ее, грубо развернули и прислонили к стене. Она вцепилась зубами в костяшки пальцев. Второй мараг, тяжело ступая, подошел поближе, остановился, топнул и поднял вверх апельсин. Рот его медленно раскрылся, обнажив два ряда остроконечных зубов. Издав громкий вопль, он помахал апельсином в воздухе, одновременно царапая пол когтями. Исель только стонала от страха, не чувствуя, что прокусила кожу на пальцах, и кровь заструилась по ее подбородку.

– Это фрукт, – сказала Энге, – круглый, сладкий, хороший, чтобы есть. Наполняет живот, ты радуешься. Еда дает силы. А теперь делай, как я велю! – Сначала она уговаривала, а потом стала приказывать: – Ты возьмешь этот фрукт и съешь!

Заметив кровь, она поняла, что зверь поранил себя сам, и в негодовании отвернулась. Поставив тыкву с фруктами на пол, она знаком поманила Сталлан к двери.

– У них есть грубые орудия, – сказала Энге. – Ты говорила, что они сооружают что-то вроде укрытий и даже крупные звери им служат. – (Сталлан кивнула.) – Должно же у них быть что-то похожее на разум?

– Но это не значит, что они должны уметь разговаривать.

– Верно подмечено, охотница. Но пока приходится предполагать, что у них есть язык, с помощью которого они общаются между собой. И мелкие неудачи не остановят меня. Смотри, самец шевелится. Должно быть, почуял запах фруктов. Реакция самцов всегда груба: голод сильнее страха перед нами. Но он все еще озирается, он дикий. Гляди! – крикнула она победно. – Ест! Первый успех. По крайней мере, теперь его можно кормить. И смотри-ка, тащит фрукт самке. Альтруизм – признак интеллекта.

Но Сталлан недоверчиво качала головой:

– И дикие животные кормят своих детей. И охотятся вместе. Я видела. Это не доказательство.

– Может быть. Но я все равно верю... Если простые команды могут понимать даже лодки, почему нельзя думать, что подобные твари способны на это?

– Значит, ты будешь обучать их тем же способом, что и лодки?

– Нет. Поначалу собиралась именно так и поступить, но теперь хочу достигнуть более высокого уровня понимания. При обучении лодок приходится обеспечивать положительное и негативное подкрепление немногих команд. Ошибки наказываются электрическим ударом, кусочком еды поощряется правильный ответ. Такое обучение пригодно для лодок, а этих животных я не собираюсь учить, с ними я должна разговаривать.

– Говорить трудно. Многие из тех, кто вышел из моря на сушу, так и не научились этому.

– Ты права, охотница, все дело в развитии: молодой с трудом осваивает взрослую речь, но в море, ты помнишь, они разговаривают между собой.

– Тогда учи этих зверей детской речи. Ее-то они должны освоить.

Энге улыбнулась:

– Прошло много лет с тех пор, как ты разговаривала по-детски. Ты помнишь, что это значит?

Она подняла руку, и зеленая ладонь медленно покраснела, она пошевелила пальцами. Сталлан улыбнулась:

– Каракатицы. Много.

– Ты помнишь. Но разве ты не видишь, как важен цвет ладони? Без этого не поймешь смысла моей речи. А эти лохматые умеют менять цвет ладоней?

– Не думаю. Я никогда не видела этого. А тела у них бело-красные.

– Может быть, в их речи это важно...

– Если только она у них есть.

– Действительно – если. Я должна пристальнее приглядеться к ним, прежде чем они начнут издавать звуки. Но велика необходимость заставить их разговаривать как иилане'. Начнем с простейших выражений. Они должны понять полноту общения.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Тогда я покажу, чтобы ты поняла. Слушай мои слова внимательно. Готова? Ну... Мне тепло. Понимаешь?

– Да.

– Хорошо. Мне тепло. Это утверждение. Полнота его следует из обеих частей утверждения. А теперь я скажу медленнее. Мне... тепло. Я слегка двигаю большим пальцем, глядя вверх, и произношу слово «тепло», чуть приподняв хвост. И все это: произнесенные звуки и точные жесты вместе складываются в полное выражение.

– Я никогда не думала о подобном... Даже голова заболела.

Энге расхохоталась и жестом показала, что понимает шутку.

– В твоих джунглях я заплутаюсь так же, как ты в джунглях речи. Ею занимаются немногие: все здесь так сложно и трудно. И первый шаг для понимания требует осознать филогению языка.

– Теперь голова уже сильно болит. И ты думаешь, что эти звери сумеют понять такое? Когда даже я не понимаю, о чем ты ведешь речь...

Сталлан показала на зверей, испуганно прильнувших к стене. В тыкве ничего не осталось, кусочки шкурок были разбросаны по полу.

– Ничего сложного я им объяснять не стану. Просто я хотела тебе сказать, что история нашего языка повторяет наше жизненное развитие. Когда мы юными оказываемся в море, говорить не умеет никто, и мы ищем помощи у подружек по эфенбуру, вошедших в воду вместе с нами. Мы умнеем, видим, как взрослые разговаривают между собою. Простые движения ног и рук, изменение цвета ладоней... Мы становимся старше и учимся, учимся и, когда выходим на сушу, уже можем и жестом дополнять звуки и так далее, пока не становимся настоящими иилане'. Отсюда моя нынешняя задача. Как научить нашему языку существ с иным жизненным циклом? Или у них он такой же? Быть может, после рождения они тоже сначала живут в воде.

– Мои знания об этом далеки от совершенства, но ты должна помнить: этот вид устузоу нам почти неизвестен. Я очень сомневаюсь в том, что они могут жить в воде. Я ловила и выращивала некоторых из лохматых зверей, поменьше размером, – тех, что можно обнаружить в джунглях. У всех есть кое-что общее. Все они теплые, всегда.

– Я заметила. Очень странно.

– Остальное не менее странно. Погляди на этого самца. Видишь – у него одиночный пенис, который не втягивается должным образом. Ни у одной из разновидностей устузоу, которых мне приходилось ловить, не было нормального двойного пениса. Более того, я следила за их поведением при случке – оно отвратительно.

– Что ты имеешь в виду?

– Я хочу сказать, что после оплодотворения яйца детеныша вынашивает самка. А когда он рождается, самки носят его при себе и кормят из мягких выростов на груди. Вон, видишь, в верхней части тела этой молодой самки.

– Действительно необычно. Ты считаешь, что их молодняк остается на суше? Значит, они не подрастают, как положено, в море?

– Правильно. Общая повадка у всех известных мне устузоу. Их жизненный цикл во всем отличается от нашего.

– Разве ты не понимаешь значения своих наблюдений? Если у них есть свой язык, они научаются ему по-другому, не так, как мы.

Сталлан жестом выразила согласие.

– Это я поняла, благодарю за объяснение. Но отсюда следует еще более важный вопрос. Если у них есть язык, как они обучаются говорить?

– Вопрос действительно важный, и я должна попытаться на него ответить. Но вынуждена честно признаться, что не имею ни малейшего представления.

Энге поглядела на диких зверей, на липкие от съеденных фруктов лица. Они настороженно смотрели на нее. Как сумеет она найти способ общения с ними?

– А теперь оставь меня, Сталлан. Самец надежно связан, самочка неопасна. Когда я буду одна, им не на кого будет отвлекаться.

Сталлан долго размышляла, а потом нерешительно согласилась:

– Как велишь. Я согласна, что теперь опасность невелика. Но я буду здесь же, за дверью; оставлю ее незапертой и чуть приоткрытой. Позовешь меня, если они чем-то будут угрожать тебе.

– Позову. Я обещаю. А теперь начинается моя работа...

10

В новом городе было много работы. Излишней... Приходилось исправлять ошибки прежней эйстаа, по справедливости умершей. Все эти хлопоты заполняли будни Вейнте' от первых лучей солнца до наступления тьмы. Погружаясь в сон, она завидовала ночным лодкам и другим существам, видевшим в темноте. Если бы она могла спать меньше хоть чуть-чуть – сколько всего можно было бы еще переделать. Бесплезная мысль, но как часто ночами она думала об этом... Мысли эти, конечно, не влияли на сон – нельзя спать более беспокойно и тревожно, чем иилане'! Казалось, что, закрывая глаза, Вейнте' погружалась в глубокий сон наподобие смерти. Но сон иилане' не крепок, его может нарушить любой шорох. Много раз в ночной тьме поднимала Вейнте' голову, встревоженная криками зверей. Глаза ее открывались, какой-то миг она вслушивалась. Потом, если все было спокойно, она вновь засыпала. И только серый утренний свет пробуждал ее.

Этим утром она, как всегда, ступила на пол из теплой постели и ткнула ее ногой. Та начала сворачиваться. Вейнте' подошла туда, где из бесчисленных стволов и стеблей живого города выступало что-то вроде тыквы с водой. Вейнте' приложила губы к отверстию и напилась подслащенной воды. За спиной возле стены сворачивалась в длинный сверток постель. Она охлаждалась: до следующей ночи ложе эйстаа будет пребывать в коматозном состоянии. Ночью шел дождь, и влажный плетеный пол неприятно холодил пятки.

Вейнте' направилась к амбесиду. Следом за ней одна за другой пристраивались фарги.

Каждое утро перед началом работ руководительницы проекта и простые жительницы ненадолго приходили на амбесид, чтобы поговорить. Это открытое пространство было центром города, его сердцевиной, осью, вокруг которой крутились все дела.

Вейнте' направилась к своему излюбленному месту возле западной стены, куда падали первые лучи солнца. В глубокой задумчивости она не замечала рядовых жительниц, расступавшихся, чтобы пропустить ее. Ведь она – эйстаа, что всегда идет по прямой. Кора дерева уже согрелась, и она с удовольствием ступала по ней под восходящим солнцем, зрачки ее сузились в вертикальные щелки.

С глубоким удовлетворением смотрела она, как пробуждается Алпеасак. Она гордилась своим высочайшим положением: ведь это был ее город. Она будет растить его, строить, отгораживать от диких лесов, покрывающих все чужеземное побережье. Она построит город, и построит хорошо. Когда холодные ветры задуют над Инегбаном, новый город будет уже готов. И тогда сюда придет ее народ, иилане' будут жить здесь и чтить ее за дела. Но стоило об этом

подумать, как вынырнула неприятная мысль: в день, когда это произойдет, она не будет здесь эйстаа. С остальными приплывет и Малсас<, эйстаа Инегбана, которой, быть может, суждено править и новым городом.

Быть может. Эту пару слов Вейнте' скрывала особенно тщательно и никогда не произносила вслух. Быть может. Время меняет все. Малсас< уже немолода, молодежь уже подталкивает ее снизу. Время меняет все. И самой Вейнте' суждено когда-нибудь перейти этот поток. А пока – надо строить, возводить новый город... и строить его хорошо.

На глаза Вейнте' попалась Этдиирг.

– Ты обнаружила, кто убивает наших животных? – спросила Вейнте'.

– Да, эйстаа. Большой черный устузоу с огромными клыками и острыми когтями... Клыки у него такие огромные, что торчат из пасти, даже если она закрыта. Сталлан расставила ловушки возле дыр, которые он проделал в заборе. Там его и обнаружили этим утром, две удавки схватили его за ноги, третья – за шею и удушила.

– Снимите с него голову, а потом принесите мне его чистый череп.

Вейнте' показала, что разговор окончен, и поманила к себе Ваналпе'. Оставив беседу, биолог поспешила к ней.

– Расскажи мне о новом пляже, – попросила Вейнте'.

– Близок к завершению, эйстаа. Траву расчистили, терновник высок, кораллы у берега приживаются хорошо... Времени только мало прошло.

– Великолепно. Значит, уже можно думать о новых рожденьях. Они сотрут память о происшествии на старом пляже.

Ваналпе' согласилась, но с чувством легкой вины выразила сомнение:

– Пляж готов, но еще не безопасен.

– Все та же проблема?

– Со временем мы решим и ее. Я работаю вместе со Сталлан. И мы верим – решение вот-вот найдется. Мы уничтожим зверей.

– Это необходимо. Самцы должны быть в безопасности. Чтобы случившееся не повторилось.

Вейнте' переговорила со всеми и ознакомилась с новостями. Настроение ее немного улучшилось. Но она думала об охотнице. Прошло какое-то время, а Сталлан не появлялась. Вейнте' поманила фарги и приказала разыскать охотницу. Наконец около полудня Сталлан появилась и села возле Вейнте' в тени листвы.

– Несу хорошие вести, эйстаа. Пляж скоро будет в безопасности.

– Если это так, приходит конец тяжелым для города временам.

– И аллигаторам. Мы нашли, где они размножаются. Я велела фарги доставить сюда все яйца, переловить весь молодняк. Они просто восхитительны на вкус.

– Я уже ела их и согласна с тобой. Значит, будем разводить их вместе с прочим мясным скотом?

– Нет, они слишком коварны и злобны. Для них возле реки строится особый загон.

– Очень хорошо. А что ты собираешься делать со взрослыми?

– Тех, кто слишком велик для ловушек, придется убить. Конечно, это обидная потеря мяса, но выбора нет. На ночных лодках мы до зари подберемся к ним и перебьем всех.

– Покажи, где они размножаются. Хочу поглядеть сама.

Вейнте' собралась покинуть амбесид. Становилось все жарче, и вокруг многие уже дремали, забившись в тень. Она отдохнуть не намеревалась, слишком много еще оставалось дел.

Вейнте' и Сталлан медленно направились к пляжу, группа фарги, как всегда, плелась за ними. Жарко было даже в тени деревьев, и все время от времени ныряли в пруды, выкопанные для охлаждения у дороги. Они миновали болото, большая часть его еще не была расчищена. Оно густо заросло кустарником и пахучими травами, кишело крохотными кусачими

насекомыми. Наконец болото кончилось, за густыми зарослями открылся песчаный пляж. Из высокой травы вверх тянулись приземистые пальмы и какие-то странные растения с плоскими листьями, утыканые длинными иглами. Земля эта, Гендаси, так отличалась от привычного мира! Она была полна неизведанного. И опасностей.

Впереди текла река, неторопливая и глубокая. У берега теснились лодки: их кормили приглядывающие за ними фарги. Когда фарги заталкивали в них порции мяса, из крошечных пастей стекали тонкие струйки крови.

– Мясо аллигаторов, – пояснила Сталлан. – Не выбрасывать же... Лодки теперь так раскормлены, что готовы размножаться.

– Тогда пусть поголодают. Они нужны нам сейчас в рабочем состоянии.

Вдоль речных берегов высились ветвистые деревья. Среди них были серые с массивными стволами; тут же росли тонкие и высокие деревья, покрытые зелеными тонкими иглами; выше всех вздымались красные гиганты, от которых во все стороны разбежались корни. Земля между деревьями была покрыта пурпурными и розовыми цветками, но наверху, среди ветвей, их было еще больше. Целые ветви были усеяны огромными бутонами. В джунглях кипела жизнь. В кронах кричали птицы, на стволах улитки оставляли за собой красные влажные полосы.

– Богатая земля... – проговорила Вейнте'.

– Когда-то и Энтобан был таким, – сказала Сталлан. Расширив ноздри, она принюхивалась. – Когда города еще не разрослись от океана до океана.

– Ты думаешь, тогда повсюду так было?

Вейнте' попыталась осознать это. Такое трудно понять. А нам кажется, что города существовали от яйца времен...

– Я не однажды говорила об этом с Ваналпе'. Она мне объяснила. Жизнь цветет в новых землях Гендаси, давным-давно так было и в Энтобане, тогда иилане' еще не выращивали свои города.

– Конечно, ты права. Если мы все время выращиваем новые города, значит когда-то существовал один-единственный город. И отсюда следует неутешительный вывод, что еще раньше городов не было вовсе. Такое возможно?

– Не знаю. Поговори об этом с Ваналпе', она как дома среди подобных головокружительных идей.

– Ты права. Я спрошу ее.

Тут Вейнте' обнаружила, что их слишком уж близко окружили фарги; с открытыми ртами они пытались понять смысл разговора. Движением руки она отослала их прочь.

Они приближались к местам размножения аллигаторов, только на этот раз большая часть огромных рептилий уже навсегда оставила эти берега. Уцелевшие держались осторожно и, увидев лодку, немедленно исчезали в воде. Самки прятались последними. Эти примитивные и тупые существа просто на удивление трогательно заботились о яйцах и молодняке. Впереди на берегу стояли лодки, возле них под палящим солнцем трудился отряд фарги. Вейнте' обратилась к надсмотрщице по имени Зекакот, наблюдавшей за работами из тени дерева:

– Расскажи, как идет работа?

– Прогресс значителен, эйстаа. В город отосланы две полные лодки яиц. Ловим сетями молодняк, они глупы и легко попадаются.

Она наклонилась над корзинкой и, ухватив за хвост маленького аллигатора, выпрямилась. Он шипел, извивался, пытался впиться в ее руку острыми зубками.

Вейнте' одобрительно кивнула:

– Хорошо, очень хорошо. И опасность исчезнет, и животы наполнятся. Хорошо, если бы наши проблемы всегда находили такое удачное решение. – Она обернулась к Сталлан. – Других мест размножения не обнаружено?

– Во всяком случае, отсюда до города – нет. Когда мы окончим здесь, пойдем дальше вверх по реке, к болотам.

– Хорошо. Теперь, прежде чем возвращаться в город, глянем на новые поля.

– Я должна вернуться к охотникам, эйстаа. Зекакот покажет дорогу, если ты согласна.

– Я согласна, – ответила Вейнте’.

Ветер утих, неподвижный воздух почти обжигал. Лодки спустили в реку. Вейнте’ заметила, что небо приобрело странный желтоватый цвет, она еще не видела такого. Здесь, на другом краю света, все было по-другому. Ветер стал усиливаться, теперь он переменял направление и дул в спину. Вейнте’ повернулась и заметила на горизонте черную полосу.

– Зекакот, что это значит? – показала она.

– Не знаю. Какие-то облака. Я еще не видела ничего подобного.

Черные облака надвигались с немыслимой скоростью. Только что они казались пятнышками над кронами деревьев и вдруг заняли уже полнеба, вокруг сразу потемнело. И когда пришел ветер, он разил словно кулак. Одна из лодок, оказавшаяся боком к ветру, вдруг перевернулась.

Послышались крики, но тут же умолкли: всех выбросило в бурлящую воду. Лодка с плеском нырнула и вынырнула, иилане’ метнулись в стороны, чтобы избежать столкновения с нею. Когда их с большими усилиями извлекли из бурных вод, оказалось, что никто не получил повреждений. Но все давным-давно позабыли океан своей юности и плавали плохо. Вейнте’ выкрикивала указания, наконец одна из самых предприимчивых фарги, не побоявшаяся рискнуть в надежде повысить свой статус, подплыла к нервничавшей лодке и вскарабкалась внутрь. Там с резким криком она ударила по нужному месту и сумела взять живое суденышко под контроль.

А вокруг злобно завывал ураган, грозя потопить другие лодки. Все иилане’ прикрыли глаза мембранами, носовые перепонки защищали ноздри от капель дождя. И вдруг, покрывая рев ветра, в лесу раздался страшный треск – повалилось гигантское дерево, увлекая за собой соседние.

Вейнте’ не могла перекричать шум ветра, но все и так поняли ее приказ: держаться подальше от берега, чтобы не попасть под падающие деревья.

Лодки качались на крутых гребнях. Иилане’ жались теснее друг к другу, пытаясь сохранить крохи тепла под холодным секущим дождем. Казалось, прошло довольно много времени, прежде чем ветер начал ослабевать и стал порывистым. Буря утихала.

– Назад в город! – приказала Вейнте’. – Быстро, как только возможно!

Невероятный ветер проложил целую просеку в джунглях, повалив даже самые высокие из деревьев. Не зацепила ли буря город? Наверняка. Ведь образующие город деревья еще так молоды, они еще растут. Хорошо ли они укоренились? Каков ущерб? Ужасная мысль эта мучила всех.

Ухватив связанное животное за шею, Сталлан сняла веревку, сдерживавшую брыкавшиеся ноги, и бросила его в клетку. Эта тварь полностью поглотила внимание охотницы, и она заметила перемену погоды, лишь закончив возню. Носовые клапаны ее открылись, она понюхала воздух. Что-то знакомое и... недоброе. Она прибыла в Гендаси с первой группой, той самой, что подыскала место для нового города.

Посоветовавшись, прибывшие решили остановиться на побережье Алпеасака. Сталлан была в той группе, что осталась на берегу, после того как урукето отправился обратно в Инегбан. Остались самые сильные... Все были отлично вооружены и прекрасно представляли себе опасности, которыми полны окрестные джунгли. И тогда их чуть не погубила неожиданная беда, уничтожившая все припасы, – буйный и яростный ливень, какого они еще не знали.

Все началось именно так: небо пожелтело, воздух словно замер и придавил землю. Заперев за собой клетку, Сталлан изо всех сил завопила: «Беда!» Все оказавшиеся поблизости фарги тут же повернулись к ней – это слово они выучили одним из первых...

– Ты – на амбесид, остальные разбегайтесь в стороны! На нас идет буря с сильным ветром. Все на пляжи, в поля, в воду – подальше от деревьев!

Фарги побежали чуть ли не быстрее Сталлан; с первыми порывами ветра сотни иилане' уже выбегали на безопасные открытые места. Тут навалилась буря, и город исчез за стеной ливня.

На берегу реки Сталлан заметила тесно жавшихся друг к другу фарги. Прячась от дождя, Сталлан протиснулась в самую середину. Ветер словно старался их разметать. Самые молодые шипели от страха, и Сталлан резко приказала им умолкнуть. Силой своего авторитета она удерживала молодежь на месте, пока не прошла буря, а когда ураган утих, велела всем возвращаться в город.

Усталая лодка Вейнте' вяло двигалась к берегу среди усеявших воду обломков, а Сталлан уже ожидала ее. И, когда слов еще нельзя было расслышать, просигналила: все в порядке. Не отлично, но терпимо.

– Каков ущерб? – крикнула Вейнте', выпрыгивая из лодки.

– Погибли две фарги и...

Вейнте' остановила ее сердитым жестом:

– Город меня интересует, не жительницы.

– Пока ни о чем существенном не докладывали. Мелких повреждений много, поломаны ветви, некоторые части города повалило ветром. В поля и к стадам разосланы фарги, ни одна еще не вернулась.

– Я и не надеялась на лучшее. Все сообщения – на амбесид.

Они пробирались по городу, ущерб был очевидным. Живая крыша во многих местах была повреждена, все дорожки были усыпаны листьями. В стойлах кто-то стонал; Сталлан заметила, что один из оленей в панике сломал ногу. Одной иглой из неразлучного хесотсана она прикончила животное.

– Плохо, но могло быть и хуже, – произнесла Вейнте'. – Сильный город, растет хорошо. Буря может разразиться снова?

– Скорее всего, нет, по крайней мере до следующего года. Дожди и сильные ветры иногда случаются, но ураганы бывают только в это время.

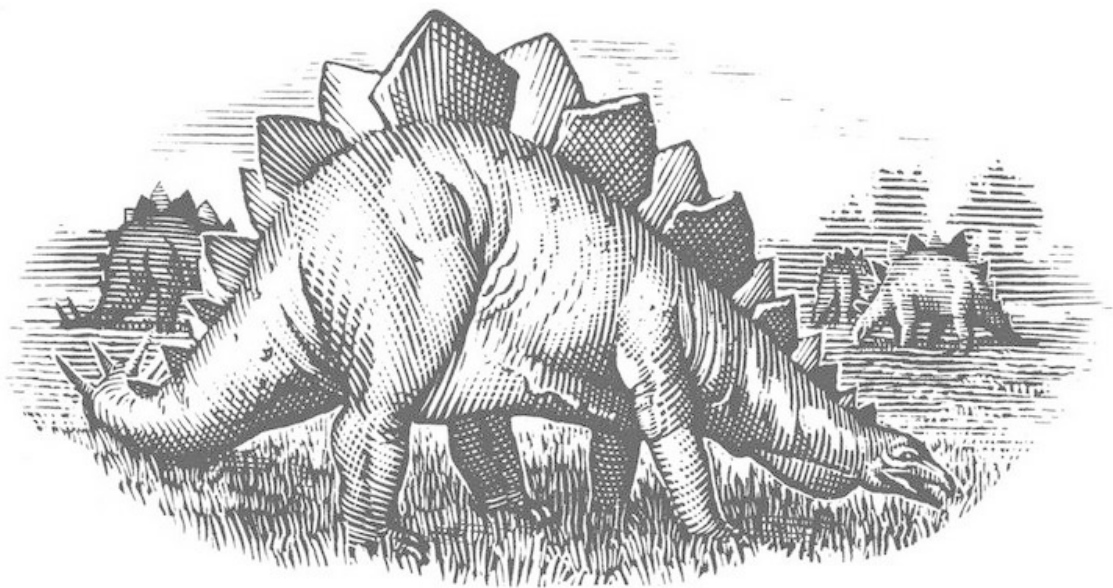
– Года хватит, чтобы возместить ущерб. Ваналпе' позаботится, чтобы рост был ускорен. Этот новый мир жесток и суров, но и мы можем быть столь же суровы и жестоки.

– Все будет, как ты говоришь, эйстаа, – ответила Сталлан.

Она не сомневалась, что Вейнте' сделает так, как решила.

Любой ценой.

11

Алпеасак рос и понемногу залечивал раны. Целыми днями Ваналпе' с помощницами сновали по городу, тщательно записывая весь причиненный бурей ущерб. Гормоны подгоняли рост, и листья крыш скоро вновь легли друг на друга, а новые стволы и воздушные корни укрепили стены. Но Ваналпе' не просто восстанавливала все как было. Прочные лианы, крепкие и упругие, пронизывали теперь стены и крышу.

Город не только стал сильнее, в нем становилось все безопаснее, ведь с каждым днем новые и новые поля прорезали джунгли. Это медленное продвижение могло показаться случайным, однако на самом деле было тщательно подготовлено и продумано.

Самое опасное дело – посев куколок в диких джунглях – выполняли Дочери Смерти. От диких зверей их защищали вооруженные фарги, но от синяков, ран, несчастных случаев, укусов змей спасения не было. Многие пострадали, некоторые умерли. Но ни город, ни Вейнте' их судьбы не тревожили. Город прежде всего.

И когда сев куколок окончился, джунгли были обречены. Вылупившиеся из яиц прожорливые червяки оправдали цель их создания. Для животных и птиц они были несъедобны, самим же гусеницам по вкусу оказалась любая растительность. Слепые и ненасытные, ползали они по древесным стволам и среди травы, пожирая все на своем пути. Лишь голые скелеты деревьев оставались после них да зловонная от экскрементов почва. Они ели и росли, росли... Отвратительные, покрытые щетинками создания вырастали длиной в руку иилане'.

А потом они умирали, гибель была заложена в их генах – тщательно продуманная предосторожность, чтобы гнусные твари не пожрали весь мир. Они умирали и гнили в кучах собственных испражнений. Хитроумие Ваналпе', генных инженеров сказалось и в этом. Черви-нематоды с помощью бактерий, населявших их кишечники, превращали эту отвратительную массу в плодородную почву. Жуки не успевали съесть мертвые деревья, как уже сеяли траву и терновник защитных стен. Новое поле углублялось в джунгли, отодвигая их все дальше от города, новый барьер отделял город от них.

В медленном этом продвижении не было ничего неестественного. Иилане' жили в гармонии с окружающим их миром, они были неотъемлемой его частью. Как же могло быть иначе? У полей не было определенных форм и границ. Все это зависело от сопротивляемости листьев

и прожорливости гусениц. Терновник разрастался в живые ограды различной ширины, некоторое разнообразие в ландшафт добавляли уцелевшие кое-где участки джунглей.

Столь же разнообразны были пасущиеся стада. Всякий раз, когда из Инегбана приплывал урукето, на нем привозили оплодотворенные яйца или новорожденных существ. Самых беззащитных и мирных держали поближе к городу на первых полях, там достигали зрелости урукубы и онетсенсасты. У границы джунглей паслись всеядные гиганты. Становясь в два раза больше мамонта, они продолжали расти; огромные рога и бронированные шкуры защищали их от любых опасностей...

Приходя на амбесид, Вейнте' каждый день радовалась успехам. Она все больше убеждалась, что нет проблем, которые она не может решить. Но однажды утром произошло нечто важное. Отчаянно толкаясь, на амбесид влетела фарги.

– Эйстаа, урукето вернулся. Я была в рыбацкой лодке, я сама видела...

Резким жестом Вейнте' приказала глупому созданию умолкнуть, а потом подала знак помощникам.

– Встретим их на причале. Я хочу знать новости из Инегбана.

Горделиво и молча она шествовала по тропе, подруги и помощницы следовали за нею, замыкала шествие бесконечная толпа фарги. В Алпеасаке не бывало холодов, но в это время года то и дело лил дождь, поэтому все были в плащах, согревавших и спасавших от морозящего дождя.

Когтистые лапы-лопасти ейсекома достаточно углубили реку и примыкавшую к ней гавань. Теперь уже не требовалось перегружать грузы из урукето в лодки: гигантское существо могло подходить прямо к берегу.

Когда Вейнте' со свитой появилась на берегу, гигант только что вынырнул из пелены дождя. Начальница гавани командовала фарги: они укладывали на подводный карниз свежую рыбу – корм для урукето. Тупое создание заметило еду и повернуло в нужную сторону, теперь гавань можно было запирать. Вейнте' с удовольствием следила за слаженной работой. В хорошем городе все устроено разумно. А у нее хороший город. Она глядела на большой черный корпус, на плавник, из которого выглядывала Эрефнаис. Рядом с ней стояла... Малсас<.

Вейнте' застыла: она уже успела выбросить из головы старшую эйстаа, поэтому, когда поняла, кого видит перед собой, ужасная мысль пронзила ее больнее ножа.

Малсас< – эйстаа Инегбана. Это для нее строился город. Это она приведет сюда народ, когда все будет закончено, и станет править вместо Вейнте'. Выпрямившись, Малсас< властно и внимательно оглядывалась. Она еще не старая и здоровая. Что помешает ей стать эйстаа в Алпеасаке?

Пока Малсас< и ее свита выбирались из урукето, Вейнте' не двигалась, чтобы не выдать своих мыслей. Ей оставалось только надеяться, что истинные чувства удастся спрятать под формальными интонациями и жестами.

– Приветствую тебя в Гендаси, эйстаа, приветствую в Алпеасаке, – проговорила Вейнте', сопровождая приветствие жестами удовольствия от прибытия эйстаа и глубокой благодарности.

– И я рада оказаться в Алпеасаке, – ответила Малсас< столь же официально.

Согласно этикету, в знак расположения нужно было быстро приоткрыть рот и показать зубы. Но эйстаа не закрывала рот несколько дольше положенного. Этот знак легкого недовольства был для Вейнте' достаточным предупреждением, другого не требовалось. Вейнте' уважали за ее труд, но незаменимых нет, поэтому она, предупредительно потупившись, выбросила из головы и коварство, и ревность.

Краткий обмен знаками был столь недолгим, что прочие иилане' его не заметили. Не их дело интересоваться взаимоотношениями высочайших. Прежде чем заговорить вновь, Мал-

сас< велела помощникам и фарги отойти подальше, чтобы разговор не подглядели или не подслушали по пути в город.

– Прошлая зима была холодной, но эта еще холоднее. Когда настало лето, ни молодежь, ни фарги из Соромсета не попросились в Инегбан. Когда чуть потеплело, я послала отряд охотниц в этот город. Он умер. Соромсет больше не существует. Он умер, словно Эритге, листья на городе умерли, птицы-трупоеды расклеывают кости живших там иилане'. Жив один Инегбан, но с каждой зимой холод пододвигается ближе. Стада уменьшаются. Скоро настанет голод.

– Алпеасак ждет.

– Он должен ждать... своего времени. Нужно расширять поля, умножать стада. А мы должны разводить урукето. Труд этот велик, мы опоздали с началом. Есть надежда, что новая порода окажется удачнее. Они будут поменьше, чем это огромное существо, в котором я прибыла, они быстрее растут. Их нужно вырастить, чтобы переселить весь город за одно лето. А теперь покажи мне Алпеасак...

– Вот он. – Вейнте' показала на стволы и покрытые прожилками ветви – решетчатые полы города, со всех сторон окружавшего гавань.

Дождь прекратился, показалось солнце, на листья поблескивали капли. Малсас< жестом выразила одобрение. Вейнте' широко повела рукой:

– За городом – поля. Их уже наполняют звери, полезные и приятные для глаза.

Вейнте' жестом приказала вооруженным стражникам идти впереди: они направлялись через пастбище к внешним полям. В просветах между стволами виднелись гигантские туши урукетов, объедавших зеленые листья на окраине джунглей, доносился стук больших булжников, перемалывавших пищу в желудках этих огромных созданий. Некоторое время Малсас< молча наслаждалась зрелищем, потом повернула назад, к центру города.

– Ты хорошо устроила, Вейнте', – произнесла она так, чтобы следовавшие за ними могли услышать ее слова. – Ты все сделала правильно.

Благодарный жест Вейнте' был исполнен искренности сверх всех ритуалов. Похвала и одобрение эйстаа, высказанные в присутствии иилане', – перед подобным отличием вся ее ревность и недовольство исчезли без следа. В этот миг она не раздумывая последовала бы по приказу Малсас< на верную смерть. Высочайшие позволили свите приблизиться, чтобы слушать и учиться: другого способа учиться и запоминать не было. Когда они миновали Стену Истории, разговор вновь обратился к более мрачным вещам, ведь история, запечатленная здесь, – повесть о смерти.

Окружая родильные пляжи, стена отделяла от них амбесид. Глубоко утопали в ней символы, имевшие когда-то глубокий смысл и значение. В стену были вплетены останки древних животных. Неужели иилане' действительно разводили раньше таких огромных крабов? Говорят, они в океане защищали самцов. Было такое, но когда?.. Уже от яйца времен иилане' не видели подобных существ. Покрытые шипами лианы и терновники и теперь использовали, как когда-то встарь... А гигантские панцири скорпионов? О таких давно никто не слышал, но древние экзоскелеты тщательно сохраняли, ими восхищались и с великой осторожностью сняли когда-то со стены в Инегбане и доставили сюда в знак преемственности.

В стене запечатлена была и живая история: около входа со стороны пляжей в нее были вплетены тела мертвых хесотсанов, а рядом с ними – зубастые черепа хищников, охотничьи трофеи.

В самом конце пустыми глазами глядел круглый череп, выбеленный солнцем. Его окружали наконечники копий, острые каменные лезвия. Заметив редкость, Малсас< остановилась перед ними и потребовала объяснить, что это такое.

– Один из тех устузоу, что оскверняют землю. Черепа эти принадлежат блохастым, покрытым мхом, теплым и вонючим устузоу... Они угрожали нам, и мы их убили. Своими острыми каменными ножами они совершили преступление, хуже которого не придумаешь.

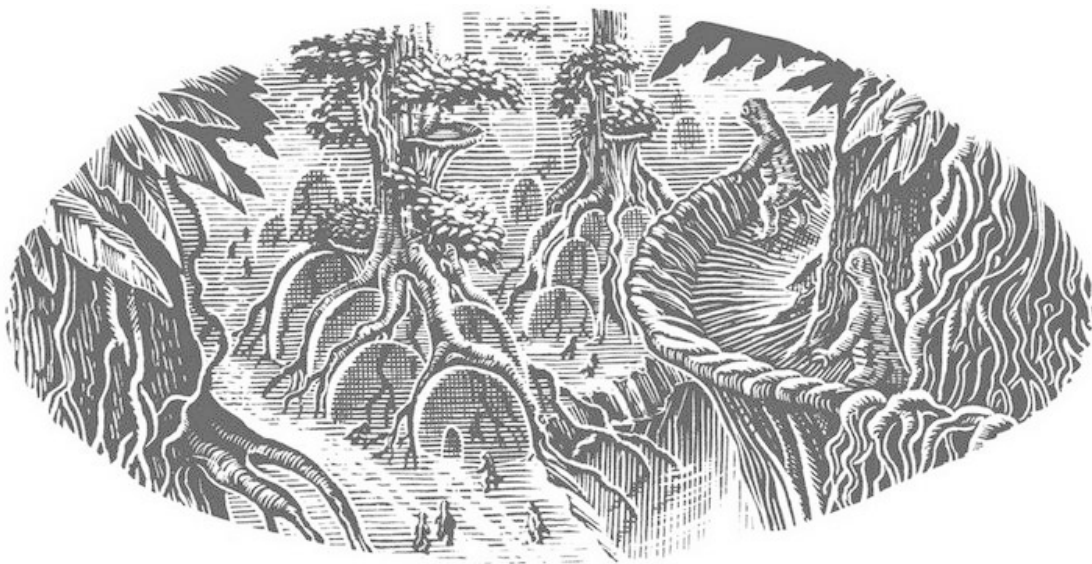
– Да, они убили самцов и детей... – проговорила Малсас< холодным тоном. – Теперь они вас больше не беспокоят?

– Нет, все умерщвлены, опасности нет. Это не здешние существа, они пришли с севера. Мы выследили их и убили, всех до единого...

– Значит, пляжи теперь в безопасности?

– Со всех сторон, кроме коралловых рифов. Но они быстро растут, и, когда достигнут нужной высоты, состоятся первые рождения. Тогда родильные пляжи станут совсем безопасными. – Вейнте' занесла когтистую руку над белеющим черепом. – И эти детоубийцы теперь не опасны. Они никогда более не потревожат нас.

12

Трапеза в этот день проходила необычно: Малсас< и ее свиту следовало поприветствовать официально. Подобные события были редкостью. Большая часть молодых фарги не видела ничего подобного, они возбужденно металась из стороны в сторону и говорили все разом, не слушая друг друга. В рамках повседневного существования иилане' каждый день ожидают тех приятных минут, когда можно подремать с полным желудком, так что поглощение мяса само по себе достаточно торжественный акт. Все по очереди подходят с широким листом к обработчицам мяса, получают свою порцию восхитительного, обработанного энзимами продукта и поглощают его в укромном уголке. Еду всегда принимали именно так, и невозможно было даже представить, чтобы этот процесс мог происходить иначе.

В тот день все работали недолго. Жительницы города сходились на амбесид, иные вскарабкивались на нижние ветви ограды, чтобы видеть происходящее.

Обойдя город и поля, Вейнте' и Малсас< тоже направились туда же. Там Малсас< по очереди приняла всех отвечавших за рост Алпеасака и больше всего времени провела с Ваналпе'. Удовлетворившись услышанным, Малсас< отпустила всех и обратилась к Вейнте':

– Солнечное тепло и цветущий город отогнали воспоминания о зиме. С этой вестью я вернусь в Инегбан. Она согреет жительниц перед лицом наступающей зимы. Эрефнаис сообщила,

что урукето нагружен, накормлен и в любое время готов к отплытию. Поедим, и я отправлюсь назад.

Вейнте' выразила огорчение, вызванное внезапным расставанием. Малсас< поблагодарила ее и отклонила все просьбы остаться.

– Понимаю тебя. Но я уже все осмотрела и знаю, что дело в хороших руках. Ведь урукето такие тихоходы, а я не могу потерять даже дня. Поедим. Помнишь Алакенси, мою первую советницу и эфенселе? Сегодня она подаст тебе мясо.

– Весьма высокая честь для меня, весьма высокая, – ответила Вейнте', стараясь думать только об оказанной ей почести, а не об Алакенси, которую прекрасно знала, – создании изобретательном и коварном.

– Хорошо. – Малсас< жестом велела Вейнте' замолчать. – А теперь – едим. Алакенси, ближайшая мне во всем, подаст Вейнте' мясо. Ты же, Ваналпе', за свои заслуги, за то, что ты растила, обустроивала и расширяла этот город, избрана прислуживать мне.

Ваналпе' безмолвно застыла, словно юная и бессловесная фарги, – гордость сквозила в каждом ее движении.

– По особому случаю будет подано два мяса! – объявила Вейнте'. – Одно из старого мира, другое – из нового.

– Да смешается новое и старое внутри нас, как Инегбан сольется с Алпеасаком, – провозгласила Малсас<.

Вокруг раздались одобрительные крики: иилане' оценили меткое новое выражение; они принялись обсуждать прекрасную мысль. Вейнте' дождалась, пока слова Малсас< дошли до стен амбесида. Теперь их знали все.

– Мясо из Энтобана – это урукуб, которого вырастили из яйца, бережно доставленного на новые берега. Он вылупился под солнцем Гендаси, вырос на травах Гендаси. Он самый большой, но не последний. Все видели их на пастбище в болотах и восхищались гладкой шкурой, изгибами длинной шеи, тучностью. Все видели их.

Речь ее тоже была встречена с одобрением, все иилане' видели, как из болота выныривает крошечная голова на длинной шее, из пасти которой свисает влажная трава.

– Убит первый урукуб. Он такой огромный, что всем хватит наесться досыта. А для Малсас< и тех, кто прибыл вместе с нею, будет подан другой зверь – такого они еще не ели, – олень с острыми копытами, из тех, что водятся только в Гендаси. Пусть начнется еда.

Обе назначенные прислужницы поспешили в сторону и вернулись с тыквами, наполненными мясом. Каждая опустилась на колени перед той эйстаа, которой должна была прислуживать. Малсас<, протянув руку, приняла длинную кость с крошечным черным копытцем – прохладная сладкая плоть свисала с нее. Оторвав зубами кусок, она подняла ее вверх, чтобы видели все.

– Урукуб! – провозгласила она, и все вокруг тотчас оценили шутку. Даже самая крохотная кость урукуба была больше, чем все это создание.

Вейнте' была довольна. Торжественная трапеза продолжалась, а когда с мясом было покончено, высочайшие омыли руки в тыквах с водой, которые подали внимательные прислужницы. Церемония закончилась, тогда за еду принялись и остальные, чтобы успеть до темноты.

Сейчас, когда никто не слышал их и не следил за ними, Малсас< могла с глазу на глаз говорить с Вейнте'. Голос ее был тих, движения рук едва заметны.

– Все, что говорилось сегодня здесь, – истина. Все усердно трудились, ты – больше всех. Теперь я знаю: ты сумеешь воспользоваться трудом Дочерей Смерти, которых я привезла с собой.

– Я видела. Они работают.

– Пусть работают до изнеможения, до смерти! – Зубы Малсас< громко лягнули, подчеркивая решительность ее намерений. – Их становится все больше и больше, они, словно

термиты, выедают сердцевину нашего города. Внимательнее приглядывай за ними, чтобы не попытались погубить и твой город.

– У них для этого здесь нет ни малейшей возможности. Все они на тяжелой и опасной работе. Такова их участь.

– Тогда наши мысли едины. Хорошо. Теперь о тебе, закаленная, не знающая устали Вейнте': чем еще можно тебе помочь?

– Ничем, у нас есть все необходимое.

– Ты умолчала о своих нуждах, о том, что тебе нужна помощница. Поэтому я хочу, чтобы словно моя собственная рука тебе помогала. Моя эфенселе Алакенси, ближняя для меня во всем. Пусть она войдет в твою свиту первой помощницей и разделит твои труды.

Вейнте' не позволила себе даже шевельнуться: одно единственное слово или жест могли выдать внезапно вспыхнувший гнев. Но ей и не пришлось говорить. Малсас< глядела ей прямо в глаза, так что они прекрасно поняли друг друга. Малсас< сделала едва заметный насмешливый жест в знак победы, повернулась и следом за свитой направилась к урукето.

Окажись сейчас при Вейнте' оружие, она не колеблясь послала бы губительную иглу прямо в удаляющуюся спину. Малсас< явно рассчитала все еще до прибытия. В Алпеасаке у нее были шпионки, доносившие обо всем, что происходит в городе. Она понимала, что, побыв здесь эйстаа, Вейнте' не захочет отказаться от власти. Поэтому-то и притащила сюда свою мерзкую Алакенси. Теперь она сядет рядом с Вейнте', будет за всем следить, шпионить и доносить. Присутствие Алакенси вечно будет напоминать Вейнте' о ждущей ее участи. Ей уготовано трудиться и строить, чтобы в конце концов оказаться не у дел. Ведь в один неизбежный черный день Малсас< все заберет в свои руки. Теперь Вейнте' все поняла. Малсас< так задумала с самого начала. Пусть Вейнте' старается, одолевает трудности, строит – зарабатывает себе печальную участь.

Машинально Вейнте' водила ногой по полу, острые когти царапали дерево. Нет! Этого не будет. Она всегда хотела, возвысившись собственным трудом, присоединиться к правительницам. Всё! Малсас< никогда не будет здесь править. Алакенси умрет, поручение эйстаа – смертный приговор для нее. Как это случится, Вейнте' еще не знала, но будущее за ней. Зима опускалась на Инегбан – над Алпеасаком светило солнце. В старом городе правила слабость – в новом власть забирала сила. Алпеасак принадлежит ей, Вейнте', никто не сумеет отобрать у нее город.

В ярости Вейнте' покинула свиту и отправилась по городу кружным путем, где только редкие фарги могли ее видеть... Немногие встречные в страхе бежали: каждое движение ее тела выдавало гнев. Казалось, рядом с ней шла сама смерть...

Тени носильщиц, завершавших погрузку урукето, все удлинялись. В живое судно заносили последний груз – обмякшие туши оленей. Ваналпе' хорошо потрудились над токсином, которым оглушали крупных животных, потом их можно было даже переносить с места на место. Новый яд не парализовывал и не убивал – животное существовало на грани жизни и смерти. Сердцебиение было едва слышно, дыхание замедлялось. Обработанных таким образом зверей могли везти за океан, в Инегбан: они не нуждались ни в еде, ни в питье – свежее мясо, столь нужное голодным жителям Инегбана. Вейнте' безумно хотелось – она даже произнесла это вслух, ведь никто не мог здесь подслушать ее, – таким же образом обработать саму Малсас<. Чтобы лежала ни живая ни мертвая до конца времен...

Когда урукето в сумерках отплыл, мрачная Вейнте' вернулась в свои апартаменты, никого не встретив в сгущавшейся тьме, – и мгновенно уснула, невзирая на все еще одолевавший ее гнев.

Утро вечера мудренее. Но и наутро тяжелые мысли еще не оставили Вейнте'. На амбесиде она казалась спокойной. Но когда на его противоположном краю показалась Алакенси, Вейнте'

отвернулась, окаменев от злобы. Многие уже успели познакомиться с ее крутым норовом. На несчастье Энге, на этот раз под руку подвернулась именно она.

– Я с небольшой просьбой, эйстаа... – начала Энге.

– Отказываю. От тебя и твоих живых покойниц мне нужна только работа.

– Раньше ты никогда не была без причины жестокой, – спокойно возразила Энге. – Мне казалось, что для эйстаа все жительницы равны.

– Правильно. Только по моей воле Дочери Смерти теперь не жительницы нашего города, а рабочие животные. Вы будете работать, пока не умрете, – такова ваша судьба. – Она вдруг вспомнила о данном Энге поручении. – Устузоу, которых ты учишь говорить... Что с ними? Прошло время, много времени.

– Нужно больше времени – вот моя просьба. Или больше времени, или его не нужно вовсе.

– Объясни.

– Каждое утро я начинаю работать с устузоу в надежде, что сегодня начнется понимание. И каждый вечер я оставляю их с чувством напрасно потраченного труда. Самочка разумна... на уровне элиноу, который рыскает по городу, выслеживает и ловит мышей. Действия ее похожи на разумные, но не являются таковыми.

– А самец?

– Глуп, как все самцы. Не реагирует, даже когда бьют. Просто сидит и молча глазеет. Но самочка отвечает на доброту, как элиноу, с ней приятно иметь дело. Пока она научилась всего нескольким фразам, правда всегда говорит невпопад и путает. Она их заучила, как лодка, не понимая смысла.

– Новости не радуют меня, – ответила Вейнте', жестами выражая соответствующие чувства.

Все это время Энге могла бы работать в полях, здесь все ее труды были впустую. Теперь причины, по которым она хотела беседовать с устузоу, уже не имели значения. Свирепые создания более не представляли опасности... Но интерес не исчез. Вейнте' сказала об этом вслух:

– Если существа эти не могут выучить язык иилане', то, может быть, ты успела выучить их язык?

Конвульсивно содрогнувшись всем телом в знак отчаяния и сомнения, Энге произнесла:

– И на этот вопрос у меня нет ответа. Сперва мне даже показалось, что они амбенины – безъязыкие, не умеющие общаться. Но теперь я считаю их угунинами.

– Невозможно! – Вейнте' с ходу отвергла эту мысль. – Как может любое существо общаться, не обмениваясь информацией. Ты предлагаешь загадки вместо ответа.

– Я понимаю, мне стыдно, но другого имени для них у меня нет. Их движения и звуки, которые они издают, не связаны никакой закономерностью. Я уверена в этом – я запомнила тысячи сочетаний и звуков. Они все бессмысленны. В конце концов пришлось поверить, что общение у них осуществляется на другом уровне, который закрыт для нас навсегда. Даже не представляю, как быть. Я слыхала теорию об излучениях мозга: разум может общаться непосредственно с разумом. Возможно использование радиоволн. Если бы в городе был физик, мы сумели бы разобраться.

Она умолкла. Вейнте' делала жесты сомнения, неуверенности, огорчения.

– Ты не перестаешь удивлять меня, Энге. Какой первоклассный ум погиб для города, когда ты отдалась этой отвратительной философии. Я считаю, что твои эксперименты и наблюдения надо заканчивать. Вот погляжу на твоих устузоу и решу, что делать.

Заметив Сталлан, Вейнте' поманила ее за собою.

Она шла впереди, Энге и Сталлан следовали за нею. Когда они приблизились к тюремной камере, Сталлан поспешила открыть засов. Оттолкнув ее, Вейнте' шагнула внутрь и взглянула на юных устузоу. Сталлан сразу приготовилась отражать нападение. Самочка сидела на кор-

точках, растянув рот так, что открылись зубы. Неуместная угроза рассердила Вейнте'. Невысокий самец неподвижно стоял у стены.

– Ну пусть показывают свои трюки! – приказала Вейнте'.

Услышав скрип засова, Керрик мгновенно вскочил и прижался спиной к стене, как всегда уверенный, что сегодняшний день и станет днем его смерти. Исель засмеялась.

– Глупый мальчишка, – сказала она, почесывая царапины на голове, – испуганный младенец... Мараг носит нам пищу и играет с нами.

– Мургу приносят только смерть, однажды они убьют нас.

– Глупый! – Она швырнула в него шкуркой апельсина и, улыбаясь, обернулась к двери.

Но первым вошел незнакомый мараг, и улыбка ее исчезла. Но следом шел тот, знакомый, и улыбка вернулась. День как день.

Она была ленивой девочкой и не слишком смышленной.

– Говори! – скомандовала Вейнте', остановившись перед устузоу, и медленно, подчеркнуто раздельно повторила, словно обращаясь к юной фарги: – ГО-ВО-РИ!

– Прошу, дай я, – покорно попросила Энге. – Мне они отвечают.

– Нет, теперь это не нужно. Если зверь не говорит, конец ему. Слишком много времени потрачено даром. – И, обернувшись к самке устузоу, Вейнте' сказала четко и ясно: – Вот мое личное распоряжение, и неотложное к тому же. Ты сейчас будешь говорить членораздельно, как положено иилане'. Если ты говоришь – будешь жить и расти. Речь – твой рост, речь – твоя жизнь. Поняла?

Исель поняла: она ощутила в словах угрозу и испугалась.

– Но мне трудно говорить, ну пожалуйста...

Слова тану не вызвали никакой реакции в отвратительном существе, возвышавшемся над нею. Надо сделать то, чему ее учили. Она попыталась, как могла, изобразить какое-то подобие нужных движений, произнося:

– Хас лейбе эне уу...

Вейнте' казалась озадаченной.

– И это речь? Что она говорит? Не может же это означать: «Старая самка угождает...» Энге тоже была озадачена.

– Быть может, она хочет сказать, что старая самка становится добрее.

Гнев охватил Вейнте', пока она пыталась осмыслить эти слова. Быть может, в другой день она бы и отнеслась снисходительнее к этой жалкой попытке, усмотрев в ней свидетельство того, что устузоу можно научить говорить. Но не сегодня. Только не после вчерашних оскорблений и бесившего ее присутствия Алакенси. Это было уже слишком – вежливо разговаривать с отвратительными лохматыми созданиями. Нагнувшись, Вейнте' схватила самку за обе передние конечности, подкинула высоко в воздух и яростно завопила на глупое создание, приказывая ей говорить.

Тварь даже не попыталась. Напротив, она закрыла глаза, выдавила из них струйки воды, широко раскрыла пасть и издала животный вопль, оглушивший Вейнте'.

Потеряв всякое самообладание, вне себя от переполнявшей ее слепой ненависти, Вейнте' наклонилась и впилась острыми коническими зубами прямо в глотку устузоу. Горячая кровь хлынула в рот, ее замутило от этого вкуса. Оттолкнув тело в сторону, Вейнте' с отвращением сплюнула. Сталлан тихо шевельнулась, молчаливо одобряя. Перед лицом Вейнте' очутилась тыква с водой. Она выхватила ее у Энге и прополоскала рот, сплевывая и откашливаясь; оставшейся водой она омыла лицо.

Слепой гнев отступил, теперь она могла думать. И ощутила удовлетворение от содеянного. Но дело еще было не кончено. Второй устузоу оставался жив. Быть может, это последний из них и с его смертью такие устузоу исчезнут с лица земли.

Вейнте' быстро подошла к Керрику и поглядела на него сверху вниз.

– Ну, последний... – сказала она, протягивая к нему руки.

Отступать было некуда. Он зашевелился – и заговорил:

– Эсекакурд-эсекйилсхан... элел лейбелейбе...

На первый взгляд смысла тут не было никакого, но только на первый взгляд... Вейнте' внимательно поглядела на существо.

Это была просьба, по крайней мере неуклюжая ее попытка. Но почему он так странно дергается из стороны в сторону? Какая-то бессмыслица. Она поняла – у твари ведь нет хвоста, поэтому она не может правильно приподняться. Но если эти движения соответствовали подниманию хвоста, он, может быть, пытается выразить или отвращение, или крайнее желание говорить. Кусочки головоломки начинали складываться.

– Ты понимаешь, Энге? – крикнула Вейнте'. – Смотри, он опять это делает!

Неуклюже, но отчетливо и вполне внятно устузоу говорил:

– Я очень много не хочу умирать. Я очень много хочу говорить. Очень долго, очень усердно.

– Ты не убила его, – сказала Энге, когда они вышли из камеры и Сталлан закрыла за ними дверь. – Но самку ты не пощадила.

– Она оказалась никчемной. А теперь дрессируй его, он понадобится нам. Вокруг, может быть, мародерствуют другие стаи этих существ. Ты говорила, что раньше он не разговаривал?

– Никогда. Может быть, он оказался умнее ее. Он все время следил за мной и всегда молчал.

– Энге, вижу, ты хорошо учишь, скромничаешь. – Теперь Вейнте' была великодушна. – Ты только ошиблась в выборе устузоу.

13

Над головой ярко синело небо, а над перевалом змеилась поземка. Колочий северный ветер, рвавшийся из-за гор, поднимал снег со склонов, бросал клубами через перевал.

Херилак боролся с ветром, он почти ложился на него всем телом, одолевая порывы. Левый снегоступ обломился, это мешало идти. Но если он остановится и примется за починку, то умрет прежде, чем закончит работу. И он продолжал шагать вперед, оступаясь и падая, отря-

хиваясь, все дальше и дальше. Наконец он почувствовал, что дорога пошла под уклон. Через какое-то время он миновал каменистый выступ, серые кости земли, пронзавшие сугробы, и почувствовал – ветер ослаб. Значит, он одолел перевал. Еще несколько шагов – и ветер совсем утихнет за скалами.

Херилак со вздохом опустился на снег, привалившись спиной к огромному камню: подъем исчерпал даже его огромную силу. Верхние рукавицы заледенели. Прежде чем снять их, он постучал одной о другую... Потом теплой внутренней рукавицей смахнул снег, намерзший на ресницах и бровях, и, моргая, поглядел вниз, в долину.

В этом укромном месте зимовал большой олень. Вдалеке виднелось оленье стадо.

Луг возле ручья окружали высокие деревья. Ручей никогда не замерзал: породивший его источник выбивался из-под земли. Превосходное место для зимнего лагеря, урочище это называли «леврелаг Амагаста» – место стоянки саммада Амагаста, который был мужем сестры Херилака.

Теперь долина была пуста...

Херилак узнал о беде, постигшей саммад Амагаста от саммадара по имени Улфадан. Тот клялся, что был там и что говорит истинную правду. Херилак решил убедиться в этом сам.

Взяв копьё, лук со стрелами и густо натерев тело гусиным жиром, он надел мягкие бобровые шкуры мехом к телу, а сверху – грубое одеяние из шкур большого оленя. К тяжелым меховым сапогам привязал снегоступы. Чтобы идти быстро, он вышел налегке. В мешке за плечами было только вяленое мясо и немного эккотаца, смеси сушеных ягод с орехами.

И вот он у цели, но увиденное не радовало. Отправив в рот пригоршню снега, он склонился над сломанным снегоступом. Время от времени, отрываясь от работы, он посматривал на пустую долину, словно боялся поверить в горькую правду: тану здесь не было.

Работу он окончил уже за полдень и, пожевав вяленого мяса, стал размышлять, что делать дальше. Впрочем, выбора не было. Покончив с едой, он поднялся на ноги. Рослый мужчина – он был на голову выше всех в своем саммаде. Почесывая окладистую бороду, он думал, глядя на лежавшую перед ним долину. Идти предстояло на юг. Он стал спускаться вдоль склона, не оглядываясь более на опустевшее место стоянки.

Он шел весь день и остановился, когда первые звезды высыпали на потемневшее небо. Тогда он плотнее завернулся в шкуры и долго глядел в ночное небо. Он искал знакомые созвездия. Мастодронт бросался на охотника, замахнувшегося копьём. Неровный ряд звезд складывался в пояс охотника. А не появилась ли в нем еще одна звезда? Не такая яркая, как остальные, но тоже заметная в чистом и прозрачном зимнем небе. Твердой уверенности не было. Только тхарм могучего воина мог оказаться в таком почетном месте, добавляя силы охотнику. Быть может, звезда эта появилась там не вчера? И пока он думал об этом, глаза его закрылись и он уснул...

На третий день Херилак вышел из редкого леса на берег быстрой реки. Бурное течение не позволяло морозам сковать воду на самой стремнине. Он шел тихо, как подобает охотнику, и только однажды спугнул небольшое стадо оленей. Быстро и высоко прыгая, разбрасывая снег во все стороны, звери исчезли среди деревьев. Один по крайней мере мог стать легкой добычей. Но сейчас Херилак не охотился. Не время для охоты. Пробираясь через густые кусты, он вдруг замер – меж двух ветвей были натянуты силки из кроличьих жил.

После этого он запел на ходу и принялся стучать копьём по нижним ветвям деревьев. До морозных зим этого не было. Старики не помнили такого обычая. Нужда в нем появилась только теперь. Тану убивают тану. Мир стал не таким, как прежде: раньше охотник не опасался охотника.

Тут Херилак заметил в снегу утоптанную тропинку. Добравшись до поляны, он остановился, воткнул в сугроб копьё, словно штандарт, и уселся на корточки возле него. Долго ждать не пришлось.

Бесшумно, словно дым от костра, на поляну скользнул охотник. Копье он держал наготове. Завидев сидевшего Херилака, он опустил оружие. Потом воткнул его в сугроб и шагнул вперед. Херилак поднялся навстречу.

– Я пришел на твои охотничьи земли, но не для того, чтобы охотиться... – начал Херилак. – Здесь охотится саммад Улфадана. Ты саммадар?

Улфадан кивнул в знак согласия. Длинная борода его низко опускалась на грудь.

– Ты Херилак, – произнес он. – Моя племянница замужем за Алкосом из твоего саммада... Возьмем копья и отправимся в мой шатер. Там теплее, чем на снегу.

Они молча шагали бок о бок по заледеневшей тропе: не пристало охотнику трещать подобно сороке. У излучины реки располагалась зимняя стоянка саммада – двенадцать больших и прочных шатров. На лугу за шатрами, добывая сухую траву, мастодонты взрывали снег бивнями, дыхание их облачками пара несло по ветру. Из каждого шатра в безоблачное небо сочилась тонкая струйка дыма. Среди шатров с криками носились дети, увлеченные какой-то игрой. Мирная сцена, знакомая Херилаку, – так живет и его собственный саммад. Подойдя к шатру, Улфадан откинул меховую полу и первым шагнул в теплый сумрак...

Сидели они молча, а старуха наливала из берестяного туюска в деревянные чашки горячий настой из сушеных трав. Оба охотника грели руки о чашки, прикладывались к настою, а женщины, завернувшись в шкуры и судача на ходу, по одной выскальзывали из шатра.

– Теперь ешь, – сказал Улфадан, когда они остались одни.

– О гостеприимстве Улфадана знают во всех шатрах тану от гор и до моря.

Предложенное угощение было скудным: несколько уже припахивавших кусочков сушеной рыбы. Зима длинна – и до весны еще ждать и ждать. К этому времени в шатрах наступит голод.

Херилак с шумом выразил удовлетворение, втянул последние капли жидкости и даже громко рыгнул в знак сытости. Он знал, что теперь следует поговорить об охоте, погоде, стадах и только потом назвать цель своего визита. Но и этот древний обычай изменился теперь.

– Моя сестра – жена Амагаста, – произнес Херилак. Улфадан кивнул в знак согласия, он знал это. Все саммады в горных долинах были связаны родственными узами. – Я был на месте стоянки Амагаста – оно пусто. – (Улфадан кивнул снова.) – Этой весной они ушли на юг, путь их всегда проходит через эту долину. Мы видели, что половина их мастодонтов перемерла. Была плохая зима.

– Все знают, теперь зимы всегда плохие. – Улфадан грустно закивал. – Они не возвратились.

Херилак раздумывал, представляя себе путь из долин на равнины, а потом на восток к морю.

– Значит, они отправились к морю?

– Каждый год они становятся на лето возле реки на побережье.

– Но в этом году они не вернулись?

Другого ответа, кроме молчаливого согласия, не было. Что-то случилось, но что именно – никто не знал. Быть может, саммад Амагаста нашел новое место для зимней стоянки. Многие саммады уже погибли от холода, места стоянок освобождались. Такое бывало. Скорее всего, что-то произошло, но что?

– Дни коротки, – сказал Херилак, поднимаясь на ноги. – А путь долог.

Улфадан тоже поднялся, в знак дружбы взяв за руки рослого охотника.

– Зимой путь к морю долог и одинокий. Да сохрани тебя Ерманпадар в этой дороге.

Больше говорить было не о чем. Херилак вновь плотно обмотался шкурами и снова обратил копье свое к югу.

На равнине он смог идти быстрее, здесь смерзшийся снег не проваливался под его тяжестью. Одна зима грозила ему здесь, на безжизненных, снежных равнинах.

Только однажды за весь долгий путь он увидел большого оленя, тощего горемыку, по следам которого плелись несколько изголодавшихся саблезубов. Он издали заметил, что они бредут по равнине в его сторону. Неподалеку оказался невысокий холм, на котором высились несколько голых деревьев, и Херилак остановился возле них, наблюдая сверху за происходящим.

Обреченный большой олень слабел, с истерзанных боков его уже капала кровь. Добравшись до подножия холма, он споткнулся и, вконец обессиленный, резко повернулся навстречу преследователям. Голодные саблезубы, не думая об опасности, бросились со всех сторон: запах свежей крови будоражил их. Острые рога зацепили одного из нападавших и отбросили в сторону. Тогда вперед выступил вожак, он повалил большого оленя одним ударом лапы. С громким блеянием зверь упал – ему пришел конец. Вожак, рослый черный зверь с мохнатой грудью, отступил, пропуская вперед остальных; мяса хватит на всех.

И тут вожак почувствовал на себе внимательный взгляд. Инстинкт сразу подсказал, что за ним следят. Рыкнув, он поднял голову и заметил Херилака. Пригнувшись, зверь двинулся в его сторону... Херилак уже видел немигающие желтые глаза.

Человек не пошевелился, не опустил копые. Взгляд его был тверд. Он словно говорил: «Вы идете своим путем, а я своим. Если нападете – убью». Саблезуб знал, на что способно копые. Еще раз внимательно взглянув желтыми глазами, зверь вдруг повернулся и спустился к стае. Он подошел к оленю, саблезубы потеснились. Но прежде чем вонзить зубы в теплое мясо, он снова поглядел наверх. Под деревом никого не было. Человек с копьем исчез. Саблезуб опустил морду и принялся за еду...

Буран заставил Херилака отлеживаться под шкурами целых два дня. Большую часть времени он проспал, экономя припасы. Но или ешь, или умирай от голода.

Когда буран наконец прекратился, охотник отправился дальше. В тот же день удача улыбнулась ему – Херилак наткнулся на свежие следы кролика. Заложив копые за перевязь на спине, он взял лук и натянул тетиву... Ночью он пировал, зажарив на костре свежее мясо. Наелся до отвала раз, второй – и засиделся допоздна, обжаривая остатки над углями.

Здесь, на юге, снега было меньше, но зима такая же морозная. Под ногами ломались мерзлые стебли трав. Услышав какой-то звук, охотник поднес ладонь к уху и прислушался. Да, вдали шумела вода, волны прибоя разбивались о берег. Море...

Херилак шел, держа наготове копые, готовый к любой опасности.

Но опасность здесь уже не подстерегала его. Под серым зимним небом он обнаружил лужок, усеянный останками мастодонтов. Холодный ветер свистел в обнажившихся ребрах: здесь поработали пожиратели трупов, попиروвали вороны и морские птицы. Рядом белел скелет тану. А когда охотник увидел, что весь речной берег усеян человеческими скелетами, глаза его сузились и он стиснул зубы.

Что тут случилось? Мертвы все... все, весь саммад, это ясно с первого взгляда. Погибли дети и взрослые. Но кто убил их? Какой враг напал и перебил всех? Другой саммад? Невозможно. Тану взяли бы шатры и увели мастодонтов, а не перебили бы их вместе с хозяевами. Шатры были на месте, большей частью свернутые, уложенные на травойсы, оказавшиеся возле скелетов мастодонтов. Саммад снимался со стоянки, тану собирались в путь, когда явилась смерть. В ребрах одного из скелетов Херилак заметил металлический блеск. Осторожно приподняв кость, он увидел порыжевший нож из небесного металла. Смахнув рукой ржавчину, он взглянул на рисунки, которые так хорошо знал. Выронив копые на мерзлую землю, он сжал нож обеими руками, поднял к небу и завыл от горя. Слезы боли и гнева текли по его лицу.

Погиб Амагаст, а значит, и жена его, сестра Херилака. Их дети, женщины, взрослые охотники. Мертвы, все мертвы, все. Нет более саммада Амагаста...

Кипя от ярости, Херилак смахнул с глаз слезы: жаркий гнев сжег горе. Надо найти убийц. Согнувшись, бродил он взад и вперед в поисках чего-то неведомого, а чего именно – не знал и

сам. Но он искал тщательно и внимательно, как подобает охотнику. Тьма помешала Херилаку, и ночь он провел возле костей Амагаста, разыскивая его тхарм на небе. Он там, конечно же, среди самых ярких звезд.

На следующее утро он нашел останки какого-то непонятого существа. Он долго рассматривал их, пока наконец не догадался, что перед ним...

Это было длинное и тонкое существо, с крошечными ножками, на которых нельзя было ходить. Ребер и позвонков было куда больше, чем нужно.

Мараг – сомневаться не приходилось. Правда, таких он еще не видел. Он не из здешних краев, но мургу, случалось, жили и вдали от жаркого юга.

Юг... И в самом деле! Херилак встал и взглянул на запад, откуда пришел. Откуда там взяться мургу, это же невозможно. Он медленно обернулся к северу и увидел уходящие вдаль снега и ледяные поля. Там жили парамутаны, они во всем были похожи на тану, лишь разговаривали иначе. Но их было очень мало, и они редко заходили на юг, к тому же они воевали только с зимой, а не с тану или между собой. На востоке, в океане, ничего не было.

Но с юга, с жаркого юга всегда приходили мургу. Приносили смерть, а потом исчезали. С юга.

Став коленями на заледеневший песок, Херилак внимательно рассматривал скелет марага, запоминая подробности, чтобы суметь нарисовать его, когда понадобится, на песке целиком, до мельчайших косточек.

А потом встал и раздавил хрупкие кости. Повернулся спиной к морю и пустился в обратный путь.

14

Керрик так никогда и не понял, что жизнь ему спасла его детская любознательность. Не то чтобы Вейнте пощадила столь юное существо, к устужоу любого возраста она ощущала лишь отвращение, и смерть их не вызывала у нее отрицательных эмоций. Исель просто оказалась слишком взрослой, чтобы естественным образом отреагировать на новый язык, тем более на такой сложный, как у иилане'. Она считала, что иной речи, чем марбак, и быть не может, и вме-

сте с другими женщинами потешалась, когда к ним в шатер наведывались охотники с Ледяных гор, говорившие так, что их едва можно было понять. С ее точки зрения, это было признаком глупости: любой нормальный тану должен говорить на марбаке. Поэтому уроки языка иилане' ее не интересовали, она просто запоминала самые забавные звуки, чтобы угодить марагу и получить от него пищу. Иногда она вспоминала, что при разговоре следует шевелить телом. Для нее все это казалось просто глупой игрой. Потому-то она и погибла.

Керрик не думал о языке как таковом, он просто хотел понимать. Он был еще достаточно мал и воспринимал новое без особых усилий – просто слушая и наблюдая. Если бы ему кто-нибудь сказал, что концептуальных полей в языке иилане' несколько тысяч, что комбинировать их можно было ста двадцатью пятью миллионами способов, он просто пожал бы плечами. Числа не имели смысла, ведь он умел считать лишь до двадцати и не мог представить себе большего количества. Число пальцев – двадцать – было для него пределом. Так что все его общение основывалось на подсознании. Но Энге пыталась привлечь его внимание к некоторым правилам, символам и их значениям и заставляла повторять неуклюжие движения до тех пор, пока они не становились правильными.

Поскольку менять цвет кожи Керрик не мог, она учила его так называемой сумеречной речи. В густых джунглях, на рассвете и на закате иилане' общались, не прибегая к изменению цвета, а переиначивая выражения соответствующим образом.

Каждое утро, когда открывалась дверь, маленький заключенный ожидал смерти. Слишком хорошо он помнил гибель своего саммада: мужчин, женщин, детей, всего живого, даже мастодонтов. Их с Исель тоже однажды убьют, иначе и быть не могло. И когда уродливый мараг приносил утром еду, он понимал только одно – смерть его отодвинулась еще на один день. А потом он молча следил, стараясь не рассмеяться, как то и дело ошибается глупая Исель, и так день за днем. Но он охотник, он горд. И не станет помогать ни ей, ни марагу, он будет отвечать, лишь когда спросят его самого. Побои он сносил, как подобает охотнику, молча. Через много дней он уже кое-что понимал в разговоре Энге с другим марагом, которого он ненавидел сильнее других: именно он бил и связывал их. Но мальчик молчал, храня в тайне свои познания, – крохотный успех посреди всеобщего несчастья.

А потом Вейнте' убила девчонку. Он не жалел ее: та была глупа и заслуживала того, чтобы ее отправили ко всему саммаду. Только когда Вейнте' схватила его – свежая кровь алела на зубах убийцы, – маленький охотник не выдержал. Он ведь был на охоте один только раз, его еще не приняли в охотники – так он оправдывался потом, пытаясь объяснить себе, почему не принял смерть от ужасных острых зубов. На самом деле он просто насмерть перепугался, как тогда, когда его копье вырвало из глубины моря марага. Он заговорил со страху, едва понимая, что делает, и сумел произнести все достаточно правильно, чем сохранил свою жизнь.

Керрик знал: его все равно убьют, когда он надоест мургу. Но день этот был впереди, и он впервые позволил себе крошечную надежду. С каждым днем он понимал все больше и говорил все лучше. Его еще не выпускали из этой клетушки. Но когда-нибудь его выведут наружу – не считают же они, что можно всю жизнь просидеть под замком, – тогда он и убежит. Мургу не ходили, а переваливались, и он был уверен, что бегаёт быстрее любого из них – если только они умеют бегать. Такова была его тайная надежда, и в расчете на это он делал все, о чем его просили, и надеялся, что его строптивость уже позабыта.

Дни начинались одинаково. Сталлан отпирала дверь и вваливалась внутрь. Керрик держался осторожно с грубой тварью. Хотя он более не сопротивлялся, охотница по-прежнему бросала его спиной на пол, больно придавливала коленями и надевала живые веревки на руки и ноги. Потом Сталлан скребла его голову струнным ножом, чтобы соскоблить отросшие волосы. Обычно эта процедура сопровождалась порезами. Позже приходила Энге с фруктами и мясным желе – он наконец сумел преодолеть отвращение и заставил себя есть. Мясо – это сила.

Керрик никогда не говорил со Сталлан, если та ударом не требовала ответа, но подобное случилось редко. Он знал: от уродливого охрипшего создания сочувствия не дождешься.

С Энге было иначе. Керрик заметил, что она не похожа на других мургу. Лишь ее расстроила гибель девочки. Сталлан же восторгалась и хвалила Вейнте'. Иногда Энге появлялась вместе со Сталлан. Керрик стал говорить значительно лучше, а когда уверился в том, что может сказать именно то, что хочет, стал еще более разборчив в посетителях: если приходила Сталлан, он забывал обо всем до следующего дня.

Однажды утром Энге вошла вместе со Сталлан. Охотница обошлась с ним грубее, чем обычно. Когда руки его охватила холодная живая веревка, он заговорил:

– Почему ты бьешь и связываешь меня? Я же не могу причинить тебе боль.

Сталлан возмутилась и отвесила ему затрещину. Но мальчик заметил, что Энге слушает его слова.

– Мне трудно разговаривать, когда я связан, – проговорил он.

– Сталлан, – произнесла Энге, – он прав.

– Он ведь один раз уже набросился на тебя, разве ты забыла?

– Я не забыла, но это было давно, когда его только привезли сюда. Потом вспомни: он кусался, когда решил, что я побью самку. – Она повернулась к Керрику. – Будешь теперь причинять мне боль?

– Нет. Ты моя учительница. Я знаю, что, если я буду говорить хорошо, ты покормишь меня и не станешь наказывать.

– Просто удивительно, что устую умеет разговаривать, но... дикого зверя всегда следует остерегаться. – Сталлан была непреклонна. – Вейнте' поручила его моей опеке, и я повинуюсь приказу.

– Повинуйся, только не перестарайся. По крайней мере, освободи ему ноги.

В конце концов Сталлан уступила. И весь день Керрик был особенно старателен, ведь тайный план его начал осуществляться, хоть и медленно.

Считать дни Керрик не умел, да и не интересовался, сколько времени миновало. На севере, где жил его саммад, зима и лето отличались друг от друга, и для охотников не составляло труда различать времена года. Для живших здесь, в этой бесконечной жаре, не имело значения, сколько прошло времени. И когда по прозрачной пленке над его головой забарабанил дождь, лишь изредка затихая, Керрик понял, что после смерти Исель прошло уже много дней. Тогда-то в его повседневных занятиях случился непредвиденный перерыв.

Скрежет замка снаружи отвлек их от урока. Энге и Керрик повернулись к двери. Керрик обрадовался было, но оказалось, что это Вейнте'.

На первый взгляд мургу не отличить друг от друга, но он уже научился замечать разницу. Уж Вейнте'-то он не забудет никогда. Привычным жестом он засвидетельствовал подчинение и уважение и с радостью заметил, что та пребывает в хорошем настроении.

– Ты мастерица, Энге. Ты отлично воспитываешь животных, глупые фарги и те приветствуют меня не так проворно, как этот. Пусть говорит.

– Ты можешь сама говорить с ним.

– Неужели? Просто не верится. Наверное, это все равно что разговаривать с лодкой. Ты командуешь – она подчиняется. – Вейнте' повернулась к Керрику и четко произнесла: – Налево, лодка, налево.

– Я не лодка, но я могу пойти налево.

Он медленно обошел комнату, и Вейнте' зажеликовала, выражая неверие и удовлетворение.

– Встань передо мной. Скажи мне имя, которое тебе дано.

– Керрик.

– Оно ничего не значит. Но ведь ты устузоу и не можешь правильно выговорить слово. Твое имя следует произносить так – Эжерик.

Вейнте' не понимала, что имя мальчика складывается только из звуков. Она добавила жесты, означавшие «медленный, глупый».

– Эжерик, – повторил он, а потом добавил идентификаторы: «Медленный, глупый».

– Слово с фарги разговариваешь, – произнесла Вейнте'. – Понятия «медленный, глупый» он выражает нечетко.

– Лучше он просто не может, – пояснила Энге, – без хвоста он не может как следует выполнить это движение, но, смотри-ка, он ведь научился извиваться очень похоже.

– Скоро мне понадобится это создание. Из Инегбана прибыл урукето и привез Зхекак, которая будет работать с Ваналпе'. Она толста и тщеславна, но в Энтобане нет ученой умнее. Она должна остаться здесь, нам нужна ее помощь. И я хочу ублажить ее, как только возможно. Без сомнения, этот устузоу заинтересует ее. Говорящий устузоу! Она поймет, какой это успех.

Изобразив почтительное внимание, Керрик глядел на Вейнте'. В отличие от иилане', выражавших движением каждую мысль, Керрик прекраснейшим образом умел лгать. Вейнте' окинула его взглядом.

– Грязен, надо умыть.

– Моем ежедневно, это его естественный цвет.

– Отвратительно. И еще этот пенис. Нельзя ли его заставить втянуть все в этот мешочек.

– Он не убирается туда.

– Сделайте мешочек телесного цвета, не будет так бросаться в глаза. А почему череп так исцарапан?

– Мы каждый день соскабливаем с него мех, как ты приказала.

– Конечно же, я приказала делать это. Но я ведь не приказывала царапать этого уroda. Поговори с Ваналпе', пусть придумает другой способ снимать с него мех. Немедленно.

Когда иилане' уходили, Керрик смиренно благодарил и выражал глубокое уважение. И как только дверь оказалась закрытой, он выпрямился и громко расхохотался. Этот мир был к нему очень жесток, но в девять лет он уже умел бороться за жизнь.

В тот же день в сопровождении Сталлан пришла Ваналпе'. За ними следовала обычная свита помощниц и ретивых фарги. Для маленькой каморки их было слишком много, и Ваналпе' приказала всем, кроме первой помощницы, ждать снаружи. Пока Ваналпе' разглядывала Керрика, ее помощница раскладывала на полу свертки и расставляла какую-то посуду.

– Я никогда не видела их живыми, – произнесла Ваналпе'. – Но такие существа мне известны. Я уже анатомировала один экземпляр.

Она сказала это за спиной Керрика, поэтому он не слышал ее, что было вовсе неплохо, ведь понятие «анатомировать» на языке иилане' выражалось следующим набором слов: «резать-мертвое-мясо-на-части-учиться».

– Скажи мне, Сталлан, оно действительно разговаривает? Но это же просто животное.

Общего интереса к говорящему устузоу Сталлан не разделяла и желала ему только смерти. Но приказам повиновалась и не причиняла Керрику вреда.

– Говори! – приказала Ваналпе'.

– Что ты хочешь услышать от меня?

– Великолепно, – произнесла Ваналпе', мгновенно потеряв дальнейший интерес. – Что ты использовала для снятия меха?

– Струнный нож.

– Очень неудачно. Такие ножи хороши для разделки туши. Дай мне унутакха, – приказала она помощнице. Та вытряхнула из контейнера на ладонь Ваналпе' бурого слизня. – Я использую это для подготовки образцов. Переваривает только мех, а не кожу. Правда, мы испытали его только на мертвых устузоу. Посмотрим, как он управится с шерстью на живом.

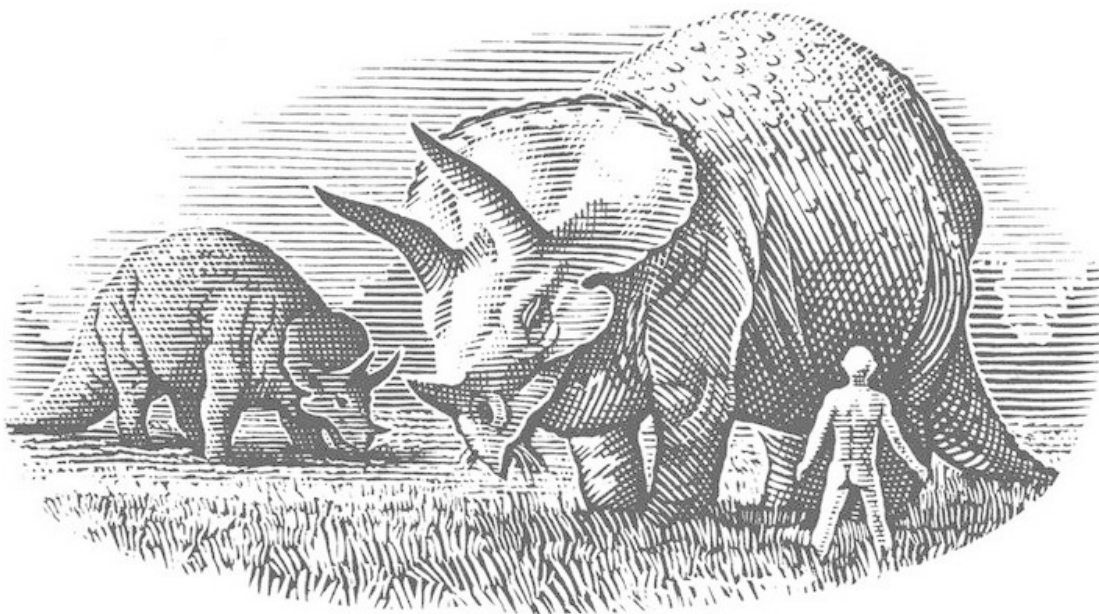
Сталлан швырнула Керрика на пол и навалилась на него, пока Ваналпе' разворачивала свернувшегося унутакха и пристраивала ему на череп. От холодного скользкого прикосновения он поежился, а иилане' с интересом следили, как слизень полз по его коже.

– Очень хорошо, – объявила Ваналпе', – кожа цела, меха нет. Следующая задача: нужен мешочек. У меня есть подходящая по цвету дубленая шкура, мы просто приладим ее к нужному месту. Я придумала специальные наклейки для кожи. Хорошо? Примерь.

Керрик готов был расплакаться от оскорбительного и грубого обращения, но сдержал слезы. Мургу не дождутся их. Холодный слизняк медленно двигался по голове и как раз прикрыв ему один глаз. Когда он отполз в сторону, Керрик поглядел вниз, где прилаживали мешочек. Мешочек его не беспокоил, и мальчик забыл о нем, едва слизняк неторопливо переполз на ресницы второго глаза.

Он никогда не узнал, что мешочек был сделан из тщательно выделанной кожи Исель, той самой девочки, которую мургу убили у него на глазах.

15

– Я долго думала над твоим положением, – произнесла Энге, – и пришла к выводу: ты – нижайший из низких.

– Я нижайший из низких, – согласился Керрик, стараясь не обращать внимания на унутакха, увлажнявшего слизью череп.

Он очищал тело мальчика от волос только третий день, и его влажное прикосновение еще было для маленького тану непривычным. Керрик относился к крохотному созданию с опаской. Когда вчера утром он скovyрнул унутакха с головы, слизень прицепился к пальцу и быстро объел едва ли не половину ногтя.

Слизень уполз на затылок, и Керрик смог обтереть безбровое, лишенное даже ресниц лицо тыльной стороной ладони.

– Ты слушаешь меня? – спросила Энге.

– Да. Я нижайший из низких.

– Но ты не так говоришь. Ты так и не научился правильно произносить. Теперь ты должен говорить так: нижайший из низких.

Отметив по-особенному согбенную позу Энге, подогнутый вниз хвост, Керрик по возможности попытался изобразить ее.

– Лучше. Практикуйся. Скоро тебе придется бывать в обществе высочайших, а они не потерпят твоих ошибок.

– А откуда ты знаешь, что я нижайший из низких? – спросил Керрик, представив фразу в виде вопроса, задаваемого глупцом. На самом же деле разговор казался ему скучным и уже начинал досаждать.

– Вейнте' – эйстаа и правит в Алпеасаке. Она высочайшая. Ниже ее – в бесконечной выси над тобой и мной – Сталлан, Ваналпе' и другие правительницы. Им служат помощницы, они обучают фарги. И пусть ты разговариваешь лучше многих фарги, ты всегда останешься ниже их, потому что они иилане', а ты – всего лишь устузоу: говорящее животное остается животным.

Все эти сложные ранги и титулы для Керрика не значили ничего. Его заинтересовало слово, которого мальчик еще не слышал.

– Что такое «фарги»?

– Фарги... Ну, это просто фарги.

Сказав это, Энге ощутила отсутствие смысла в сказанном. Некоторое время, задумавшись, она пыталась найти определение. Его трудно было сформулировать – понятие повседневное, общепринятое, иилане' принимали его за данность, не сомневаясь в существовании предмета. Так можно спросить: «Что есть солнце?» Просто солнце! Оно определяется фактом своего существования. Энге прекрасно знала, что физики могли многое рассказать о солнце, куда больше, чем ей хотелось бы знать. Но если она учит этого устузоу общению с высочайшими, он должен знать и обычные сведения, которые знали все. Объяснения пришлось вести с самого начала.

– С родильных пляжей наш молодняк попадает прямо в воду. Они много лет живут в океане, растут и зреют. Счастливое время: рыбу ловить несложно, опасностей мало. Все, кто входит в океан в одно и то же время, принадлежат к одному эфенбуру. Друг для друга они эфенселе, связь между ними длится целую жизнь. А потом все взростеют и выходят на сушу. Самцов отделяют и доставляют в город, ведь они слишком глупы, чтобы постоять за себя. Настает трудное время, каждая самка должна обрести в жизни собственную дорогу. Еды много, но много и опасностей. Жизнь идет в городах, и молодые отправляются туда. Они слушают, учатся, а те, кто начинает говорить, становятся нижайшими. Это фарги. Ты ниже их.

– Я понимаю. Но как же насчет самцов? Все фарги самки?

– Конечно.

– Но ты же самец...

– Не оскорбляй меня. Ты никогда не видел самцов. Их содержат в хорошо защищенном месте – в ханане.

Известие это ошеломило Керрика. Самки! Все мургу самки! Все, даже отвратительная Сталлан. Ну все у этих мургу не так! Вот тану все умеют говорить, даже самые маленькие. Ясно – мургу глупые.

– А что случается с теми, кто не обучается говорить? – спросил он.

– Это не твое дело. Помни одно. Ты ниже нижайшей из фарги, тех, что зовутся «иилейбе» – «с трудом говорящие».

– Я нижайший из низких, – согласился Керрик, подавив зевоту.

Их занятия прервал скрип засова. Керрик сделал безразличное лицо, чтобы на нем не отразилась ненависть, которую он всегда ощущал при виде Сталлан. Она принесла запечатанную бутылку.

– Время пришло, – проговорила Сталлан. – Вейнте' требует устузоу к себе. Я принесла это, чтобы он не был опасен.

Сняв с головы Керрика унутакха, Сталлан помыла его с головы до пяток. Живая веревка на запястьях мальчика Сталлан не понравилась, и она заменила ее новой. Потом извлекла из бутылки длинный, темный извивающийся жгут.

– Никаких неприятностей от устузоу! – объявила Сталлан, притянув к себе Керрика, и набросила ему на шею длинную тварь.

Рот веревки присосался к собственному телу. Когда на шее мальчика оказалась надежная петля, Сталлан крепко взялась за другой конец.

– Скажи, чтобы он следовал за тобою, – велела она Энге, все еще отказываясь признавать в Керрике нечто большее, чем дрессированного зверя. Они одинаково ненавидели друг друга.

Но Керрику сейчас было не до нее: впервые после пленения он выйдет из помещения. Когда его несли сюда, он успел запомнить только деревья и лес. Теперь он был готов ко всему и старался выглядеть ручным и покорным. Энге распахнула дверь, и Керрик со связанными руками последовал за ней. Последней шла Сталлан, крепко держа поводок.

Перед ним простирался освещенный неярким зеленым светом туннель. Пол был плетеным, как и в камере, но стены казались куда менее прочными. Они были живым переплетением тонких и толстых древесных стволов, ползучих лиан, цветущих кустов и каких-то неизвестных ему растений. Над головою листва смыкалась в крышу. То и дело в стороны отходили коридоры, по которым двигались темные силуэты и исчезали у выходов в ярких солнечных лучах. После долгого заключения он шурился. Свет резал глаза, но мальчик жадно смотрел вокруг сквозь слезы.

«Где я, где Алпеасак?» – думал Керрик. Со слов Энге он представлял город как огромное стойбище с бесчисленными шатрами. Он должен был сразу сообразить, что мургу и понятия не имеют о настоящей стоянке. Но скопление деревьев и коридоров казалось огромным. И повсюду были мургу. Их было слишком много, Керрик словно свалился в яму, кишашую мургу. Они толпились вокруг, расталкивали друг друга, чтобы увидеть идущего устузоу, и следовали за ним. По коже его пробегали мурашки. И эти мургу тоже глупы, многие едва умели говорить. Должно быть, это и есть фарги, о которых рассказывала Энге.

Туннель привел их к открытому пространству, куда большему, чем те, которые им встречались. Глаза Керрика начали привыкать к свету. Повсюду группами стояли иилане'. Сталлан резко крикнула, и фарги расступились, давая им пройти. Они направились к дальней стене, где оказалось несколько иилане'. Две явно были очень важными персонами, и все остальные почтительно сгибались в их присутствии – это было видно даже издали. Подойдя поближе, Керрик узнал Вейнте'. Ее-то он никогда не забудет. Возле эйстаа на корточках сидела очень толстая иилане', шкура ее, казалось, вот-вот лопнет. Вейнте' знаком велела им остановиться и обратилась к толстой:

– Теперь ты сама видишь его, Зхекак, это один из злодеев-устузоу, совершивших преступление, о котором тебе уже известно.

– Подведите его поближе, – тонким голосом приказала Зхекак. Жир мешал ей шевелить конечностями. – Не похоже, чтобы он был опасен.

– Это молодой. А взрослые больше.

– Интересно. Покажи мне его прикус.

Пока Керрик гадал над смыслом нового слова, Сталлан схватила его, раздвинула челюсти и поволокла поближе к Зхекак, чтобы она могла заглянуть ему в рот. Увиденное заинтересовало Зхекак.

– Очень похож на те экземпляры, которые хранит Ваналпе'. Есть над чем подумать, очень интересно. Я уже вижу тот день, когда Алпеасак превзойдет все города в изучении устузоу и их использовании.

Вейнте' просто лучилась от счастья.

– Ты должна узнать кое-что еще об этом существе: оно говорит!

Зхекак откинулась, выражая недоверие, удивление и сомнение одновременно, тучное тело ее колыхалось.

– Покажи! – приказала Вейнте’.

Сталлан толкнула Керрика. Энге встала рядом, чтобы он мог ее видеть.

– Назови свое имя перед персонами великого ранга, – приказала она.

– Я – Керрик, низжайший из низких.

Зхекак была, пожалуй, слишком щедра на похвалы.

– Великолепная дрессировка, мне еще не приходилось видеть зверя, который умел бы произносить свое имя.

– И не только это, – уважительно добавила Энге. – Он говорит, как все иилане’. Можешь поговорить с ним, если хочешь.

Восхищение, сомнение и недоверие Зхекак были очень велики. Закончив жестикулировать, она склонилась вперед и очень медленно и отчетливо произнесла:

– В это трудно поверить. Ты ведь не умеешь говорить по-настоящему?

– Я умею говорить. Могу говорить очень быстро и четко.

– Ты заучил эти слова.

– Нет, я выучился им, как все фарги.

– В океане?

– Нет. Я не умею плавать. Я учился, слушая Энге.

Зхекак и не поглядела в сторону Энге.

– Приятно услышать хоть что-то доброе о той, которая причинила всем столько неприятностей в далеком и любимом Инегбане. Как это правильно, что только у грубого зверя нашлись добрые слова о Дочери Смерти. – Она обернулась к Вейнте’. – Могу тебя поздравить, ты сделала нечто из ничего: город из джунглей, говорящее существо из устузоу, учительницу из лишенной смерти. Истинно, будущее Алпеасака сулит нам тепло.

Вейнте’ жестом отпустила Энге и Керрика и обратилась к Зхекак:

– Эти слова я буду помнить всегда. Новый мир – новые вещи, мы стараемся. А теперь – не съешь ли мяса? У нас здесь водится кое-что вкусное, такого ты еще не пробовала.

Зхекак лязгнула зубами.

– Мне уже говорили, и я собираюсь сама все попробовать.

«Жирный мараг, объешься и лопни», – подумал Керрик, но даже намек на подобные мысли не выражала его покорно склоненная фигура.

– Отведи животное на место, – велела Вейнте’.

Сталлан дернула за поводок и потащила Керрика за собой. Он спотыкался, едва не падал, но не жаловался. Покинув огромное пространство без крыши, они вновь вступили под зеленые своды. Энге повернула в боковой туннель, и Керрик осторожно оглянулся. Вблизи не было никого, вддали темнели редкие фигуры, и Керрик вскрикнул будто от боли.

– Помоги! Такая боль... Эта штука на моей шее... Задыхаюсь...

Сталлан обернулась и отвесила Керрику оплеуху. Но она понимала, что этому зверю нужно сохранить жизнь. Поводок придется ослабить. Она выпустила свободный конец и потянулась к голове животного.

Керрик вырвался и побежал, не обращая внимания на яростные вопли за спиной.

Беги, парень, беги, беги изо всех сил, быстрее всех мургу! Впереди замаячили два силуэта. Бестолковые фарги.

– В сторону! – крикнул он.

Фарги повиновались! Глупые бессмысленные создания... Поводок свисал с плеча, он держал его конец руками, чтобы не споткнуться. Пробегая через одно из открытых пространств, он заметил, что Сталлан безнадежно отстала. Он был прав, эти твари не умеют быстро бегать.

Он чуть замедлил бег, можно было уже не нестись стремглав. Он мог бежать целый день. Ему легко дышалось, ноги шлепали о мостовую. Надо было бороться за жизнь.

Остановить Керрика было некому. Завидев впереди мургу, он тут же сворачивал в сторону. Фарги отступали, покорно повинувшись ему. Один мараг, остановившись, попытался схватить его, но он легко уклонился от неуклюжих рук и припустил дальше. Оторвавшись от погони, беглец остановился, чтобы отдышаться и все обдумать.

Вокруг был город. Лучи солнца просачивались сквозь листву. День подходил к концу, позади шумело море, а земля была там, куда опускается солнце.

Незаметно город сменился полями. Керрик бежал легкой трусцой, увеличивая темп, лишь когда его замечали. Первой преградой на его пути оказались высокие кусты, усеянные острыми иглами. Сердце мальчика замерло. Если его обнаружат здесь, он пропал. Он быстро побежал вдоль живой изгороди в поисках какой-нибудь дыры. Да, вот и отверстие, прочные лианы крест-накрест перегораживают его. Улегшись на живот, он проскользнул под нижней поперечиной. Стадо низкорослых оленей в испуге бросилось наутек в высокую траву. Он последовал за ними, около следующего забора их пути разошлись. Зная, что искать, следующее прикрытое плетеной калиткой отверстие он нашел без труда. Оглянувшись, он заметил на дальнем конце поля группу мургу, они открывали калитку, под которой он недавно прополз. Теперь его уже не догнать!

Так он добрался до последнего поля. Последним оно было потому, что за ним зеленой стеной высились джунгли. Крохотные кусочки джунглей ему уже попадались, всегда за забором. Пустой лес за последней оградой пугал. Но любые опасности, подстерегавшие в джунглях, были ничтожными по сравнению с тем ужасом, что сулил город. Проскользнув под калиткой, он в страхе застыл: какие-то огромные твари уставились на него.

Ужас охватил Керрика. Он не мог даже пошевелиться. Звери были огромные, куда больше мамонтов, – это были мургу из ночных кошмаров. Серые морщинистые шкуры, ноги, подобные стволам деревьев, огромные костистые воротники, рога, наставленные на него... Сердце Керрика так заколотилось, что, казалось, вот-вот разорвется.

Тут он заметил, что им вовсе не до него. Крошечные глазки, утонувшие в морщинистой коже, были обращены к земле. Скорее всего, они не заметили его. Огромные головы были опущены, мощные челюсти перемальвали траву. Медленно, шаг за шагом, он обошел их, двигаясь к следующей, еще не поднявшейся изгороди.

Свобода! Откинув свисавшие лианы, он ступил на прохладную подстилку джунглей. Вновь откинул лианы... и снова...

И вдруг они прилипли к рукам и медленно стянулись вокруг них.

Это были совсем не лианы, а живые силки. Керрик дернулся, попытался рвануть их зубами, но безуспешно. А ведь он был так близок, так близок к свободе! Повернувшись в этих холодных объятиях, он увидел мургу, приближавшихся к окраине поля. Они были совсем близко.

И, бессильно повиснув в тенетах, он повернулся лицом к лесу. Керрик даже не почувствовал, как жестокие руки с двумя большими пальцами впились в его тело. Он глядел вверх – на кроны деревьев, на небо.

Внезапно среди листьев, в просвете, он увидел бородатое лицо, которое сразу же исчезло. А его поволокли назад, в плен.

Погрузившись в думы, Вейнте' покойно откинулась на «дерево отдыха» и не шевелилась. Рядом были помощницы, они негромко переговаривались; их, в свою очередь, окружали услужливые фарги. Вейнте' находилась внутри островка молчания, никто не смел нарушить покой эйстаа. Мысли ее – мысли всего города.

Но в этот миг в сердце ее кипела ненависть, и, замерев, Вейнте' пыталась спрятать ее... Одна ненависть – никаких высоких мыслей. Она словно застыла, только правый глаз медленно следил за тремя удалявшимися иилане'. Ваналпе', ее бесценная помощница, растящая город; ученая Зхекак – она может оказаться столь же незаменимой. А рядом с ними – Алакенси, тяжкий груз на ее шее. Как прекрасно задумала коварная Малсас< тонкое злодейство: вдруг является такая Алакенси, чтобы Малсас< могла потом спокойно воспользоваться результатами ее труда! Чтобы следила, запоминала и доносила, а потом – передала всю власть Малсас<. Она наблюдала, как уходит Алакенси, разговаривая с Зхекак, вслушивается в ученые речи.

Они ушли, и взгляд Вейнте' остановился на бесшумно подошедшей Энге, склонившейся в позе покорности.

– Оставь меня, – коротко произнесла Вейнте'. – Я ни с кем не говорю.

– Дело величайшей важности. Умоляю, послушай.

– Уходи!

– Ты должна выслушать. Сталлан убьет устузоу. Я боюсь, что она убьет его.

Вейнте' посмотрела на Энге уже внимательно и потребовала немедленных объяснений.

– Существо пыталось бежать, но было поймано. Сталлан страшно бьет его.

– Я не велела. Распорядись, чтобы она прекратила. Подожди, я сделаю это сама. Следует узнать подробности побега. Как это случилось?

– Знает одна Сталлан. Она не рассказывала.

– Мне расскажет, – ответила Вейнте' с угрюмой властностью в голосе.

...Подойдя к камере, они увидели, что дверь распахнута, изнутри доносились глухие удары и стоны, они были слышны из коридора.

– Прекрати! – приказала Вейнте' так грозно, что Сталлан замерла, подняв руку с окровавленным хлыстом.

У ног ее корчился от боли Керрик, забитый до полусмерти, – спина его казалась куском мяса.

– Перевяжи это создание! – приказала Вейнте'. Энге бросилась вперед. – А ты – положи эту вещь и немедленно объяснись!

В ее словах звучала такая угроза, что содрогнулась даже бесстрашная и крепкая Сталлан. Хлыст выпал из ее ослабевших пальцев. Ей пришлось напрячь всю волю, чтобы ответить. Вейнте' могла произнести еще только несколько слов – и Сталлан была бы обречена на смерть.

– Зверь вырвался и убежал. Очень быстро, никто не мог поймать его. Мы гнались за ним до полей, прямо по пятам. Но недостаточно быстро. Он бы удрал, если бы не одна из ловушек, расставленных вокруг полей на случай ночных набегов устузоу.

– Так далеко... – произнесла Вейнте', глядя на скрючившуюся фигурку. – У диких животных столько неизвестных нам способностей. – Гнев ее таял, и Сталлан с облегчением шевельнулась. – Но как он удрал?

– Не знаю, эйстаа. То есть я знаю, что произошло, но не могу объяснить этого.

– Попробуй.

– Я попытаюсь. Зверь шел рядом, исполняя мои команды. Когда мы отошли подальше, он остановился, поднял руку к ошейнику и завопил, что задыхается. Такое возможно. Я стала ослаблять поводок, но устузоу убежал. И на бегу он вовсе не задыхался!

– Но тебе он сказал, что задыхается?

– Да, так он говорил.

Теперь гнев Вейнте' совершенно утих, и она крепко задумалась над словами охотницы.

– Поводок был у тебя в руке?

– Я выпустила его, когда стала ослаблять петлю. Задыхающийся зверь не может убежать.

– Конечно. Ты поступила правильно, иначе нельзя было поступить. Но он-то не задыхался? Ты уверена в этом?

– Полностью. Он долго бежал и дышал ровно. А когда его поймали, я первым делом поглядела на поводок: ошейник оказался затянутым, и ни он, ни я не ослабляли его.

– Необъяснимо... – произнесла Вейнте', глядя на потерявшего сознание устузоу.

Над ним склонилась Энге, обтирая кровь со спины и груди. Под побелевшими от боли глазами темнели синяки, на лице запеклась кровь.

– Ошейник не душил его. Но сам-то он говорил, что задыхается. Это невозможно, но так было.

Вейнте' не двигалась. Мысль была невероятной, ничего подобного даже в голову не могло прийти суровой, но простоватой охотнице. Вейнте' справилась с собой, отогнала назойливую мысль и пробормотала:

– Уходи немедленно.

Сталлан заторопилась к выходу, жестами выражая на ходу облегчение и благодарность. Она понимала, что жизнь ее на какое-то время вне опасности, и с радостью забыла все, что произошло.

Но не Вейнте'. Энге все еще стояла спиной к ней, поэтому она могла вновь обратиться к размышлениям, все обдумать, не опасаясь, что кто-нибудь подглядит за ходом ее мыслей.

Невероятно, но как иначе объяснить такое? Обучаясь мыслить, в числе первых она усвоила следующее положение: когда отпадают все прочие объяснения, оставшееся, каким бы нелогичным или вздорным оно ни казалось, является единственно верным.

Устузоу сказал, что ошейник душил его.

Ошейник его не душил.

Утверждение, которого не существует.

Устузоу сказал то, чего нет.

В языке иилане' для такого поступка не было названия. Пусть будет – «ложь». Устузоу солгал.

Иилане' не умеют лгать. Только за неподвижностью, за отсутствием всякого выражения можно спрятать свои думы, утверждение – это мысль, мысль – это утверждение. Речь эквивалентна мысли.

Устузоу поступил иначе.

Этот зверь умеет думать одно, а говорить другое. Представился ручным и тихим, а потом сказал, что задыхается, – и все это время думал только о бегстве. Он может лгать.

Зверь должен выжить, его придется беречь и охранять, чтобы не убежал. В туманном будущем Вейнте' еще не различала подробностей, но знала, что оно как-то связано с этим устузоу. Она использует и его самого, и его способность ко лжи. Использует, чтобы лезть вверх, к вершинам своих устремлений.

Но пока следует выбросить из головы все мысли об этом невероятном даровании. Все будет делаться по ее приказу так, чтобы не знали другие. Придется пресечь все разговоры о неожиданном бегстве. Должна ли Сталлан умереть? Она задумалась ненадолго, потом отвергла эту мысль. Охотница слишком нужна. Сталлан исполнит приказ и будет молчать, она несомненно выполнит его, ведь она еще не забыла, как близка была к смерти. Собравшись, Вейнте' спросила у Энге:

– Тварь сильно ранена?

– Не могу сказать. На спине синяки и ссадины, – возможно, это все. Погляди, шевелится. Открыл глаза.

Бледными пятнами мургу маячили над Керриком. Он не сумел убежать, он ранен, его постигла неудача. Но ничего, все меняется...

– Скажи, что ты чувствуешь, – приказала Вейнте', и он удивился неожиданному беспокойству, прозвучавшему в ее голосе.

– Больно. – Он пошевелил руками и ногами. – Боль... Все болит.

– Это потому, что ты пытался бежать, – объяснила Вейнте'. – Ты воспользовался возможностью и бежал, когда Сталлан выпустила из рук поводок. Я позабочусь, чтобы подобное не повторилось.

Керрик все-таки был не настолько избит, чтобы не уловить уклончивость в голосе эйстаа. Вейнте' знает, какие слова он сказал, чтобы Сталлан выпустила из рук поводок. Энге не заметила этого, а он заметил, удивился и тут же забыл. Слишком велика боль.

Пришла одна из учениц Ваналпе' и обработала раны, а потом его на много дней оставили в одиночестве, пока все не зажило. Ученица по утрам приносила еду, проверяла, как заживают раны. Уроки языка прекратились, и ему больше не приходилось встречаться со страшной Сталлан. Пути сняли, но дверь всегда была надежно заперта.

Когда боль утихла, мысли вернулись к неудавшемуся бегству, к тому, что преградило путь. В следующий раз он так не попадет. Он перепрыгнет эти лианы и уйдет в джунгли.

Но бородатое лицо в листе? Или это надежда и отчаяние нарисовали среди ветвей лицо тану? Он не был уверен. Быть может, ему просто хотелось его там увидеть? Впрочем, это ничего не значило. Нужна помощь. И возможность убежать. В следующий раз его ничто не остановит...

Дни шли за днями, раны зажили, оставив белые рубцы. Ученица все еще внимательно осматривала его каждое утро. Когда с головы исчезли все синяки, она принесла унутакха – снять подросший ежик. Пришлось заново привыкать к скользкому прикосновению. Пока ученица была с ним, дверь всегда оставалась закрытой, и за нею угадывалось зловещее присутствие Сталлан. Пути для бегства не было. Но его не станут вечно держать в камере.

В тот день в движениях ученицы было заметно возбуждение. Он понял: что-то произойдет. Она обмыла его, внимательно осмотрела, проверила, на месте ли кожаный мешочек, а

потом склонилась перед дверью. Керрик знал, что спрашивать бесполезно. Она с ним никогда не разговаривала и не отвечала на вопросы. Поэтому он сел и тоже поглядел в сторону входа.

День оказался действительно особенным. Дверь открылась, вошла сама Вейнте', за нею колыхалось жирное тело Зхекак. Следом за ними фарги и помощницы несли какие-то ящички.

– Он удрал однажды, – произнесла Вейнте', – следует сделать так, чтобы этого не могло случиться вновь.

– Интереснейшая проблема, эйстаа. Размышления над нею доставили мне истинное удовольствие. Я считаю, ответ мне уже известен, но не стану говорить, лучше я покажу, чтобы ты разделила со мной удовольствие от этого откровения.

– Все труды Зхекак доставляют мне радость, – вежливо ответила Вейнте', сделав при этом жест особенного удовольствия.

Зхекак сделала знак фарги и взяла ящичек из ее рук.

– Совершенно новая вещь, – сказала она, извлекая длинную узкую полоску гибкого материала.

Тонкий красноватый лист был очень прочен. Зхекак показала, что он не рвется, приказав фарги тянуть его за противоположные концы. К всеобщему удовольствию, они чуть не попадали, перетягивая друг друга. Потом Зхекак достала струнный нож и попыталась разрезать материал. Когда она передала полоску Вейнте', та заметила лишь царапину на блестящей поверхности и выразила восхищение и удивление.

– Рада объяснить... – объявила Зхекак с огромным удовлетворением. – Струнный нож – это одна длинная молекула. Она режет потому, что мал ее диаметр. Ее нельзя переломить – ведь внутримолекулярные связи обладают высочайшей прочностью. Сейчас мы пытались разрезать аналогичный материал. Гибкое полотно сделано из волокон молекулярного углерода, выращенных в той же среде. Они гнутся, но не ломаются, их нельзя разрезать.

Вейнте' сделала жест одобрения.

– Значит, ты нашла веревку, которой можно надежно связать зверя. Тогда я задам очевидный вопрос. Ты привяжешь ее к устузоу. А что ты привяжешь к другому концу?

Зхекак подобострастно завиляла жирным телом.

– Эйстаа так хорошо все понимает. А вот и воротник для зверя.

Помощница извлекла полупрозрачный предмет длиной с руку. Он лениво извивался, пока Зхекак пристраивала его на плечах Керрика. Холодное прикосновение не доставило ему удовольствия, но он уже знал, что лучше не протестовать. Повинуясь коротким распоряжениям Зхекак, помощницы смочили концы существа каким-то раствором, а потом соединили, сомкнув толстый ошейник вокруг шеи Керрика.

– Быстро, – распорядилась Зхекак. – Процесс секреции уже начался.

Они осторожно обвили поводком полупрозрачное тело, потом натянули петлю так, что она ушла вглубь, в середину плоти воротника.

– Посмотри, эйстаа, – предложила Зхекак. – Увидишь – процесс пошел.

Прозрачное вещество быстро сгущалось вокруг чуждого объекта в самой его середине.

– Это животное – простейший секретор металла. Оно осаждает молекулы железа на инородное тело. Скоро оно застынет и обретет прочность. Мы будем кормить его, пока вокруг шеи устузоу не образуется металлический ошейник. Ошейник, который нельзя будет сломать или разрезать.

– Восхитительно. Но что же будет на другом конце?

Складки жира на теле Зхекак заколыхались вновь. Она проковыляла через камеру к наблюдавшим за происходившим фарги и вытолкнула одну из них вперед. Она была повыше и покрепче прочих, под ее шкурой при ходьбе перекачивались сильные мускулы. Зхекак попыталась ущипнуть мускулистую руку двумя большими пальцами, но не сумела.

– Эта фарги прислуживала мне много лет, сильнее ее я не встречала, она едва умеет разговаривать, но превосходно исполняет в лаборатории все тяжелые работы. Теперь она принадлежит тебе, эйстаа, и будет исполнять более важную функцию. – Крохотные глазки Зхекак, почти утонувшие в складках жира, оглядели притихших слушательниц. – У нее теперь будет другая работа. Второй воротник будет на ее шее, конец поводка вырастет в него. Устузоу и фарги всегда будут вместе, как два фрукта на одной ветке.

– Такому уму, как твой, нет равных, – произнесла Вейнте', и все помощницы и ассистентки одобрительно зажестичулировали. – Соединенные и неразлучные навечно. Мне говорили, что наш устузоу умеет очень быстро бегать. Скажи мне, устузоу, далеко ли ты убежишь с этой «крошечной» фарги на другом конце поводка?

Ответа не требовалось, и Керрик молчал. Глядя на глупую морду существа, к которому присоединили поводок, Керрик не чувствовал ничего, кроме жгучей ненависти. Но, заметив, что Вейнте' не сводит с него глаз, знаками изобразил подчинение и покорность. Она одобрительно кивнула.

– У этой фарги теперь будет новое имя, – сказала Вейнте', и все умолкли. – С этого дня ее будут звать Инлену<, потому что могучее тело ее делает весь мир тюрьмой для устузоу. Ты запомнила, как тебя зовут?

– Инлену<, – отвечала фарги с большим удовольствием, понимая, что имя ей дала сама эйстаа и служить Инлену< теперь будет ей.

Покорность Керрика была настолько же лживой, насколько искренним было удовольствие остальных. Он медленно потянулся, потрогал пальцем ошейник, уже обдумывая, чем и как можно будет сломать его.

17

Es mo tarril drepastar, er em so man drija.

Если брат мой ранен – кровь течет у меня.

На багровом полотне заката вырисовывались черные силуэты деревьев, а над океаном уже высыпали первые звезды – тхармы сильнейших воинов. Четверо мужчин на берегу молча внимательно вглядывались в темную стену джунглей – они боялись зверей, что прятались среди стволов. Спины их упирались в прочный борт лодки, что придавало уверенности всем четверым. Эта лодка доставила их сюда и – все очень надеялись – унесет отсюда, из полного опасностей места.

Ортнар не мог более молчать и выразил общую мысль:

– Там, конечно, мургу; они неотступно следят за нами, выбирают время, чтобы напасть. Нам не следовало здесь останавливаться.

Он озабоченно закусил губу, воображение его наполняло тьму невидимыми опасностями – высокий и стройный охотник чувствовал себя неуверенно.

– Херилак велел нам ожидать здесь, – произнес Теллгес решительно.

Он не боялся того, чего не видят глаза, и предпочитал командовать, а не подчиняться. Сам он будет терпеливо дожидаться возвращения саммадара.

– Но его нет уже целый день. Может, он уже мертв, съеден мургу... – Страх владел мыслями Ортнара. – Не следовало забираться на юг так далеко. Мы проплывали мимо стад оленей, можно было поохотиться...

– Поохотимся на обратном пути, – ответил Серриак, заражаясь страхом Ортнара. – А пока – заткнись.

– Почему? Потому что я говорю правду? Разве все мы должны умереть, если Херилак жаждет мести? Не надо было приплывать сюда.

– Тихо, – сказал Хенвер. – По берегу кто-то идет.

Они пригнулись, выставив вперед копыя, – и с облегчением опустили их, когда на фоне неба возникла фигура Херилака. Он поднимался на дюну.

– Тебя не было целый день, – с упреком произнес Ортнар, когда саммадар приблизился.

Херилак промолчал и остановился, устало опершись на копые.

– Принесите воды, – попросил он, – и выслушайте то, что должны узнать.

Он жадно пил, потом бросил на песок пустую тыкву и устало опустил рядом. Помолчав, он тихим голосом заговорил о вещах, уже известных.

– Люди Амагаста истреблены, кости их белеют на песке – вы видели их. Вот – на моей груди нож Амагаста из небесного металла. Я нашел его среди костей. Я обнаружил останки людей на берегу – и решил, что смерть пришла к ним с юга. Я избрал вас своими спутниками, чтобы отыскать эту смерть. Я взял именно вас, потому что вы все сильные охотники. Много дней мы плыли на юг, останавливаясь, лишь когда наши желудки требовали пищи. Мы пришли на юг, в страну мургу, и видели их во множестве. Но вчера мы увидели другое: следы, которые оставили не дикие мургу. Я пошел по этим следам и теперь расскажу, что увидел.

Что-то в голосе Херилака заставило притихнуть даже Ортнара.

Последние лучи заката озарили лицо Херилака, превратив его в жуткую маску. От гнева он так стиснул зубы, что слова стали почти неразборчивы.

– Я обнаружил убийц. Следы эти оставлены мургу, каких я еще не видел. Тут у них целое гнездо, они кишат в нем как муравьи. Только это не муравьи и не тану, хоть и ходят на ногах, как мы. Это не дикие звери, а какие-то неизвестные мургу. По воде они плавают в странных существах, похожих на лодки, а гнездо их ограждено терновой стеной. У них есть и оружие.

– Что ты сказал? – В голосе Ортнара слышался явный ужас: Херилак говорил об оживших ночных кошмарах. – Кто видел мургу, которые ходят подобно тану? У которых есть копыя и луки, которыми они убивают так же, как мы? Надо уплыть скорее, немедленно, пока они не добрались до нас.

– Молчи! – мрачно бросил Херилак. – Ты охотник, а не женщина. Звери, на которых ты охотишься, увидят твой страх и станут смеяться, а все твои стрелы пролетят мимо цели.

Ортнар знал, что это правда, и сжал губы, показывая, что будет молчать. Будешь говорить об оленях – они услышат тебя, как бы далеко ни паслись, и убегут. Но, что еще хуже, – если охотник боится, об этом сразу же узнают все животные и его копые никогда не нанесет верного удара. Ортнар понимал, что все осуждают его, что говорил он слишком поспешно, не подумав. И он решил молчать.

– Эти мургу похожи на тану, но они не тану. Я следил за ними из укрытия целый день и видел, как они делают многие вещи, которых я не понимаю. Видел я и какое-то оружие, не

копье и не лук. Это палка. Мараг наставил ее на оленя, раздался треск – и зверь упал мертвым. Я видел это, хотя не могу объяснить. Палка – это оружие, мургу с такими палками много. Они и уничтожили саммад Амагаста.

Последовавшее продолжительное молчание нарушил Теллгес. Он верил словам Херилака, но все-таки сомневался.

– Эти мургу с шумящими палками... Откуда ты знаешь, что именно они погубили саммад?

– Я знаю, – мрачно и решительно ответил Херилак. – Я уверен. На моих глазах они поймали бежавшего мальчика-тану. Они знают о нас, а мы о них.

– Что нам делать, Херилак? – спросил Серриак.

– Вернемся в саммад, ведь нас только пятеро, а мургу даже нельзя сосчитать. Но мы вернемся сюда не с пустыми руками. Надо предупредить об опасности тану, чтобы все узнали об этих мургу!

– Но как это сделать? – Голос Ортнара дрогнул.

– Я подумаю об этом перед тем, как уснуть, а утром расскажу вам. А теперь – спать, завтра придется многое сделать.

Всей правды Херилак не сказал. Он уже решил, что надо делать, но хотел, чтобы люди выспались, а не размышляли всю ночь, страшась неизбежного. В особенности Ортнар. Он был одним из лучших охотников, только всегда слишком много думал о том, что может произойти. Иногда лучше не думать, а просто действовать.

На заре, когда все проснулись, Херилак приказал грузить в лодку пожитки и готовиться к отплытию.

– Вернемся, – начал он, – придется отплывать без задержки. Быть может, за нами будут гнаться. – Он улыбнулся, глядя на вытянувшиеся лица. – У мургу есть небольшой шанс. Но если мы поступим, как подобает охотникам, такого шанса у них не будет. Вот что мы должны сделать. Мы выследим небольшую группу, отбившуюся от остальных. Вчера я видел такие отряды. Все были чем-то заняты. Мы выследим их незаметно и перебьем из засады. Всех, не поднимая шума. Если ранен мой брат – кровь течет из моих ран. Если мой брат убит, я должен заплатить за его смерть! В путь!

Глядя на сумрачные безмолвные лица, Херилак понимал, что охотники взвешивают его слова. Он предлагал им опасный шаг. Но они идут на охоту – убивать мургу, тех мургу, что напали на саммад Амагаста и перебили всех: женщин, детей, мастодонтов. Эти мысли пробуждали гнев.

Херилак кивнул и взял оружие. Вооружившись, за ним последовали остальные.

Под деревьями было темно: плотная листва не пропускала солнца, но по утопанной тропе идти было легко. Люди шли молча. Над их головами в густом зеленом шатре перепархивали и кричали яркие птицы. Не один раз пришлось останавливаться, взяв копья на изготовку, когда где-нибудь неподалеку раздавался звук тяжелых шагов.

Тропа петляла среди песчаных холмов, вокруг высились сосны, свежий утренний ветерок доносил аромат хвои, шелестел в ветвях.

Херилак резко вскинул руку, и охотники замерли. Подняв голову, он втянул носом воздух и прислушался. Послышался негромкий звук, похожий на слабый треск горевших сучьев или шуршание гальки в волнах. Охотники поползли вперед, туда, где деревья расступались перед травянистым лугом.

По всему лугу разбрелось гигантское стадо мургу. Четвероногие, упитанные твари, раза в два выше любого мужчины, медленно поворачивая головы, пожирали траву и сосновые шишки. Один, с утиным клювом, встал на задние лапы и ухватил ветку небольшими, но когтистыми передними лапами, на задних когти были еще острее.

Херилак сделал знак обойти стадо. Но не успели они тронуться с места, как в джунглях раздался яростный визг, из леса появился огромный мараг и прыгнул прямо на одного из пасущихся. Толстую шкуру нападавшего покрывала чешуя, с острых белых зубов капала кровь. Крошечные передние лапки его дергались в воздухе, задними с огромными когтями он терзал добычу. Стадо кинулась бежать, вопя от страха. Поспешили скрыться и охотники, пока ужасный мараг их не заметил.

Тропа вышла из леса и теперь петляла среди кустов. Земля стала мягче, под ногами зашлопала вода. На открытых местах солнце безжалостно пекло спины. Вдали от лесной тени влажный горячий воздух душил. Все покрылись потом и пыхтели. Херилак дал знак остановиться.

– Смотрите вперед, – произнес он так тихо, что люди едва расслышали его. – Открытая вода. Там я видел их. Идите молча и скрытно.

Охотники двигались словно тени. Ни одна травинка не шевельнулась, ни один листок не колыхнулся там, где они прошли. По одному они пробрались к озеру и спрятались в зарослях на берегу. Один из охотников тихо охнул, и Херилак бросил на него негодующий взгляд.

Хоть саммадар и предупреждал о том, что их ждет, на деле все выглядело гораздо страшнее. Насторожившись, охотники следили за двумя темными предметами, приближавшимися к ним по воде. Первый прошел совсем близко от притаившихся охотников.

Лодка... Нет, не лодка... Весел не было. Спереди она была украшена большой раковиной. Нет, раковина не украшение, она росла там, она часть того живого существа, что служило лодкой. А на спине непонятной твари восседали мургу. Может быть, именно те, о которых рассказывал Херилак. Но слова совсем не то, что отвратительная реальность. Мургу стояли, как тану, или сидели на толстых хвостах. Одни держали какие-то странные предметы, другие – темные палки, должно быть, то самое оружие, о котором говорил Херилак. Затаив дыхание, охотники следили, как на расстоянии полета стрелы проплывали мимо них отвратительные создания. Одно из них не то лязгало, не то бормотало.

Темные предметы подплыли к противоположному берегу. Мургу стали выбираться на сушу.

– Видели? – спросил Херилак. – Я говорил. Они делали так и вчера, а потом возвратились. Теперь расходитесь, неслышно... Найдите на берегу место поукромней, положите перед собой стрелы и ждите. Когда они будут возвращаться, я дам знак. Выбирайте цели и ждите. Луки натягивайте, но стрел не спускайте. Ждите. А когда я дам команду – стреляйте. Всех – чтобы ни один не спасся и не смог предупредить остальных. Понятно?

Он взглянул на мрачные сосредоточенные лица. Охотники кивнули в знак согласия, молча разошлись по местам и застыли в ожидании. Солнце поднималось все выше, жара становилась невыносимой, докучали насекомые. У людей пересохло в горле. Но ни один не шевельнулся. Они ждали.

Мургу делали что-то непонятное, издавая при этом громкие звуки. Они то замирали, словно каменные фигуры, то вновь начинали двигаться. Так продолжалось невыносимо долго.

Но все закончилось так же внезапно, как и началось. Мургу сложили свои предметы в живые лодки и забрались сами. Те, у которых были палки-убийцы, залезли первыми. Лодки отчалили.

Дневная жара заставила птиц замолчать. Только вода плескалась о борта приближавшихся лодок. Они подходили все ближе и ближе. Бледные чешуйчатые пятна на шкурах казались теперь особенно отвратительными. Они плыли к берегу и, когда поравнялись с невидимыми охотниками...

– Давай!

Зазвенели тетивы, свистнули стрелы. Кто-то из мургу взвизгнул, кто-то хлопнул, прежде чем умолкнуть навеки: стрелы пронзали их.

Наконечники впивались и в темные шкуры живых лодок. Те дергались, переворачивались, мургу падали в воду. С громким плеском Херилак нырнул и поплыл к месту побоища. Вскоре он вернулся, волоча за собой тело марага. Охотники помогли ему выбраться из воды.

Перевернув чудовище лицом вверх, они глядели в невидящие глаза, осторожно тыкали в труп луками.

– Отлично, – сказал Херилак, – все убиты. Теперь отправляемся, а это возьмем с собой. – Он взял одну из палок. – Тело тоже прихватим.

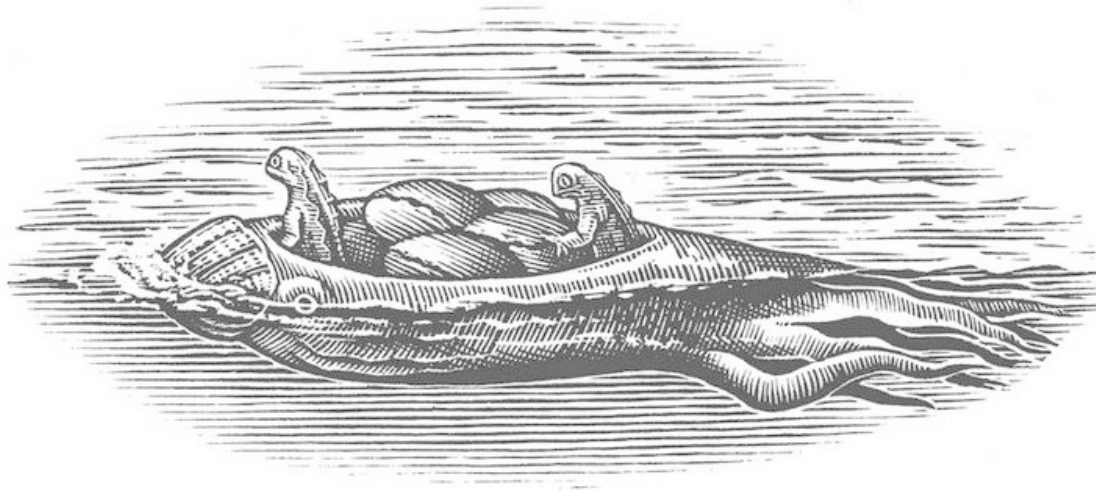
Охотники молча уставились на саммадара. Херилак мрачно улыбнулся:

– То, что видели мы, должны увидеть другие. Людей надо предупредить. Труп возьмем с собой. Будем грести день и ночь, если потребуется. Уберемся подальше отсюда, от всех этих мургу. А потом обдерем марага, пока не завонял.

– Хорошо, – сказал Теллгес. – Череп возьмем тоже. Шкуру выделаем.

– Правильно, – согласился Херилак. – Тогда сомнений не будет. Никаких. Каждый тану, увидев все это, узнает, когда потребуется, и живых мургу.

18

Модель эта была просто необходима для планирования города и совершенствования его. Для тех же целей можно было бы воспользоваться картой, какие применяли на урукето иилане'-мореходы. Необходимость требовала, и карты изготовлялись просто из чистого прагматизма. Но в городе подобных ограничений не существовало, и потому была создана масштабная модель Алпеасака – для планирования... и еще для удовольствия.

Вейнте' медленно ходила вокруг нее, ощущая огромное удовлетворение. Когда из Инегбана прибыла Сокайн с опытными помощницами, модель значительно усовершенствовали. Они внесли изменения, о которых было известно до этого лишь изыскательницам. Крошечные деревца окружали кружок амбесида, центр города. Когда Вейнте' склонилась поближе, она увидела золотой серпик родильных пляжей в мельчайших подробностях – вплоть до стены из терновника.

За плечом эйстаа сопела Алакенси – постоянное напоминание о том, что Малсас< знает о каждом поступке и решении Вейнте'. Вечная доука, портившая любое удовольствие. За ней, как всегда, стоял Керрик. Он был возбужден и заинтересован еще более, чем Вейнте', хотя старался ничем не выдать этого. Модель он видел впервые, раньше он даже не подозревал о ее существовании. Следует изучить ее и попытаться запомнить все, что возможно. Когда ему удастся убежать, то он будет знать самый безопасный путь. Позади в нескольких шагах двига-

лась Инлену<, придерживая подобранный петлей поводок, что связывал их обоих. Керрик уже настолько привык к ней, что не замечал ее присутствия. Он не мог от нее избавиться, как и от металлического ошейника. Когда он останавливался, останавливалась и она. Отвернувшись, она ничего не слушала, предаваясь обычным безмятежным раздумьям, пока рывок поводка не заставлял ее следовать дальше.

Модель занимала почти все помещение, и вечно любопытные фарги вынуждены были оставаться снаружи. Они теснились возле дверного проема, заглядывали и рассказывали друг другу, как удивительна модель, восхищались размером прозрачного потолка, пропускавшего в помещение только золотые лучи.

Вейнте' подошла к тому краю модели, где работали Сокайн с помощницами. Они не сразу заметили ее.

– Добро пожаловать, эйстаа, добро пожаловать, – стряхивая с колен мусор, произнесла Сокайн. Она поспешно встала, не выпуская из рук какое-то оранжевое существо.

– Не отрывайся ради меня от работы, – ответила Вейнте'.

– Она завершена, мы закончили перевод размеров.

– С помощью вот этого? – Вейнте' показала на оранжевое животное. – Я таких еще не видела.

Сокайн передала Вейнте' оранжевый предмет. У хитона были крошечный рот и закрытые глаза, трубка на голове и несколько впадин на боку.

– Объясни! – приказала Вейнте', потому что эйстаа должна знать в городе все до малейших подробностей.

Сокайн указала туда, где к модели пристраивали кусок, на воткнутые в нее тонкие палочки.

– Эти палочки соответствуют шестам, которыми мы пользовались при изысканиях. В поле я помещаю эти измеряющие существа на отмеченное место на почве, гляжу сквозь эту трубку на удаленный от меня на известное расстояние шест и нажимаю на эти углубления, чтобы инструмент запомнил углы и расстояния. Потом я перевожу трубку на другой шест и делаю то же самое. И так много раз. Когда я работаю с моделью, животное-инструмент определяет уменьшенное в масштабе расстояние между шестами и правильные углы между ними. В результате создается модель!

– Великолепно! А что за изогнутые канавы процарапаны в почве?

– Русла ручьев, эйстаа. С этой стороны к городу примыкает большое болото. Мы определяем его границы.

Вейнте' покачала головой:

– Нам нужно много полей. Можно ли осушить или засыпать эти болота?

– Едва ли, эйстаа. Но Акасест, улучшившая качество питания стад, обследовала и эти края, и теперь мы планируем сооружение перегородок. Есть много животных, предпочитающих болота, таких, как урукубы. Они будут процветать в подобных условиях.

– Весьма удовлетворительное решение, приспособляющее среду к нашим нуждам. Вас обоих следует повесить.

– Счастливы служить Алпеасаку, – преданно ответила Сокайн, выражая жестами огромную радость.

Много позже Вейнте' пришлось вспомнить этот разговор: больше ей не пришлось беседовать с изыскательницей...

Этот день, как и все остальные, был полон дел. Город рос, прибавлялось и работы, а вместе с этим увеличивалось и число решений, которые приходилось принимать.

Когда тени начали удлиняться, Вейнте' ощутила усталость, отослала внимательных фарги и приказала Керрику принести питьевой фрукт. Один как раз торчал на соконосе неподалеку. Мальчик дергал его, пока не отлипла присоска. Керрик поднес зеленую грушу Вейнте', та рас-

крыла отверстие и глотнула прохладную сладковатую воду. За этим занятием ее и нашла Сталлан. Охотница выглядела такой огорченной, что Вейнте' поняла – что-то случилось.

– Говори! – приказала Вейнте'.

– Отряд изыскательниц, Сокайн и другие, еще не вернулся, хотя уже поздно!

– Раньше они так не задерживались?

– Нет. С ними вооруженная стража, их каждый день привозили обратно в одно и то же время.

– И сегодня они впервые не вернулись вовремя?

– Да.

– Что можно сделать?

– До утра – ничего.

Вейнте' поняла, что случилось несчастье, присутствующие тоже забеспокоились.

– На заре я хочу отправить на поиски очень большой вооруженный отряд. Я сама поведу его.

...Вейнте' проснулась, едва небо слегка посветлело. Послала фарги за Керриком. Зевая и потягиваясь, еще не вполне проснувшись, он шел за эйстаа. Алакенси Вейнте' не звала, но она явилась незваной. И как всегда горела рвением, желая видеть все, что может заинтересовать Малсас<.

Сталлан с вооруженными стражницами подготовили лодки. Керрику уже не впервые приходилось на них плавать, и каждый раз он не мог скрыть восхищения этими созданиями. Одну из них только что покормили: из ее пасти еще торчали лапы и хвост молодого аллигатора. Маленькие глазки существа, расположенные под раковиной, слегка выпучились, мокрая шкура натянулась – и аллигатор исчез из вида. Керрик забрался на борт следом за остальными. Рулевая прокричала команду в ухо лодке. Плоть под их ногами ритмично запульсировала, втягивая и извергая воду. С первыми лучами солнца небольшая флотилия вышла в водную протоку.

Сталлан в первой лодке показывала путь. Мимо медленно проплывали поля. Животные на берегу либо разбегались при появлении лодок, либо с кроткой глупостью наблюдали. За осушенными полями сохранились огороженные участки болота; огромные деревья, хорошо укоренившиеся в жидкой грязи, соединяли изгородью. Ее выращивали прямо на месте – гибкие и прочные лианы. В этих загонах сидели крупные урукубы, больше вблизи не было никого. От движения огромных тварей разбегались волны, разбиваясь о решетчатые изгороди. Крошечные головки на длинных шеях казались еще меньше по сравнению с громоздкими телами. Животные обгладывали деревья вокруг, спускались в болото за сочной травой. Один из молодых урукубов, чуть побольше мастодонта, пронзительно завопил, когда лодки оказались рядом, и отбежал подальше. Керрик еще никогда не был в этой части города, поэтому тщательно запоминал путь.

Когда миновали последнее поле, началось дикое болото. Сталлан ввела флотилию в узкий канал. С обеих его сторон росли деревья, корни их высоко поднимались над лодками, с ветвей свисал белый мох. Повсюду виднелись цветы. Тучами носились кусачие насекомые. Керрик без конца прихлопывал садившихся на него и уже начал жалеть о том, что его взяли в эту поездку. Впрочем, выбора все равно не было.

Лодки медленно вошли в другой канал, еще более узкий. Наконец Сталлан дала сигнал остановиться.

– Тут они и работали! – крикнула она. Стало тихо.

Высоко в ветвях кричала какая-то птица. Больше ничего не было слышно. Видно ничего тоже не было. Стражницы, стиснув оружие, оглядывались по сторонам. Ничего. Гробовое молчание нарушила Вейнте':

– Их надо найти. Растянитесь цепочкой, осмотрите каналы. Не теряйте бдительности.

Зоркий Керрик первым заметил какое-то движение.

– Там! – крикнул он. – На той водной дороге что-то пошевелилось!

Мгновенно туда обратились все хесотсаны, но Сталлан приказала опустить оружие.

– Друг друга перестреляете. Или меня убьете. Я отправлюсь туда. Опустите хесотсаны.

Ее лодка медленно скользила вперед. Наступив на раковину ногой, Сталлан вглядывалась в густую тень под деревьями.

– Тут одна из наших лодок! – раздался ее голос. – Она пуста...

Когда лодка Сталлан ударилась о потерявшуюся лодку, та задрожала. Дрожь усилилась, когда Сталлан перепрыгнула с борта на борт. Пришлось и покричать, и поколотить, как следует, прежде чем беглянка отошла от берега. Возвращаясь на ней к спутницам, Сталлан безмолвствовала, но указующий жест ее был чрезвычайно красноречив.

Из толстой шкуры лодки что-то торчало. Сталлан нагнулась и потянула предмет, лодка содрогнулась от боли. Сердце Керрика отчаянно забилося, когда Сталлан показала всем находку.

– Стрела устузоу...

Сталлан ополоснула стрелу в речной воде, потом передала ее Вейнте'. Та pokrutila ee в руках; отвратительный смысл, заключенный в этом предмете, заставил ее содрогнуться от гнева и брезгливости. Она поглядела на Керрика, и мальчик отшатнулся, словно от удара.

– Узнаешь, не так ли? И я узнаю. Дело рук устузоу – на конце стрелы камень. Оказывается вокруг нас все еще бродят мерзкие устузоу! Мы убили не всех. Теперь мы исправим ошибку: погибнут все до единого. Найти их и уничтожить! Земля Гендаси велика, но вам, устузоу, в ней не спрятаться. Иилане' или устузоу! Конечно же, победят иилане'!

Раздалось громкое одобрительное шипение. Керрик с опаской подумал: как бы не начали убивать немедленно, прямо с него. Вейнте' хотела было выбросить стрелу, но опустила руку и задумалась. А потом с интересом поглядела на Керрика.

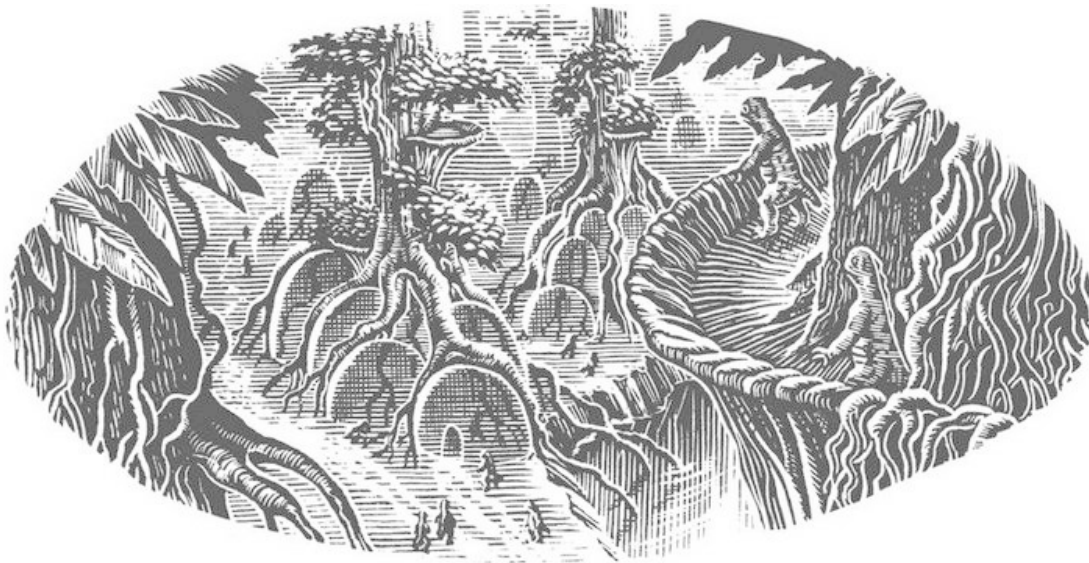
В гибели Сокайн и остальных должен быть смысл, подумала она. Потом она долго молчала, не шевелясь и не замечая ни Алакенси, ни прочих, словно вглядываясь в нечто, видимое только ей одной. Все терпеливо ждали. Наконец она заговорила:

– Ищи, Сталлан, пока не убедишься, что никто из них не заблудился. Возвращайся до темноты. Я немедленно отправлюсь в город. Я обязана там быть.

Всю обратную дорогу до Алпеасака она молчала. План был готов... Если бы она пошевелилась, то неминуемо выдала бы свои мысли. Только когда все оказались на пристани и уже поднимались на берег, она позволила себе пошевелиться. Вейнте' взглянула на широкую спину Алакенси и задумалась.

План и в самом деле был готов.

19

Отряд изыскательниц исчез бесследно. О трагической его судьбе свидетельствовала стрела. Вейнте' отправилась в свою комнату и там присоединила ее к прочим произведениям рук устузоу, хранящимся в сундуках, выращенных возле стены. А потом села на свой трон и послала за Ваналпе' и Сталлан. Вместе с ними явилась вездесущая Алакенси. Потом заглянул и Керрик, но тут же скрылся, повинувшись жесту. Сейчас у нее не было сил терпеть присутствие устузоу. Потом все трое долго совещались со Сталлан, советовались о том, что следует предпринять, чтобы подобное не повторилось. Нужно было расставить новые ловушки, увеличить число стражниц и впредь не высылать изыскательные отряды. Потом Вейнте' отпустила всех и велела войти одной из фарги, которую недавно произвела в помощницы: она разговаривала лучше всех.

– Скоро придет урукето. Я хочу, чтобы ты отправилась на нем обратно. Я хочу, чтобы ты вернулась в Инегбан и отыскала там Малсас<. Ты сообщишь ей то, что я сейчас тебе скажу. Ты произнесешь все именно так, как я. Ты поняла?

– Понимаю, эйстаа. Я выполню твой приказ.

– Вот это сообщение: «Приветствую тебя, Малсас<, я принесла тебе весть от Вейнте' из Алпеасака. Печальную весть, исполненную гнева и великой заботы. Несколько иилане' погибло. Убита Сокайн. Ее и других убили устузоу той же разновидности, что устроили побоище на родильном пляже. Мы не видели их, но уверены в этом. Мы нашли оружие из дерева и камня, которое они используют. Этим устузоу следует разыскать и уничтожить. Всех. Когда урукето вернется в Алпеасак, прошу тебя послать в нем много фарги, которые умеют стрелять, с хесотсанами и запасами игл. Я чувствую требование необходимости. Жизнь Алпеасака – в смерти устузоу».

Вейнте' умолкла, угнетенная мрачной правдой собственных слов, а фарги в страхе покачивалась, услышав ужасное сообщение. Но у Вейнте' было достаточно сил, чтобы справиться с печалью, и она одолела уныние. Потом велела фарги повторять сообщение, пока та не запомнила все слово в слово.

На следующее утро после отбытия урукето Вейнте' отправилась в свои покои и послала за Керриком. С тех пор как он в последний раз предстал перед нею, прошло много времени,

и теперь мальчик приближался к эйстаа не без страха. Но он беспокоился напрасно. Вейнте' даже обрадовалась его появлению – это было видно с первого взгляда.

– Инлену<! – позвала она, и рослая фарги послушно вышла вперед. – Ты будешь стоять в проходе, загораживать его своим телом, и кто бы ни подошел – не пропускай. Ты поняла?

– Они уходят.

– Так! Только скажи это громче.

– Уходите, приказывает Вейнте'!

– Теперь правильно. Выполняй.

Инлену< была хорошей стражницей: едва она встала в дверях, как по коридору зашлепали ноги. Вейнте' обернулась к Керрику и заговорила, как подобает эйстаа, отдающей приказы:

– А теперь ты расскажешь мне все об устузоу, о своих устузоу. Говори!

– Я не понимаю смысл твоих слов, эйстаа.

Заметив его страх и смятение, Вейнте' поняла, что вопрос слишком общий. Следует спрашивать поконкретнее.

– Как называется город устузоу?

– У устузоу нет городов. Этот город первый, который я увидел. Устузоу живут в... – Он тщетно подбирал нужное слово: в последний раз на марбаке он говорил так давно, что слова не шли на язык. Пришлось обратиться к описанию. – В непрочных сооружениях из шкур, развешанных на шестах. Их разбирают, а шесты перевозят большие мохнатые звери.

– Почему их разбирают? Зачем перевозят?

Керрик пожал плечами и мучительно заерзал, стараясь припомнить.

– Просто так делается. Охотишься на одном месте, рыбачишь в другом. Так это делается.

Дальнейшие расспросы позволили кое-что выяснить. Устузоу жили группами вроде той, которую иилане' перебили. Существовали и другие группы, сколько их – неизвестно. Давние детские воспоминания оказались весьма смутными. Наконец Вейнте' решила, что вопросов хватит, и движением руки остановила разговор. Теперь начиналась самая важная часть. Страхом и поощрением она заставит устузоу исполнить необходимое.

Тон ее переменялся, она говорила как эйстаа, властвующая над городом и жительницами.

– Ты знаешь, что я могу в любой миг убить тебя или приказать сделать это?

– Я знаю... – Мальчик задрожал, встревоженный резким изменением тона.

– Но я могу и возвысить тебя, и тогда ты не будешь вечно оставаться устузоу, нижайшим из низких. Тебе это понравится, не так ли? Будешь сидеть возле меня и приказывать, а другие будут работать за тебя. Я могу сделать это. Но и ты сделай кое-что для меня. Только ты можешь сделать это. И ты сделаешь для меня то, что можешь сделать только ты.

– Я выполню твое распоряжение, эйстаа, но я не понимаю, о чем ты говоришь. Я не понимаю твоих слов.

– Ты умеешь думать одно, а делать другое. Так ты поступил со Сталлан: сказал ей, что задыхаешься, а сам не задыхался.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду, – ответил Керрик с растерянным видом, жестами признавая свою глупость и несообразительность.

Вейнте' подошла к мальчику:

– Великолепно! Ты и сейчас это делаешь. Говоришь о том, что было, так, словно ничего не было. Признавайся, иначе я немедленно убью тебя.

Резкое изменение настроения Вейнте' ужаснуло Керрика. Острые зубы иилане' блестели прямо возле его лица.

– Да, я так делал, признаюсь. Чтобы убежать.

– Очень хорошо. – Она шагнула назад, опасность миновала. – Делать это умеешь только ты, и никто из иилане'. Мы назовем это ложью. Я знаю, что ты уже лгал мне и, без сомнения,

будешь лгать и в будущем. Предотвратить это я не могу, но Инлену< будет следить, чтобы новая ложь не позволила тебе убежать. Теперь, когда известно, что ты умеешь лгать, мы найдем должное употребление и для лжи. Ты будешь лгать в моих интересах. Ты сделаешь это для меня.

– Я сделаю, как прикажет мне эйстаа, – торопливо согласился Керрик, еще не совсем понимая, о чем речь.

– Правильно. Ты поступишь, как я прикажу. И не посмеешь уклониться от выполнения приказа. Иначе ты умрешь. Вот ложь, которую ты должен произнести. И ты должен говорить с волнением. Ты скажешь: «Смотрите, среди деревьев устузоу, я его видел!» Таковы будут твои слова. Теперь повтори.

– Там, среди деревьев, я видел устузоу!

– Неплохо. И не забудь этих слов. Но ты произнесешь их лишь тогда, когда я тебе прикажу. Я сделаю вот такое движение.

Керрик согласился. Выполнить приказ было несложно, хотя он и не понимал, зачем это нужно, но опасность ему грозила большая, а потому, возвращаясь в город, он старательно зубрил фразу и жесты.

...В последний раз Керрик видел Энге много дней назад. Он редко вспоминал о ней, увлеченный своей необычной свободой. Сперва он боялся выходить из камеры, даже радовался присутствию глупой Инлену<: в какой-то мере она обеспечивала его безопасность. Он очень быстро понял, как много ступеней содержит социальная структура общества иилане'. Скоро он догадался, что его место – наверху, раз все видят его рядом с эйстаа... он сидит возле нее. Для не имевших имени фарги это означало, что он высоко стоит над ними, и свое безыскусное уважение они выражали манерой обращения к нему.

Разгуливая по зеленым коридорам, он понял, как быстро втягивались в жизнь города фарги поумней, способные овладеть языком. Они готовили пищу, разделявали мясо, становились стражницами, начальницами рабочих отрядов, агрономами и так далее. О многих работах он даже не имел представления. С этими иилане' он разговаривал нейтрально, обращался с ними или как с равными, или так, словно они были только чуть ниже его. Против такого обращения не возражали.

Уважительно он разговаривал только с правительницами. В отличие от рода занятий положение их всегда было очевидным, ведь их всегда окружала стая помощниц и подручных, за которыми, в свою очередь, следовали усердные фарги, готовые услужить, чтобы отыскать себе место в иерархии города.

Вокруг было столько всего, но Керрику не хватало ежедневных визитов Энге. В этой муравьиной куче все были чем-то заняты, и он так часто хотел, чтобы она объяснила ему наиболее загадочные стороны жизни Алпеасака. Несколько раз он спрашивал о ней, но резкие ответы заставили его более не затрагивать эту тему. Впрочем, такая реакция только разожгла его интерес. Наедине Энге разговаривала с Вейнте' как равная. Почему же тогда нельзя упомянуть ее имя? Он гадал, отвергал собственные догадки, наконец спросил у Вейнте'. Эйстаа весьма определенно дала понять, что тему для разговора впредь будет определять только она сама.

...Керрик увидел Энге случайно. Он еще не успел отойти от амбесида – Вейнте' только что отпустила его, – когда фарги заволновались. Они о чем-то переспрашивали друг друга, а потом заторопились в одну и ту же сторону. Из любопытства он последовал за ними и увидел четверых иилане', несущих пятаю. В толпе он не мог подобраться поближе, но не стал просить расступиться, чтобы не привлекать к себе внимания. Он уже собирался уйти, когда все четыре иилане' возвратились. Теперь они не торопились и тяжело дышали. Кожа их была заляпана грязью, на ногах запеклась красная глина. Тут Керрик заметил среди них Энге. Он окликнул ее, и она обернулась. Выражая внимание, она молчала.

– Где ты была? – спросил он. – Я давно тебя не видел.

– Теперь мое знание языка больше тебе не нужно, наши уроки закончились. Я работаю теперь на новых полях.

– Ты? – В голосе мальчика слышалось изумление, разочарование и полное непонимание.

– Я... – Спутницы Энге тоже остановились, и она жестом велела им идти дальше. – Я должна возвратиться на работу.

Она повернулась и пошла, Керрик торопливо семенил рядом. Он очень хотел разгадать ее тайну, но не знал, с чего начать.

– Вы только что унесли одну из своих. Что случилось?

– Укусила змея. Их много там, где мы работаем.

– Но почему ты среди них? – На ходу их не могли подслушать, топавшую следом Инлену< можно было не брать в расчет. – Ты говоришь с эйстаа как равная, а выполняешь работы, подобающие только нижайшим из фарги. Почему?

– Это нелегко объяснить. Эйстаа запретила мне рассказывать об этом иилане’.

Сказав эти слова, Энге уловила их двусмысленность. Керрик не был иилане’. Она показала на Инлену<:

– Прикажи ей идти вперед.

Потом Энге повернулась к Керрику и заговорила с такой страстностью, которой он не предполагал в ней:

– Я попала в эти края, и они вместе со мной, потому что мы верим, а наши правительницы против нашей веры. Нам приказывали забыть про веру, но мы не можем. Когда обретешь истину, от нее нельзя отказаться.

– О какой истине ты говоришь? – спросил озадаченный Керрик.

– Это пламенная, тревожная правда. Ведь и весь мир, и все в нем суть большее, чем кажется с виду. Ты об этом никогда не думал?

– Нет, – с абсолютной искренностью ответил он.

– А надо бы. Но ты еще юн, и ты не иилане’. Ты был для меня загадкой, уже когда начинал говорить, и твое существование до сих пор озадачивает меня. Ты не иилане’, но ты и не зверь устузоу. И я не знаю, кто ты и какое место занимаешь в огромном миропорядке.

Керрик уже начинал жалеть, что встретился с Энге. В ее словах для него было немного смысла. И теперь, когда она начала этот разговор, не для него – ради себя, остановить ее было невозможно.

– Наша вера – истинная вера, ведь в ней есть сила, превосходящая понимание неверующего. Первой поняла это Угуненапса. Она всю жизнь преобразовывала свой разум, приносившаяся, чтобы понять. Трудно принести в мир новое, о существовании которого никто и не подозревал. Она рассказывала о своей вере другим – над ней просто смеялись. Эйстаа ее города узнала о ее странных повадках, и Угуненапсе пришлось предстать перед нею. Эйстаа велела ей говорить. И она говорила. О сути, что кроется в нас, которая позволяет нам говорить и отличает от бездумных животных. У животных нет этой сути, поэтому они не могут говорить. Речь просто голос того, что живет внутри. И эта вещь внутри – жизнь и одновременно – память о смерти. Животные не знают ни жизни, ни смерти. Они есть, а потом их нет. А иилане’ знают и жизнь, и смерть... и ты теперь тоже. Такова великая загадка, которая мне пока не по силам. Кто ты? Что ты есть? Какое место тебе предназначено?

Энге обернулась к Керрику, заглянула в его глаза, словно пытаясь отыскать в них ответ. Но ему нечего было сказать, и она поняла это.

– Когда-нибудь ты поймешь это, – проговорила она, – а пока ты еще слишком молод. Но я очень сомневаюсь, чтобы ты смог понять чудесное видение, дарованное Угуненапсе, явленную ей истину, которую она открыла остальным и доказала своей судьбой. Она прогневала эйстаа, приказавшую забыть ложные предрассудки и жить, как иилане’ жили от яйца времен. Угуне-

напса отказалась и тем поставила свою веру выше города, выше велений своей эйстаа. Увидев неповиновение, эйстаа лишила ее имени и прогнала из города. Знаешь ли ты, что это такое? Нет, не знаешь. Ни одна иилане' не может жить вне города, без имени, данного ей. Оставить город – значит умереть. От яйца времен отлученная от города иилане' умирает. Потрясение так велико, что иилане' теряет сознание, падает и умирает. Так было всегда.

Энге находилась теперь в странном приподнятом настроении, смешанном с восхищением. Остановившись, она взяла Керрика за обе руки и поглядела ему в глаза, стараясь выразить свои чувства.

– Но Угуненапса не умерла. И меня тоже отлучили от Инегбана, приказали умереть, но я осталась жива. И все мы живы, потому-то мы здесь. Они зовут нас Дочерьми Смерти, потому что считают, что мы продались ей. Но это не так. Сами мы зовем себя Дочерьми Жизни – и это верно. Ведь мы живем, когда другие умирают.

Высвободившись из ее прохладной и мягкой хватки, Керрик, отвернувшись, солгал:

– Я ушел слишком далеко. Мне запрещено забредать в поля. – Потянув за поводок, стараясь не смотреть в тревожные глаза Энге, он произнес: – Инлену<, возвращаемся.

Энге молча глядела ему вслед, потом повернулась и пошла прочь. Обернувшись, Керрик следил, как она неторопливо ступает по пыльной дорожке. Он озадаченно покрутил головой. Потом заметил поблизости апельсиновое деревце и потянул к нему Инлену<. Горло его пересохло, солнце палило, из каждых десяти слов Энге он понял не более одного. Он не понимал, что эта вера впервые за миллионы лет нарушила однородность общества иилане'. Быть иилане' значило жить, как положено иилане', остальное было немислимо. До сих пор.

Вооруженные стражницы, повсюду теперь стоявшие в городе, с любопытством следили, как Керрик обрывал с дерева спелые апельсины. Стражницы обеспечивали безопасность днем, ночью же входы перекрывали крепкие и прочные живые силки. Но стражницы целыми днями не видели никого, а в силки попадались только звери. Убийцы устузоу больше не возвращались...

За все то время, что урукето плыл через океан в Инегбан и возвращался обратно, нападения на город не произошло. Когда урукето прибыл, Вейнте' со свитой уже ждала его на берегу. Первой на берег ступила Эрефнаис, капитан. Она почтительно замерла перед Вейнте', склонясь перед ней, по обычаю.

– Я привезла тебе, эйстаа, личное послание Малсас<. Она озабочена свирепостью устузоу, и я должна наедине передать тебе ее слова. Она велела мне громко призвать всех к бдительности и копить силы для уничтожения устузоу. Для этого она прислала своих лучших охотниц с хесотсанами и иглами. Они горят желанием уничтожить эту угрозу.

– Все мы хотим одного, – ответила Вейнте'. – Иди рядом: я хочу слышать все новости Инегбана.

Новости были, и, уединившись с Вейнте' в ее покоях в присутствии одной только Алакенси, Эрефнаис рассказала:

– Зима была лютой. Некоторые животные погибли, но погода оказалась лучше, чем в прошлые годы. Вот дневная сторона того, что я должна сообщить. Теперь ночная – среди урукето случился мор. Погибло более половины. Они вырастали слишком быстро, слишком слабыми. Теперь мы выращиваем других урукето. Но ни этим летом, ни следующим жители Инегбана не смогут еще перебраться в Алпеасак.

– Трудные слова ты говоришь, – произнесла Вейнте'. Алакенси жестами выразила сожаление. – Тем более необходимо истребить устузоу. И ты должна возвратиться туда с известием о нашем росте, чтобы горечь речей исчезла с твоего языка. Тебе нужно взглянуть на модель. Алакенси, скорее прикажи фарги прислать сюда Сталлан.

Алакенси вовсе не радовалось, что ею распоряжаются, словно фарги, но, скрыв негодование, она отвернулась, чтобы передать приказ.

Когда они подошли к модели, Сталлан была уже там.

После смерти Сокайн Алпеасак не вырос, но ошетинился надежными укреплениями. Сталлан показала на новые терновые изгороди и посты, где теперь днем и ночью дежурили вооруженные иилане'.

– Какой толк от стражницы ночью? – обычным своим возмущенным тоном проговорила Алакенси.

– Очень небольшой, – вежливо и четко ответила Сталлан. – Но там безопасно, на постах есть нагреватели и плащи, и ночью стражницы отдыхают. Теперь им не надо каждый день проделывать дальний путь в город и обратно. С зарей они выходят на стражу и караулят до заката.

– Трудовые ресурсы, мне кажется, следует использовать разумнее, – недовольным тоном ответила недоверчивая Алакенси.

Вейнте' решила занять нейтральную позицию, это было непривычно – она всегда делала вид, что не слышит речей Алакенси.

– Быть может, Алакенси права. Нужно только чувствовать уверенность. Посмотрим сами, посмотри и ты, Алакенси, чтобы доложить Малсас< о принятых мерах.

Гуськом они шли по городу: Сталлан и Вейнте' впереди, остальные, в соответствии с рангом, следовали за ними. Неразлучный с Инлену< Керрик шагал за капитаном урукето. Следом шли помощницы и фарги. Моросил дождь, Вейнте' и кое-кто еще кутались в плащи. Керрик не стал надевать плащ, он наслаждался легким прикосновением капель.

Он внимательно запоминал дорогу через поля и живые калитки. Настанет день, когда он пройдет этим путем. Один. Он еще не знал, как все это произойдет, но был уверен в том, что это будет.

На краю последнего поля, возле леса, росли деревья. Со всех сторон роща была окружена терновником и лианами, свободным оставался только вход в укрепление. Сталлан показала на помост наверху, на иилане' с хесотсанами.

– Когда они здесь, никто не проберется, – сказала она.

– Удовлетворительно, – произнесла Вейнте', обернувшись к Алакенси. Та нехотя кивнула.

Вейнте' направилась было дальше, но Сталлан остановила ее:

– Здесь повсюду бродят всякие звери. Пусть впереди пойдут стражницы.

– Согласна. Но я эйстаа в Алпеасаке и хожу, куда мне угодно. Вместе со своими советницами. Пусть остальные останутся здесь.

Однако дальше они отправились, лишь когда вперед выступила цепочка внимательных стражниц с хесотсанами наготове. На дальней стороне рощи Сталлан показала ловушки и живые стены.

– Ты сделала хорошо, – одобрила Вейнте'. Алакенси начала было возражать, но Вейнте', не обращая внимания, обратилась к Эрефнаис: – Извести об этом Малсас<, когда вернешься. Алпеасак вне опасности, его охраняют.

Она повернулась и незаметно сделала условный знак Керрику. Он понял.

– Там!.. – крикнул он громко. – Там, на деревьях, я вижу устузоу!

Слова его звучали настолько убедительно, что все повернулись. И пока все смотрели в сторону деревьев, Вейнте' сбросила на землю плащ, под которым была спрятана деревянная стрела с каменным наконечником.

Крепко сжав ее обеими руками, чуть повернувшись, она воткнула ее в грудь Алакенси.

Это видел один только Керрик, не глядевший в сторону леса. Алакенси схватилась за стрелу пальцами, глаза ее широко открылись от ужаса. Она хотела что-то сказать – и осела на землю.

Тогда Керрик понял, зачем Вейнте' нужна была его ложь. И мгновенно крикнул:

– Стрела устузоу! Прилетела из леса! Сразила Алакенси!

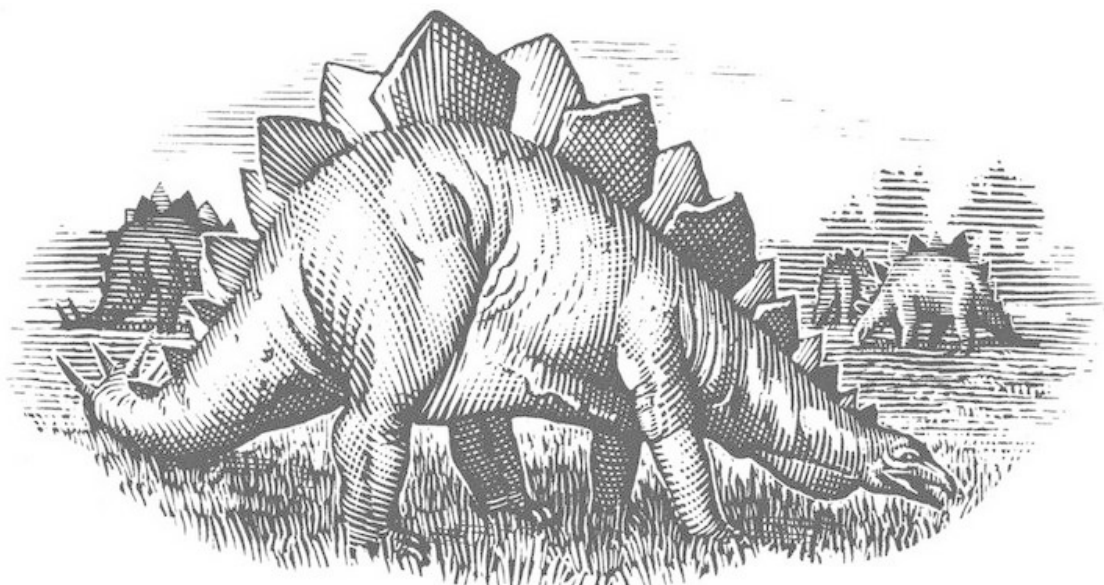
Возбужденная Вейнте' шагнула в сторону, тело ее напряглось, выдавая тревогу.

– Стрела из деревьев! – завопила Инлену<. Глупое создание всегда повторяло все, что слышало.

«Стрела! Устугоу! Алакенси!» – закричали все наперебой. Дело было сделано. Тело Алакенси поспешно унесли. Сталлан и Эрефнаис проводили Вейнте' в безопасное место.

С места происшествия Керрик ушел последним. Он еще раз поглядел на стену джунглей, близкую, но бесконечно далекую, потом подобрал поводок, тянувшийся от ошейника, и послушная Инлену< пошла за ним.

20

О смерти верной своей Алакенси Вейнте' горевала у себя в покоях. Так объявил появившийся оттуда Керрик беспокойно ожидавшим иилане'. Она не желала никого видеть. Уходя, все печалились. Лжец-мальчишка был великолепен. Вейнте', подглядывавшая и подслушивавшая через небольшое окошко в листве, дивилась этому дару, прекрасно понимая, как необходимо ей такое оружие. Ей пришлось прятаться, поскольку каждое движение ее выдавало торжество и радость. Никто не видел ее – она больше нигде не появлялась до отплытия урукето. К этому времени можно было уже не оплакивать погибшую, это не было в обычае иилане'. Кем была Алакенси, чем была Алакенси?.. Теперь ее не стало. Мертвое тело ей не принадлежало, с ним управились нижайшие из фарги, в чьи обязанности это входило. Вейнте' торжествовала. Живые будут жить, их жизни не только продолжатся – процветут... Скоро все об этом узнают.

Вейнте' приказывала, правительницы слушали, Керрик стоял в сторонке и наблюдал. В воздухе что-то носилось, это чувствовалось по позе Вейнте'. Появлявшихся она приветствовала по именам, чего раньше не делала.

– Ваналпе', выроставшая этот город из семени, ты здесь. Сталлан, хранящая нас от бед этого мира, ты здесь. Зхекак, знания которой служат нам, ты здесь. Акасест, дающая нам пищу, ты здесь.

И она говорила, говорила, пока все не собрались. Группа небольшая, но влиятельная – правительницы Алпеасака. В неподвижном молчании выслушали они обращенные ко всем слова Вейнте':

– Некоторые из вас прибыли сюда с первым урукето, когда города еще не было, другие позже, как я. Но теперь все мы трудимся, чтобы Алпеасак рос и процветал. Все помнят о

трагедии, случившейся в день моего прибытия в город, – об убийстве самцов и молодняка. Мы отомстили: совершившие преступление устузоу мертвы – подобное не повторится. Наши родильные пляжи теперь в безопасности, их охраняют, но там тепло и... пусто.

Когда она произнесла эти слова, вокруг словно пробежал ветерок – собравшиеся зашевелились. Только Керрик застыл, внимательно слушая и со страхом ожидая следующих слов Вейнте’.

– Да, вы правы, пришло время. Золотые пляжи должны принять жирных и ленивых самцов. Время. Начнем.

За все время своего пребывания в Алпеасаке Керрик еще не видел подобного возбуждения. Иилане’ громко разговаривали и смеялись на ходу, непривычно спешили. Озадаченный, он следовал за ними по городу до входа в ханане, огражденное место, где жили самцы. Стражница Икеменд отступила в сторону, энергично приглашая всех жестами и пропуская входивших. Керрик направился было следом, но потянувшийся поводок остановил его. Инлену< стояла молчаливая и неподвижная, как скала, и он напрасно тянул поводок. За его спиной хлопнула запираемая дверь.

– Что там случилось? Говори, я приказываю! – сказал он раздраженно.

Инлену< обернулась, обратив к нему пустые глаза.

– Не мы, – проговорила она. И повторила: – Не мы.

Больше он ничего не сумел из нее выжать. Некоторое время он еще думал о странном событии, а потом забыл – разве можно упомянуть все тайны этого города?

Он потихоньку изучал Алпеасак, все было ему интересно. Поскольку каждая иилане’ знала, что он сидит возле эйстаа, ему никто не препятствовал. Покинуть город он не пытался, этому помешали бы стражницы и Инлену<, но где только было возможно, он побывал. Это было естественно, так вели себя все дети его саммада. Но теперь о прежней жизни он вспоминал все реже и реже, ведь ничто не напоминало ему о ней. Он уже давно приспособился к спокойному течению дней иилане’.

Все дни начинались одинаково. Город начинал пробуждаться с первыми лучами солнца. Как и все прочие, Керрик по утрам умывался, но, в отличие от остальных, он с утра чувствовал жажду и голод. Иилане’ же ели только один раз в день – иногда даже пропускали несколько дней, – тогда же и пили вволю.

С Керриком все обстояло иначе. Сначала он выпивал водяной фрукт, быть может невольно вспоминая те краткие дни, что провел среди охотников. А потом съедал припасенные с вечера фрукты. Если находились важные дела, он поручал раздобыть фрукты фарги, но если было возможно, предпочитал заниматься этим сам. Фарги, как их ни учи, всегда приносили раздавленные или подгнившие плоды. Они думали, эти круглые шары – корм для зверей, которым все равно, что есть. Когда он принимался за еду, рядом вечно оказывались фарги. Они всегда собирались около него, тупо глядели и переговаривались, пытаясь понять, чем он занят. Самые отважные надкусывали апельсин, а потом выплевывали, что всегда развлекало собравшихся. Керрик поначалу пытался отсылать фарги: присутствие их раздражало его, – но они непременно возвращались. Потом он привык к их докучливому вниманию и едва замечал его, как подобает иилане’, и отсылал фарги только тогда, когда разговор заходил о чем-нибудь важном.

Понемногу он стал замечать в явном хаосе, царившем в Алпеасаке, строгий контроль и порядок. Если бы он был склонен к обобщениям, то удачнее всего было бы сравнить сновавших по городу иилане’ с кишашими муравьями в подземных ходах. Как будто бездумная суета... но на самом деле четкое разделение труда; работники собирали пропитание, няньки нянчили молодняк, когтистые стражи охраняли «муравейник», и сердце всего – царица, хранившая весь этот ручей жизни, обеспечивающий существование «муравьиного городка». Сравнение пусть и не совсем точное... но ведь Керрик был только мальчишкой, которому приходилось

приспосабливаться к невероятным условиям жизни, – поэтому ему было не до сравнений, и он, не замечая, давил муравьев босыми ступнями.

Часто с утра он выходил вместе с фарги, которых гуртовщицы посылали за фруктами в роши, окружавшие город. До полуденной жары занятие было приятным, его растущее тело требовало нагрузки. Он ходил быстро или бегал – следом тяжело топала Инлену<. Ему приходилось часто останавливаться, когда она перегревалась и отказывалась следовать дальше. Обливаясь потом, он чувствовал свое превосходство: он даже не начал уставать, а самая сильная из иилане' уже выдохлась.

Город окружали роши и зеленые поля, они чередовались в бесконечном разнообразии. Ассистентки Ваналпе' и их помощницы неустанно выводили новые растения и деревья. Одни из новых фруктов и овощей были восхитительны, другие отвратительно пахли и на вид были не менее скверными. Керрик перепробовал все: иилане' не выращивали ядовитых растений.

Все это растительное изобилие служило кормом большому числу животных. Керрик не представлял себе причин консерватизма иилане', их миллионнолетней культуры, обращавшейся к нововведениям в последнюю очередь – если они не угрожали стабильности и непрерывности существования. Будущее должно было быть во всем подобным прошлому, стабильным и неизменным. Осторожные манипуляции с генами являли миру новые виды, но ни один из существовавших не был уничтожен. В лесах и джунглях Гендаси попадались удивительные, не известные никому животные, восхищавшие Ваналпе' и ее помощниц. Большая часть их была знакома Керрику и не интересовала его. Сам же он любил наблюдать за огромными безмозглыми холоднокровными существами, которых привык звать мургу – марбакское слово, он уже почти забыл его вместе со всеми остальными.

Как Алпеасак был отростком Инегбана, так и жизнь старого света процветала в новом мире. Часами Керрик мог наблюдать за трехрогими ненитесками, бездумно щипавшими траву и утолявшими беспрепятственный голод. Бронированные шкуры и толстые костные воротники когда-то защищали этих животных от хищников... Последние вымерли миллионы лет назад; быть может, их еще в небольшом числе содержали в самых древних городах Энтобана. Но наследственная память об опасности до сих пор была впечатана в крохотные мозги гигантов, иногда они принимались кружить, цепляя землю рогами, если им чудилась какая-то опасность. Но такое случалось редко, в основном они стригли подлесок, поглощая ежедневно огромное количество веток и листьев.

Керрик медленно и осторожно подбирался к огромным тварям поближе, тогда они не видели в нем опасности. Шкуры их были изборождены глубокими морщинами, по ним сновали небольшие пестрые ящерицы, выедавшие паразитов из складок кожи. Однажды, несмотря на беспокойство Инлену<, то и дело тревожно дергавшей за поводок, он осмелился подобраться поближе и потрогать прохладную грубую кожу. Результат был неожиданным – он вдруг вспомнил, как другой огромный серый зверь, мастодонт Кару, задрал хобот, посыпал себя песком, кося ясным глазом на Керрика. Видение тут же исчезло, перед мальчиком вновь возникла серая стена – шкура ненитеска. Он вдруг возненавидел это существо, бесчувственное, как камень, глупое и неповоротливое. Повернувшись спиной, он уже решил уходить, но ненитеск по какой-то причине разгневался на соседа, и, тяжело топая, гиганты столкнулись, ударяя рогами о костяную броню. Керрик с удовольствием смотрел, как колоссы топтали деревца и вырывали из земли комья, медленно успокаиваясь.

Керрик не любил бывать на бойне, где каждый день убивали и разделяли зверей. Убивали их быстро и безболезненно. Стражница у входа расстреливала приведенных животных. Упавших оттаскивали во двор громадные звери, очень сильные и глупые, безразличные к тому, что им приходилось ходить по крови, которая лилась рекой. Еще теплые туши свеживали и резали на куски, потом бросали в баки с энзимами. Успев привыкнуть к полупереваренному мясному желе, Керрик все-таки хотел бы вовсе забыть о процессе его приготовления.

Лаборатории, где трудились Ваналпе' и Зхекак, не были интересны мальчику, там ему было скучно, и Керрик редко приходил туда. Он предпочитал долго разглядывать постоянно совершенствующуюся модель города... или разговаривать с самцами. Их он обнаружил, когда его прогнали от родильных пляжей. Туда пускали только стражниц и прислугу. Судя по тому, что можно было разглядеть сквозь терновую изгородь, на пляжах было невероятно скучно. Жирные самцы вечно валялись под солнцем.

Но в ханане самцы вели себя иначе. К этому времени Керрик успел уже забыть глубочайшее удивление, когда он впервые узнал, что все иилане', даже ужасная Сталлан, были самками. Теперь он воспринимал все как факт, давно позабыв о роли мужчин и женщин среди тану. Его просто заинтересовала часть города, в которой он еще не бывал.

Когда его несколько раз прогнали от ханане, он пожаловался Вейнте'. Она развеселилась, и он не мог понять почему. Потом она решила, что, как самца, его туда можно пустить. Но раз Инлену< туда хода не было, то для него тоже. Керрик долго искал выход и наконец нашел его. Он входил в дверь и закрывал ее за собой. Инлену< оставалась снаружи.

Но он мог находиться только возле двери, и внутренняя часть ханане была для него недоступна. Впрочем, это было неважно. Самцы сами подходили к нему, радуясь новизне, нарушающей однообразие их существования.

Внешне отличить самцов от самок Керрик не мог. Он был еще слишком юн и не придавал этому значения.

Многие из самцов задавали ему вопросы, вступали в разговор, но только Алипол спешил поздороваться всякий раз, когда мальчик появлялся. Старшей над ханане была Икеменд, но жизнью внутри него заправлял Алипол. В Инегбане на этот важный и ответственный пост выбрали именно его. Он был много старше всех остальных. А еще Алипол был художником, о чем Керрик даже не догадывался. Это выяснилось, когда однажды Керрик не обнаружил его и спросил о нем у другого самца.

– Алипол, как всегда, занят своим искусством, – ответил тот и поспешил прочь.

Керрик не понял: самцы по большей части изъяснялись еще примитивнее, чем фарги, – слово это было как-то связано с красотой, с созданием новых предметов. В тот день Алипол так и не вышел к нему, и во время следующего визита Керрик дал волю любопытству.

– Искусство – вещь величайшей важности, быть может, самая важная на свете, – сказал Алипол. – Только глупые молодые самцы еще не знают об этом, а жестокие самки даже не догадываются о его существовании.

Алипол, как и остальные самцы, всегда так отзывался о самках – со страхом и уважением. Керрик этого не понимал. Ему не объясняли, а он и не спрашивал.

– Пожалуйста, расскажи мне, – с любопытством попросил Керрик.

Алипол воспринял его слова с некоторым подозрением.

– Редкое отношение... – произнес он – и решился. – Останься. Я покажу тебе, что я делаю. – Он тронулся было с места, потом остановился. – Ты когда-нибудь видел ненитеска?

О ком именно шла речь, Керрик не понял, но сказал, что уже видел огромных зверей. Алипол ушел и вернулся с предметом, поразившим Керрика. Радости Алипола не было границ.

– Ты видишь то, чего не замечают другие, – сказал он. – У них нет глаз, нет понимания.

Четырьмя большими пальцами Алипол бережно держал изображение ненитеска. Ярко поблескивавшая фигурка казалась сплетенной из солнечных лучей. Красными бусинками горели глаза, блестел каждый изгиб хвоста и рогов, толстых лап. Наклонившись поближе, Керрик заметил, что крошечная фигурка сделана из тонких нитей какого-то блестящего материала. С любопытством он прикоснулся пальцем – поверхность оказалась твердой.

– Что это? Как ты это делаешь? Я еще не видел ничего подобного.

– Спелл из проволоки, серебряной и золотой. Эти металлы никогда не тускнеют. А глаза – это крошечные самоцветы, которые я привез из Инегбана. Там их находят в ручьях и на берегах рек. Я умею полировать их.

Алипол показал Керрику и остальные свои изделия, которые казались мальчику чудом. Керрик восхищался искусством мастера и страстно хотел получить одну из фигурок, но не осмелился попросить, чтобы вдруг не нарушить складывавшуюся дружбу.

Город рос и процветал, оставалась одна проблема. Устузоу. В дождливые месяцы, когда на севере было холодно, город тщательно охраняли со всех сторон. А когда на север возвратилось тепло, Сталлан повела отряды вдоль побережья на север. Только однажды им попалась большая группа устузоу – они убили всех, кто не сумел убежать. Один раз в город привезли раненого грязного пленника. Вместе со всеми Керрик отправился поглядеть на чумазое, укутанное в меха существо и не почувствовал абсолютно ничего общего с ним. Устузоу был без сознания и скоро умер. Непрерывавшиеся стычки между иилане' и устузоу больше не вызывали в городе никаких толков. Столкновения происходили вдалеке, они были делом Сталлан и ее подручных.

Времена года в Алпеасак не отличались друг от друга, и ход времени трудно было заметить. Город медленно рос, словно растение или животное; он поглощал леса и джунгли и наконец занял все обширное пространство между рекой и морем. Сообщениям из Инегбана не придавали значения, как дальней грозе или урагану на другом краю света. Последние зимы выдались достаточно мягкими, так что некоторые иилане' уже начали надеяться, что холодные зимы закончились, хотя разбиравшиеся в погоде ученые настаивали, что тепло возвратилось ненадолго. Все толковали об изменениях температуры воздуха и воды, отмеченных на летней станции в Тескхете, напоминали о зловещем увеличении числа прожорливых устузоу, которых холода прогнали с севера, из краев, где им положено жить.

В Алпеасак всем этим рассказам не уделяли особого внимания. Подрастали новые урукето, – это было приятно, ведь однажды Инегбан явится в Алпеасак и город обретет полноту. Однажды... А до того следовало сделать многое, и солнце грело по-прежнему.

На взгляд Керрика, здесь царило вечное лето, не было даже осени, а про зиму и снег он и думать забыл. Со своего почетного места возле эйстаа он следил, как растет город, и сам рос вместе с ним. Память о прежней жизни потускнела, почти все забылось, и лишь иногда сны что-то напоминали ему. Умом, пусть не телом, он стал иилане', и никто не осмеливался теперь утверждать обратное в его присутствии. Он не был теперь устузоу и Экериком. Теперь Вейнте' произносила его имя иначе, и каждая иилане' следовала ее примеру. Он теперь был не Экерик, глупый и медленный. Он был Керририк, что значило «приближенный».

Имя ему действительно было необходимо: он стал ростом с иилане', а потом перерос их. Волос на теле его прибавилось, а когда унутакх умер, по всей видимости от ожорства, его снабдили еще более крупным и прожорливым. Но если нет зимних холодов, как узнать, что окончился старый год? Весенняя зелень не возвещала теперь начала нового года. Нечем было измерять время.

Керрик не знал, что ему уже пятнадцать лет, когда Вейнте' в очередной раз призвала его.

– Утром, когда отплывет урукето, я отправлюсь на нем в Инегбан.

Керрик знаками выразил общий интерес, не более, хотя при этом солгал и словами выразил печаль по поводу расставания. Что есть Инегбан? Только слово.

– Грядут изменения. Когда достигнут зрелости молодые урукето, через лето, самое большое через два, Инегбан оставят. Там так боятся будущего и перемен, которые оно несет, что и думать не хотят о наших вполне существенных проблемах. Они слышать не желают об устузоу, что угрожают нам, и о Дочерях Смерти, которые высасывают наши силы. Меня ждут огромные труды. И ты должен помочь мне. Поэтому я беру тебя с собой в Инегбан.

Теперь Керрику действительно стало интересно. Отправиться на урукето через океан в неизвестный город... Он испугался и обрадовался одновременно. Вейнте' заметила это: в смятении он забыл про ложь.

– Ты привлечешь всеобщее внимание, и тогда я сумею убедить всех сделать необходимое. – Она с сомнением поглядела на него. – Но теперь ты стал слишком похож на иилане'. Придется напомнить им, что ты был устузоу и остался им.

Она подошла к отверстию, в которое много лет назад убрала небольшой нож, и достала его оттуда. Зхекак, осмотрев примитивную вещицу, объявила, что сделана она из метеоритного железа, и нанесла антикоррозионное покрытие. Передав нож Этдиирг, своей первой помощнице, Вейнте' приказала повесить его на шею Керрика. Этдиирг воспользовалась куском витой золотой проволоки, обвив ее вокруг блестящего железного ошейника. А фарги у входа слушали и смотрели.

– Странный предмет можно посмотреть и второй раз, – сказала Вейнте', протянув руку, чтобы прижать торчавшие концы проволоки. Пальцы ее впервые за много лет прикоснулись к коже Керрика, и она с удивлением ощутила тепло.

Керрик без всякого интереса глядел на тусклое лезвие, уже ничего не напоминавшее ему.

– Устузоу облачаются в шкуры, это все знают. Когда тебя принесли сюда, на тебе была эта шкура.

Она дала знак Этдиирг, и та достала из свертка гладкую оленью шкуру. Фарги с неудовольствием затрещали, Керрик отодвинулся.

– Прекратить! – приказала Вейнте'. – Шкура выделана и простерилизована, обработка будет производиться ежедневно. Этдиирг, убери мешочек и приспособь вместо него шкуру.

Тут Вейнте' приказала всем фарги выйти, а Инлену< встать в проходе: она вдруг вспомнила, почему возникла необходимость в мешочке.

Этдиирг сняла мешочек и попыталась обвязать Керрика оленьей шкурой, но завязки оказались не там, где нужно. Отойдя в сторонку, Этдиирг стала возиться со шкурой, а Вейнте' с интересом поглядела на Керрика. Он изменился, вырос и казался теперь ей привлекательным в своем уродстве. Подойдя к нему, она опустила вниз руку. Керрик поежился от холодного прикосновения. Вейнте' рассмеялась:

– Ты самец и похож на наших самцов. Только у тебя один, а у них два, но ты реагируешь как положено.

Керрику было неприятно, он попытался отстраниться, но она удержала его.

Агрессивная, как все самки иилане', Вейнте' возбудилась. Керрик пытался вырваться.

Он не понимал, что происходит. Но Вейнте' знала прекрасно. Она была эйстаа, и ей дозволены были любые поступки. Привычным движением она швырнула его на пол и уселась сверху. Этдиирг с интересом наблюдала.

Кожа ее холодила, но ему было странно тепло, а потом все и произошло. Что именно, он не понял – прежде с ним еще не случалось ничего более восхитительного.

21

– С уважением передает Эрефнаис, – трепеща от усердия, сообщила фарги, медленно и осторожно выговаривая слова, – погрузка закончена. Урукето подготовлен к отплытию.

– Выступаем! – объявила Вейнте'. Повинуясь ее движению, Этдиирг и Керрик шагнули вперед. Она оглядела собравшихся правительниц Алпеасака и заговорила официальным тоном: – Вверяю вам город до своего возвращения. Содержать его правильно. Оправдайте мое доверие.

Она повернулась и направилась к причалу. Керрик и Этдиирг шагали в почтительном отдалении. Керрик давно уже научился контролировать свои чувства и казался таким же невозмутимым, как и все остальные. На самом же деле его раздирали противоречивые эмоции. Он и ждал путешествия, и опасался, что настанет конец приятной и размеренной жизни. И еще вчера... Он до сих пор не мог понять, что случилось с Вейнте'. И что вызвало такое всепоглощающее чувство? Случится ли подобное вновь? Он надеялся на это! И все-таки что это было?

Все воспоминания о физических страстях тану, о различии между полами, о занятых тайных забавах старших мальчиков, даже об удовольствии, испытанном им от прикосновения к юному телу Исель, давно уже улетучились. Все было задавлено и забыто – так старался он выжить среди иилане'. Самцы в ханане никогда не толковали о своих взаимоотношениях с самками или же просто никогда не делали этого в его присутствии. Инлену< в этих вопросах не разбиралась. Так, не зная о сексуальности как тану, так и иилане', он лишь гадал над этим.

Когда процессия подошла к гавани, небо уже посветлело. Энтиисенаты, возбужденные предстоящим путешествием, выпрыгивали из воды и плюхались обратно, взбивая пышную пену.

На борт Керрик поднялся последним. Ход в высоком плавнике вел в тускло освещенное помещение. Пол под ногами дрожал, мальчик споткнулся и упал. Путешествие началось...

Новизна быстро приелась, смотреть здесь было не на что, делать тоже ничего не приходилось. Большую часть живого корабля занимали ни живые ни мертвые туши оленей и сталакелы. С огромными клювами и маленькими передними лапками, сталакелы были сложены в штабеля. Олени глядели на Керрика пустыми глазами – это было хорошо видно в свете люминесцентных полосок. Ему все казалось, что звери зовут на помощь. Они ведь не могли даже пошевелиться.

Он просто приписывал им собственные чувства. Замкнутое пространство давило, и он стискивал кулаки от страха, усугублявшегося бесконечным, как ему казалось, штормом.

Плавник урукето оставался сомкнутым, и воздух внутри становился спертым и влажным.

В темноте иилане' становились вялыми и много спали. Лишь одна или две по очереди караулили. Однажды мальчик попытался заговорить с дежурной, но она не ответила, поскольку все внимание ее было поглощено компасом.

...Когда шторм окончился и волны улеглись, Керрик спал. Разбудил его хлынувший вниз прохладный соленый воздух. Иилане' зашевелились, потянулись к плащам, но ему свежий воздух и яркий свет доставляли только удовольствие. Он дергал за поводок, пока наконец ленивая Инлену< не проснулась и не натянула на себя плащ, а потом перетащил ее поближе к отверстию в плавнике. Быстро вскарабкавшись по выступам наверх, он оказался возле Эрефнаис, которая стояла, завернувшись в большой плащ. Насколько позволял поводок, Инлену< осталась внизу. Керрик приник к плавнику и глядел то на бежавшие навстречу зеленые волны, то на белую пену за спиной урукето и хохотал, когда соленые брызги попадали ему в лицо. Все было так необычно, удивительно и тревожно. Прорезая облака, солнечные лучи освещали раскинувшееся до горизонта море. Он ежилась, обняв плечи руками, но не уходил. Эрефнаис обернулась и заметила его.

– Ты замерз. Иди вниз. Возьми плащ.

– Нет, мне так нравится. Теперь я понимаю, почему вы пересекаете море в урукето, – с подобными ощущениями ничто не сравнится.

Эрефнаис жестом выразила удовольствие.

– Немногие это понимают. Если теперь лишит меня моря, я буду чувствовать себя очень странно.

Слово «странно» сопровождалось жестами огорчения, отчаяния, даже легким намеком на смерть. Шрам на спине мешал капитану выразиться точно, но чувства ее и без того были очевидны.

В небе парили морские птицы. Эрефнаис показала на них:

– Сейчас мы не так далеко от земли. Видишь, темная линия на горизонте. Берег Энтобана.

– Я слышал это слово, но не понимал его смысла.

– Это огромная суша, это дом иилане'. Здесь полно городов, здесь поля их смыкаются.

– Мы плывем туда?

Эрефнаис кивнула:

– На северное побережье. Сначала через пролив, известный под названием Генагле, в теплые воды Анканаала, на берегах которого находится Инегбан. – В голосе ее звучала радость. – Радуйся, что сейчас середина лета, город не знал еще более суровой зимы. Посевы погибли. Животные тоже. С севера приходили звери, нападали на стада. А однажды с неба выпала твердая вода, она белым слоем укрыла землю, а потом растаяла.

Твердая вода – это было понятно, но как она называется? И, не успев задать вопроса, Керрик на миг представил себе покрытые снегом горы. Он потер глаза, потом поглядел на море и постарался все позабыть. Твердая вода... Она не стоила внимания.

– Мне холодно, – сказал он наполовину правду, наполовину ложь, – вернусь в тепло...

...Утром Керрика разбудил солнечный свет. Теплый воздух струился внутрь открытого плавника.

Мальчик быстро поднялся наверх, к Вейнте' и Этдиирг. Вид их обеих удивил его, но они молчали, а по опыту он знал, что лучше не спрашивать. Вейнте' этого не любила. Искося он поглядел на нее. Лоб и острые скулы иилане' были разрисованы красными линиями и завитками. У Этдиирг на лбу узоров не было, но руки ее словно охватывали черные лианы, оканчивавшиеся листьями на тыльных сторонах ладоней. Керрику еще не приходилось видеть

разукрашенных таким образом иилане', но он сдержал любопытство и все глядел на берег, неторопливо проплывавший совсем рядом; зеленые, поросшие лесом холмы возвышались над синими водами.

– Инегбан... – сказала Этдиирг, выражая при этом целую гамму чувств.

Леса перемежались полями, на них чернели силуэты пасущихся зверей. За острым мысом открылась большая гавань. На берегах ее лежали пляжи Инегбана.

Керрик, которому Алпеасак казался краем чудес, теперь увидел настоящий город и дал волю своим чувствам, к огромному удовольствию Вейнте' и Этдиирг.

– Когда-нибудь таким станет и Алпеасак, – сказала Вейнте', – ведь Инегбан рос на этом месте от яйца времен.

– Алпеасак будет еще более великим, – со спокойной уверенностью сказала Этдиирг. – Таким сделаешь его ты, Вейнте'. Перед тобой – новый мир, и ты начала строить. Ты справишься с этим.

Вейнте' не отвечала... Но и не возражала.

...Когда урукето подходил к внутренней гавани, Эрефнаис поднялась на верх плавника, подозвала к себе остальных и стала отдавать приказы. Огромное существо замедлило ход, потом остановилось, замерев в прозрачной воде. Два энтиисената поплыли было вперед, но резко повернули назад, от плавучего бона из больших бревен. Они не имели никакого желания прикасаться к жгучим щупальцам медуз, облепивших бревна. Так они метались взад и вперед, ожидая, пока распахнутся ворота гавани и пропустят их внутрь, где их ожидала еда – уже обработанная, – которой они жаждали. Задержка случилась из-за того, что из гавани выводили урукето. Еще не выросшие до нормальных размеров, не до конца обученные существа повиновались с трудом. Когда с ними управились, еще один урукето медленно растворил ворота, и энтиисенаты бросились внутрь. Их собственный урукето неторопливо поплыл следом.

Керрик замер, открыв рот. Огромный причал был заполнен ожидавшими их прибытия иилане'. За ним вздымались стволы древних деревьев – их ветви и вершины словно вонзались в небо. По уходящему от пристани путепроводу можно было бы прогнать урукуба. Заполнившие его иилане' расступились, пропуская небольшую процессию. В голове ее четыре фарги несли какое-то сооружение, сделанное из плавно изогнутых жердей и завешенное цветастыми тканями. Назначение его выяснилось сразу же, как только фарги осторожно опустили его на землю и присели рядом на корточки. Из-под ткани показалась рука – и на землю ступила иилане', блиставшая великолепием золотых узоров на лице. Вейнте' немедленно узнала ее.

– Гулумбу, – произнесла она, тщательно сдерживая эмоции и позволяя себе показать лишь крохотное неудовольствие. – Я давно знаю ее. Значит, это она теперь сидит возле Малсас<. Встретим ее.

Прибывшие уже высадились и дожидались медленно приближавшуюся Гулумбу на причале. Она смиреннейшим образом приветствовала Вейнте', обратила внимание на Этдиирг и медленно скользнула невидящим взглядом по Керрику.

– Приветствую вас в Инегбане, – произнесла она. – Добро пожаловать, Вейнте', строительница Алпеасака, что за бурным морем, в свой собственный дом.

– Как поживает Малсас<, эйстаа нашего города? – отвечала Вейнте' столь же официально.

– Она приказала мне приветствовать тебя и проводить к себе на амбесид.

Пока они переговаривались, паланкин унесли. Вейнте' и Гулумбу пошли рядом, возглавив направлявшееся в город шествие. В числе прочих за ними в молчании следовали Керрик вместе с Этдиирг – таков был обычай.

Керрик смотрел на все круглыми глазами. От широкого путепровода отходили другие, столь же широкие. Они были забиты иилане', и не ими одними – в толпе бегали небольшие существа с острыми когтями и пестрыми чешуйками. В стволы самых крупных деревьев были врезаны ступени, ведущие к балконам, с которых глазели иилане' с раскрашенными телами.

Под одним из таких древесных обиталищ, что было побольше остальных, стояли вооруженные стражницы.

Некоторые иилане' были внешне похожи на самцов: они двигались и сбивались в группы точно так же. Это наверняка и были самцы.

Иилане' показывали на Керрика и отрывисто спрашивали друг друга о странной персоне.

Были там и иилане', каких он еще не видел, лишь в половину обычного роста. Они стояли группами, пропуская идущих, озабоченно озирались и молчали. Керрик притронулся к руке Этдиирг и вопросительно показал на них.

– Нинсе, – пренебрежительно проговорила она, – иилелбе.

«Безответные, тупицы». Керрик понял. Они явно не умели разговаривать и ничего не понимали, когда к ним обращались. Неудивительно, что их звали безответными. Этдиирг более ничего не пояснила, и он отложил вопросы до подходящего момента.

Амбесид оказался такой величины, что противоположной стены не было видно за волнованной толпой. Но перед процессией все расступились, и прибывшие проследовали к почетной солнечной стене, где на помосте, занавешенном мягкими тканями, среди советниц отдыхала Малсас<. Эйстаа блистала великолепием золотой и серебряной раскраски на лице и руках, золоченые завитки украшали ее сухое безгрудое тело. Она разговаривала с помощницей и, казалось, не замечала гостей, пока те не оказались перед нею. Тщательно выбрав момент, чтобы приветствие не превратилось в оскорбление, и твердо помня, кто есть кто, она повернулась, заметила Вейнте' и подозвала к себе. Иилане' расступились, чтобы эйстаа могли поприветствовать друг друга.

Керрик озирался и почти не слушал, о чем говорилось. Он перепугался, когда к нему подошли две иилане' и схватили за руки. Они потянули его за собой, он испуганно взглянул на Вейнте', но она дала знак не сопротивляться и следовать за ними. Выбора не было. Его влекли прочь, и он покорился, а Инлену< послушно последовала за ними.

Поблизости от амбесиды находилось странное сооружение. О размере его судить было трудно: оно полностью укрывалось за деревьями города. В обе стороны от входа расходились панели из какого-то прозрачного материала, разделенные древесными стволами. Прочные на вид двери были сделаны из того же материала, на поверхности их не было ни ручки, ни углублений. Не выпуская руки Керрика, одна из иилане' надавила на упругую грушу у двери. Через некоторое время дверь отворилась, из нее выглянула фарги. Керрика втолкнули внутрь, Инлену< следом за ним. Дверь закрылась.

– Сюда, – произнесла фарги, обращаясь к Инлену<, словно Керрика и не было здесь, и пошла вперед.

Все было необычно. Короткий коридор, облицованный тем же прозрачным материалом, вел к другой двери. За ней была еще одна дверь, следующая комната была поменьше. Там фарги остановилась.

– Опустите глазные мембраны, – обратилась она к Инлену<, прикрыв глаза прозрачными защитными пленками.

А потом, растопырив большие пальцы, потянулась к лицу Керрика, чтобы опустить ему веки.

– Я слышал, – ответил тот, отмахиваясь, – убери свои грязные лапы от моего лица.

Открыв рот от изумления, фарги выслушала его слова и не сразу отреагировала.

– Важно, чтобы глаза были закрыты, – наконец произнесла она, зажмурилась и нажала красный выступ на стене.

Керрик едва успел закрыть глаза, как сверху на него обрушился поток теплой воды.

Капли затекли в рот – вкус был едкий и горький. Он плотно сжал губы. Душ прекратился, но фарги опять повторила:

– Глаза закрыты.

На них дунул ветер, быстро высушивший кожу. Керрик нерешительно открыл глаза. Фарги приподняла глазную мембрану и, когда увидела, что глаза мальчика открыты, подтолкнула его к последней двери – в длинную комнату с невысоким потолком.

Для Керрика все здесь было странным. Ничего подобного он еще не видел. Полы, потолки и стены – все было сделано из того же прочного материала. Солнечный свет просачивался сверху сквозь прозрачные панели, на полу дрожали тени листьев. Вдоль дальней стены протянулось возвышение, уставленное совершенно непонятными предметами. С ними возились иилане', даже не отреагировавшие на появление чужих.

Ничего не говоря, фарги оставила их. Инлену<, как всегда, не интересовалась ничем, отвернулась и села на толстый хвост.

Наконец их заметили. Одна из работавших что-то сказала толстой иилане', с многозначительным видом разглядывавшей небольшой квадрат. Та повернулась, заметила Керрика и, громко топая, подошла поближе. У нее не было одного глаза, опавшая глазница сморщилась, оставшийся же был выпучен, словно от усердия, – так старался он работать за двоих.

– Эссаг, посмотри! – громко крикнула она. – Посмотри-ка, что нам прислали из-за моря!

– Очень странное создание, – вежливо ответила Эссаг, – но все-таки похожее на прочие виды устузоу.

– Похож, только шерсти мало. Зачем этот материал? Снимите его.

Эссаг сделала движение вперед, но окрик Керрика остановил ее:

– Не трогайте меня! Я запрещаю!

Эссаг отступила, а толстая Икемеи радостно воскликнула:

– Говорит! Устузоу говорит! Невероятно. Следовало сказать мне об этом. Нет же, конечно, он просто заучил несколько фраз. Как тебя зовут?

– Керрик.

– Что я говорила? Хорошо выдрессирован.

Твердость заблуждения Икемеи начинала сердить Керрика.

– Ты ошибаешься, – ответил он. – Я разговариваю, как и все вы, и много лучше, чем та фарги, что привела меня сюда.

– Трудно поверить, – произнесла Икемеи. – Но предположим на миг, что ты говоришь сам, а не повторяешь заученное. А если так, то ты можешь отвечать на вопросы?

– Могу.

– Как ты прибыл сюда?

– Меня привезла Вейнте', эйстаа Алпеасака. Мы пересекли океан на урукето.

– Верно. Но это утверждение тоже можно заучить. – Икемеи задумалась. – Но есть предел заученным утверждениям. Я спрошу тебя о том, чего не могла знать твоя дрессировщица. Да. Расскажи, что произошло с тобой перед тем, как ты вошел в эту дверь?

– Нас омыли горькой на вкус жидкостью.

Икемеи одобрительно топнула ногой.

– Чудесно! Ты – животное, которое умеет говорить. И как это получилось?

– Меня научила Энге.

– Да. Если кто-то и способен на это, так только она. Но теперь замолчи и делай, как я велю. Подойди к рабочему столу.

Керрик видел, что они делают, но ничего не понимал. Эссаг увлажнила подушечку его большого пальца, а Икемеи резко ткнула чем-то острым. Керрика удивило, что он ничего не почувствовал, даже когда Икемеи стала выдавливать из его пальца крупные капли крови. Эссаг подхватывала их в крохотные контейнеры, захлопывавшиеся, когда она нажимала на крышку.

Затем ладонь Керрика положили на поверхность и потеряли какой-то подушечкой. Сначала он почувствовал прохладу, потом рука словно онемела.

– Погляди сюда! – велела Икемеи, указав вверх на стену.

Подняв глаза, Керрик ничего не увидел. Поглядев на руку, он понял, что, пока он смотрел на стену, с ладони струнным ножом срезали тонкую полоску кожи. Боли он не почувствовал. Выступившие капельки крови немедленно прикрыли клейкой повязкой нефмакела.

Керрик более не мог сдерживать любопытство.

– Вы взяли мою кровь и кожу? Зачем?

– Любопытный устузоу, – сказала Икемеи, делая знак, чтобы он лег на низкую скамейку. – Нет конца чудесам этого мира. Я исследую твое тело, вот что я делаю. Эти цветные листы позволят провести хроматографическое исследование, а эти колонки, прозрачные трубочки, откроют мне химические секреты твоего тела. Ты удовлетворен?

Керрик молчал, ничего не понимая. Икемеи усадила ему на грудь какой-то серый клубень и похлопала его.

– Вот это существо сейчас излучает ультразвук, чтобы мы могли заглянуть вглубь твоего тела. Когда оно закончит, мы будем знать о тебе все... Вставай, мы закончили. Фарги покажет, как выйти.

Поглядев на закрывшуюся за Керриком и Инлену< дверь, Икемеи удивилась:

– Говорящее животное!.. Впервые мне хочется в Алпеасак. Я слыхала, что там очень много самых разнообразных и интересных форм устузоу. Я уже думаю о будущих исследованиях. Приказываю!..

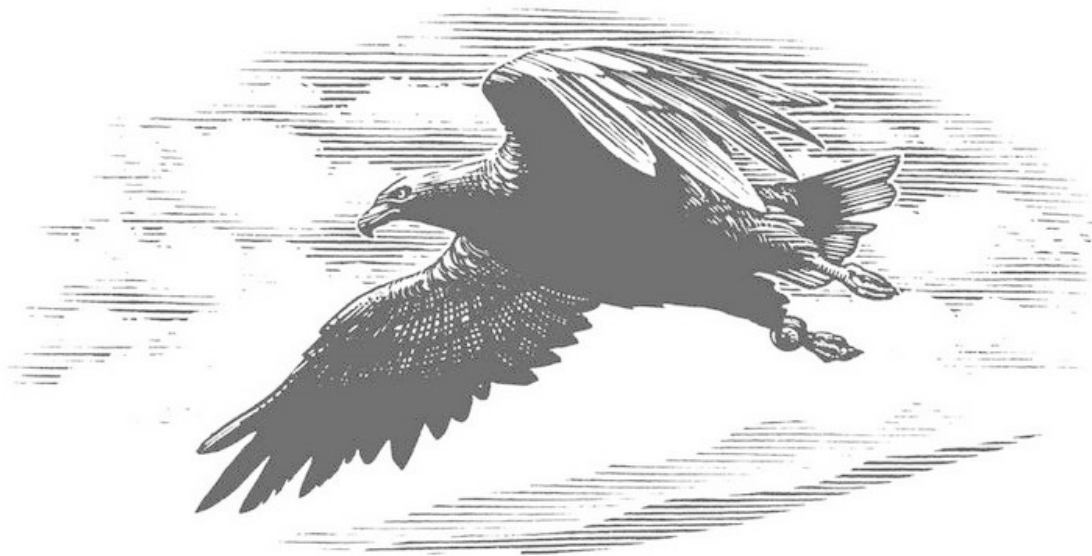
– Я слушаю, Икемеи, – ответила Эссаг.

– Проведите все серологические исследования, полностью проверьте метаболизм. Дайте мне полную картину биологии этого существа. Тогда и начнем работать. – Икемеи повернулась к рабочему столу и добавила: – Следует поподробнее разобраться в метаболизме. Нам приказано отыскать паразитов и все, что только может вредить этим существам.

Она покрутила телом, выражая неудовольствие, помощница разделяла это чувство. Икемеи жестом приказала ей молчать.

– Твои мысли я знаю и разделяю. Мы создаем жизнь. Мы не губим ее. Но именно эти устузоу оказались вдруг особенно грозной опасностью. Их следует прогнать. Да, именно так – прогнать. Они уйдут и никогда более не будут тревожить новый город. Нам не придется их убивать. Мы их просто прогоним.

Она говорила с искренностью, на которую только была способна. Но и она, и Эссаг опасались, что задуманы более мрачные вещи. Их уважение к жизни, к любым живым существам вступало в конфликт с инстинктом самосохранения, и жесты их выражали внутреннюю борьбу.

Когда огромные створки медленно закрылись, доносившиеся с амбесида звуки затихли. Раньше Вейнте' не замечала каких-нибудь особенностей внешнего вида дверей, хотя в прошлом бывала в этом помещении неоднократно. Теперь все внимание ее было обращено на громадные створки. Они были покрыты искусной резьбой, изображавшей животных и растения, окованы блестящим металлом и усыпаны драгоценными камнями. Вот еще одна роскошь, еще одна радость древнего города, к которой привыкли все жительницы. Как отличается это от едва выросшего из семени Алпеасака, там дверей еще почти нет, а немногие уже сформировавшиеся еще пропитаны соком. Все там было еще грубым, зеленым и юным, не то что здесь, в городе культурном и древнем. И конечно, это дерзость: чем ей, эйстаа города, еще как следует не выросшего в глуши, можно гордиться перед теми, кто правит в не знающем времени Инегбане.

Вейнте' мгновенно воспротивилась этой мысли. В новизне нет позора, и не ей унижаться в великом городе. Инегбан стар, богат... но и обречен, в этом сомнения не было. Деревья умрут, мертвые листья будут кружить в его опустевших коридорах в холодном тумане. Пышные двери рухнут под тяжкими ударами времени, превратятся в щепу и пыль. Это сейчас иилане' Инегбана могут фыркать, услышав о ее городе, примитивном и далеком, но он будет для них же спасением.

Мысль понравилась Вейнте', она упивалась ею и даже позволила себе увлечься. Алпеасак будет их спасением, а она и есть Алпеасак, и Вейнте' повернулась лицом к Малсас< и ее помощникам, гордо выпрямившись. Гордость ее граничила с дерзостью. Они почувствовали это, и две из них беспокойно зашевелились. Ликмелик и Мелпон знали Вейнте' много лет, знали ее ранг и ожидали уважения. Малсас< тоже не испытывала особенной радости от такого нахальства. И она сухо спросила:

– Ты кажешься радостной, Вейнте'. Можно узнать почему?

– Я счастлива вновь быть в Инегбане со всем его комфортом, быть с эфенселе моего эфенбуру. А еще я рада сообщить, что порученная мне работа продвигается успешно. Алпеасак растет и процветает, поля его обширны, животные многочисленны. Гендаси – богатая и плодородная земля. Алпеасак будет расти, как ни один город доселе.

– За твоими словами кроется тень, – сказала Малсас<. – Колебания и печаль столь очевидны...

– Ты чересчур восприимчива, эйстаа, – ответила Вейнте'. – Тень есть. Устузоу и другие звери этой земли многочисленны и опасны. Мы смогли открыть родильные пляжи, только когда истребили аллигаторов, – они очень похожи на известных всем крокодилов, но куда более многочисленны. Некоторые виды устузоу прекрасны на вкус – ты сама пробовала их, приезжая в наш город. Есть и такие устузоу, что ходят на задних лапах, это примитивное подобие иилане'. Они причиняют много вреда и постоянно опасны.

– Это я понимаю. Но как могут эти животные противостоять нашему оружию? Их сила – не в твоей ли слабости?

Эту прямую угрозу Вейнте' немедленно отразила:

– Если бы причиной была моя слабость, я бы просто отошла в сторону, чтобы сильнейшая заняла мое место. Но эти опасные животные метят в нас и убивают. Твоя эфенселе, сильная Алакенси, неусыпная Алакенси... Мертвая Алакенси! Быть может, их и немного, но во всех – низменная хитрость дикого устузоу. Вокруг засады! Сокайн и весь ее отряд погибли в ловушке. Когда гибнет фарги, ее место пустовать не будет. Но кто заменит Алакенси или Сокайн? Устузоу убивают наших животных. Мы растим их, а устузоу убивают – как на родильных пляжах. Кто заменит погибших самцов, молодняк?

Мелпон громко вскрикнула. Она была очень стара и к молодняку относилась с излишней сентиментальностью. Но она выразила общие чувства, даже Малсас< охватили те же переживания. Но она была слишком мудра, чтобы поддаться эмоциям.

– Пока опасность сдерживается. Ты действуешь хорошо.

– Правильно, но я стремлюсь к большему.

– А именно?

– Позвольте мне представить новую информацию об устузоу. Я хочу, чтобы вы обо всем услышали из уст пойманного зверя.

Поразмыслив, Малсас< знаком выразила согласие.

– Если существо может дать ценные сведения – пусть говорит. А оно действительно разговаривает? Отвечает на вопросы?

– Ты все увидишь сама, эйстаа.

Керрик, должно быть, ожидал где-то неподалеку: он тотчас явился на зов. Инлену< усе-лась лицом к закрытым дверям, а Керрик вопросительно взглянул на собравшихся, безмолвно ожидая приказа, как подобает низшему перед лицом высочайших.

– Прикажи ему говорить! – распорядилась Малсас<.

– Расскажи нам о своей стае, устузоу, – проговорила Вейнте'. – Говори так, чтобы всем было понятно.

Керрик быстро взглянул на нее и тут же отвел глаза. Последняя фраза служила сигналом. Теперь он должен был сообщить всем информацию, которой она предусмотрительно снабдила его.

– Сказать можно немного. Мы охотимся, выкапываем из земли насекомых и растения. И убиваем иилане'...

Немедленно последовали сердитые жесты и бормотание.

– Объясни последнее! – приказала Малсас<.

– Просто естественная реакция. Мне рассказали, что иилане' испытывают естественное отвращение к устузоу. Те же самые чувства ощущают и устузоу по отношению к иилане'. Устузоу жестоки, они убивают и разрушают. И единственная цель каждого – убивать иилане'. И они будут это делать, пока все не погибнут.

С точки зрения Керрика, это выглядело довольно глупо. Кто может поверить очевидной лжи? Но и ответ был столь же очевиден: не знающие лжи иилане' поверят во все, что услышат. В их движениях угадывался гнев. Керрик отшатнулся. Он с облегчением вышел, повинувшись приказу. Как только дверь закрылась, Малсас< заговорила:

– Устузоу будут уничтожены раз и навсегда. Все до последнего. Выследить и убить! Гнать и убивать, как убили они Алакенси, что сидела рядом со мной! А теперь, Вейнте', расскажи, как это будет сделано.

Вейнте' прекрасно сознавала – нельзя, чтобы они поняли, что она выиграла сражение. Из осторожности думая лишь о планах, она откинулась на хвост и перечислила шаги к грядущей победе над устузоу.

– Во-первых, мне нужно больше вооруженных фарги. Слишком много их оказаться не может. Они охраняют поля, прочесывают джунгли, сдерживают устузоу.

– Да, это будет сделано, – согласилась Малсас<. – Мы размножили хесотсаны и научили фарги применять их. В обратный путь с вами отправятся фарги с оружием – сколько сможет увезти урукето. К дальнему морскому путешествию уже готовы еще два урукето поменьше. И они тоже повезут фарги. Что еще нужно? Животные-шпионы, животные-убийцы? Ученые иилане' могут вывести таких созданий.

– За этим мы также приглядим, – произнесла Ликмелик. – Большая часть работ уже выполнена. Теперь, когда взята проба тканей вашего устузоу, работа приблизится к завершению. Всей работой руководит Икемеи. Она ожидает неподалеку. Она объяснит.

– Значит, сделано все, что можно, – произнесла Вейнте', выражая удовольствие и благодарность каждым движением тела.

– Сделано, – согласилась Малсас< с легким неудовольствием. – Начато, но не закончено. Течение времени не минует нас. Занятые погодой рано возвратились в этом году из Тескхета. Они предсказывают прохладное лето, раннюю осень, опасаются длинной суровой зимы. Следует быть осмотрительными, но действовать надо.

Жесты горечи, гнева и страха были столь красноречивы, что присутствующие отшатнулись. Долго молчали они в страхе. Наконец Малсас< нарушила тишину.

– Пошлите за Икемеи! Послушаем, что уже сделано.

Собравшиеся не только услышали о ходе исследований, но и собственными глазами увидели результаты работ. За Икемеи следовала вереница тяжело нагруженных фарги, которые поспешно опустили свой груз на землю. Икемеи потянула покрывало с клетки, в которой могла уместиться взрослая иилане'.

– Царь небес! – горделиво произнесла она, выпучив единственный глаз. – Дрессированный раптор, сильный и умный.

Огромная птица взъерошила перья и медленно повернула голову, обратив к присутствовавшим один глаз. Крючковатый клюв – чтобы терзать плоть, длинные крылья – чтобы без усталости нести их обладателя высоко и быстро. Пальцы ног птицы заканчивались острыми когтями. Птице не понравились устремленные на нее взоры. Захлопав крыльями, она сердито заклекотала. Икемеи указала на продолговатый предмет, охвативший лодыжку птицы.

– Это существо представляет собой нейрологический регистратор изображения, – сказала она. – Весьма усовершенствованный, специально для этого случая. Как вы, конечно, знаете, изображение, создаваемое его глазом, фокусируется на расположенной внутри мембране. Оно фиксируется нейронами в микроганглиях. Поскольку сохраняются отдельные изображения, а не последовательные серии кадров, число запоминаемых снимков почти не ограничено.

– Каких снимков? – резко спросила Малсас<, в легком раздражении от технических подробностей, которых она не понимала.

– Тех самых изображений, которые нам необходимы, эйстаа, – отвечала Икемеи. – Птица почти не восприимчива к холоду и может высматривать добычу с большой высоты. После завершения дрессировки ей было приказано лететь на север. Результаты оказались весьма успешными. Обычно рапторы не интересуются длиннозубыми плотоядными устузоу, обитающими на крайнем севере. Для них они не представляют угрозы, и они не нападают на них – слишком велика добыча. Но птица выдрессирована и знает, что получит награду, если будет

следовать инструкциям. Этот раптор залетел далеко на север. И мы здесь можем увидеть все, что видел он.

Икемеи развернула какой-то сверток и извлекла стопку снимков. Черно-белые зернистые картинки впечатляли. Она расположила их в определенной последовательности. Сначала на белом поле чернели темные пятна. Потом пятна обрели очертания, потом силуэты стали узнаваемыми. Четвероногие, покрытые шерстью устузоу. Один из них рос, постепенно заполняя собой всю картинку, потом поглядел вверх и оскалился, обнажив изогнутые клыки. Потом отпрыгнул в сторону от напавшей птицы. Этот кадр был самым драматическим – тень крыльев воздушного хищника закрыла и длиннозуба, и снег.

Когда Малсас< закончила разглядывать снимки, Вейнте', тоже заинтересовавшись, стала нетерпеливо перебирать их.

– Его можно выдрессировать на поиски любого существа?

– Любого.

– И устузоу, подобных тому, что я привезла из Алпеасака?

– В особенности этих устузоу. Раптор будет искать их и найдет, а потом вернется. А где он побывал, можно легко понять: последовательные снимки складываются в карту.

– Такое оружие мне необходимо! Устузоу передвигаются небольшими стаями, а земля велика. Одну стаю мы обнаружили и с легкостью уничтожили, а теперь сумеем найти остальных.

– И ты уничтожишь их тем же способом, – не терпящим возражения тоном проговорила Малсас<.

– Мы уничтожим их. Я обещаю!

– Приятно слышать. Вейнте', останься. Остальные могут уйти.

Малсас< застыла в ледяном молчании, пока за спинами уходивших не закрылись тяжелые двери. Только тогда она шевельнулась и, обернувшись к Вейнте', знаками выразила сожаление и легкие признаки страха. Почему эйстаа Инегбана выглядит растерянной и испуганной? Причина могла быть только одна. Вейнте' догадалась, и движения ее повторили движения Малсас<. Она спросила:

– Опять Дочери Смерти?

– Опять. Они не умирают, и число их растет.

– Не умирают они и в Алпеасаке. Сначала так и было: трудная работа, много опасностей. Но теперь, когда мы выросли и процветаем, все изменилось. Они калечатся на работе, некоторые умирают. Но таких мало.

– Ты возьмешь с собой в урукето самых строптивых. Тех, кто говорит вслух, тех, кто обращает новых иилане' в свою веру.

– Возьму. Но каждая из них уменьшит на одну число фарги. А в Алпеасаке эти бессмертные мешают мне, потому что не желают помогать в уничтожении устузоу. Это балласт.

– Они балласт и для Инегбана.

– Я возьму их, но только в новый, еще неопробованный урукето.

Малсас< согласилась.

– Ты тверда и опасна, Вейнте'. Если молодой урукето не осилит пути через океан, в этой неудаче будет и польза.

– И я так думаю.

– Хорошо. Об этом мы еще переговорим перед твоим возвращением в Алпеасак. А теперь я устала, день был долгим.

Вейнте' официально попрощалась и не успела закрыть за собой дверь, как ей пришлось старательно прятать восторг.

Она шла по городу, мысли о будущем переполняли ее, и движения тела отражали эти мысли, к ним примешивались и мысли о смерти; фарги, к которым она приближалась, отбегали в стороны.

Она почувствовала голод и быстро направилась к ближайшей мясной. Там была очередь, но Вейнте' приказала расступиться. Она хорошо поела, помыла руки и направилась к себе. Ей были отведены апартаменты, удобные и комфортабельные, стены украшали раскрашенные ткани.

...Повинуясь короткой команде, фарги заторопились прочь. Все, кроме одной, которой Вейнте' приказала остаться.

– Разыщи и приведи сюда моего устузоу.

Фарги не знала, где искать Керрика. Она стала спрашивать о нем всех встречных, пока кто-то не сказал, где его можно найти.

Когда он наконец появился, Вейнте' уже почти забыла о том, что велела его отыскать, увлекшись мыслями о будущем.

– Сегодня был день успеха, моего успеха, – сказала она самой себе, не замечая мальчика.

Инлену< уютно устроилась на собственном хвосте, лицом к стене, в бездумном восхищении узорами.

Вейнте' притянула к себе Керрика и сорвала с него меховое одеяние. Смеясь, он пытался вызвать ее возбуждение, а она возбуждала его.

Теперь случившееся уже не пугало Керрика. Слишком приятно. А когда все кончилось и она оттолкнула его, он опечалился, надеясь, что это повторится снова и снова.

23

В темных облаках зловеще грохотал гром, потоки дождя хлестали поверхность океана. Большой урукето медленно удалялся от берега, следом двигались два урукето поменьше. Вновь, блаженствуя в океане, впереди неслись энтиисенаты. Они качались на волнах, ныряли. Вскоре Инегбан остался далеко позади и исчез за пеленой дождя.

Путешествие было нелегким. После радостей и неожиданных удовольствий Инегбана обратное путешествие стало для Керрика сплошной мукой. Внутри урукето теперь было тесно. Повсюду валялись фарги, даже ступить было некуда. Еды и воды было мало, их экономили. Для иилане' в этом не было особых проблем – они просто замирали и спали. Но Керрик чув-

ствовал себя как в душном мешке – нечем было дышать. Сон тоже не приносил облегчения: ему снилось, что он тонет и задыхается, и он с криком просыпался в холодном поту. Ходить ему не удавалось, и лишь дважды за все бесконечное плавание он сумел пробраться наверх и, задыхаясь, хватал ртом спасительный соленый воздух.

Посреди океана их захватил шторм, потому-то плавник урукето и оставался закрытым так долго, что духота стала уже невыносимой. В конце концов его пришлось чуть-чуть приоткрыть, но вместе с воздухом вниз плеснуло холодной водой. Промокший и озябший, Керрик молча страдал.

Когда шторм наконец утих и плавник можно было открыть снова, Вейнте' отослала всех прочь и сама поднялась наверх. Волны еще бушевали, повсюду белели гребни. Море было пустым. Два небольших урукето бесследно исчезли, их более не видели.

Морская болезнь Керрика закончилась лишь в гавани Алпеасака. Недомогание и долгая голодовка так ослабили его, что он едва сумел встать на ноги. Крылатый хищник в клетке страдал не меньше. Когда его выносили, он слабо крикнул, низко свесив голову. На берегу Керрик оказался последним – Инлену< и еще двоим фарги пришлось вытаскивать его из плавника.

Вейнте' жадно вдыхала влажный теплый воздух, наполненный ароматами живого города, и с невероятным удовольствием стряхивала с себя летаргию долгого пути. Она скользнула в первый же пруд, попавшийся ей по дороге, отскребла засохшие соль и грязь и вновь явилась на солнечный свет активной и освеженной.

Созывать правительниц не было необходимости, все уже собрались на амбесиде, ожидая ее.

– Хорошо ли в Алпеасаке? – спросила Вейнте' и почувствовала большое удовлетворение, когда все выразили согласие. – Как насчет устузоу, Сталлан, этих червей, что подтачивают нашу жизнь?

– Пустая докука, не более. Крали наших животных, убивали их ночью, а мясо уносили с собой. Но укрепления прочны, а более они ни на что не способны.

– И этого довольно. Их необходимо остановить. И остановят их фарги. Я привезла много фарги, они обучены управляться с оружием. Они пойдут по следам устузоу и перебьют всех.

– Трудно будет выследить, – с сомнением заметила Сталлан. – В лесу они ловки, как дикие звери, и не оставляют следов. А если находится след, он приводит к засаде. Так погибли многие фарги.

– Этого больше не будет, – произнесла Вейнте' и выразила удовольствие, когда раптор вскрикнул в своей клетке, словно в ответ.

Клетку вынесли на солнце, и птица охорашивалась.

– Следует объяснить, – сказала Вейнте', – что это летающее создание позволит нам отыскать логово устузоу, в котором они прячут своих щенков и самок. Но сначала я хочу услышать подробные отчеты обо всем, что произошло за время моего отсутствия.

...Крылатый хищник быстро оправился от морского путешествия, и Вейнте' с нетерпением ожидала нового набега устузоу. Когда ей наконец сообщили об этом, она принялась поспешно распоряжаться и сама отправилась на дальнейшее пастбище, подвергшееся нападению. Первой там появилась Сталлан, она с отвращением показала на окровавленные трупы животных.

– Расточительство. Унесли только мясистые задние части.

– Практично, – без всяких эмоций констатировала Вейнте'. – И нести легко, и отходов меньше. Куда они направились?

Сталлан указала на дыру, проделанную в терновой изгороди, след исчезал среди высоких деревьев.

– Как всегда, на север. След легко различим. Это значит, что его оставили для нас. Мясо унесли, а на дороге нас ожидают только засады, ловушки и смерть.

– Птица долетит туда, куда мы не сможем дойти, – ответила Вейнте’.

Принесли хищника. Он сердито кричал и рвал веревку, стягивавшую ему ноги. Теперь он сидел на деревянном насесте на длинном шесте, чтобы переносившим его фарги не досталось от клюва или когтя.

В это время, удивляясь раннему вызову, появился Керрик.

– Делайте свое дело, – приказала Вейнте’.

Когда жесткие пальцы схватили и поволокли его вперед, Керрик понял, что теперь он более не праздный наблюдатель. Кровавые туши, их вид и запах возбудили раптора, он клекотал и грозно потрясал крыльями. Одна из фарги отодрала кусок мяса от бока убитого зверя и швырнула его птице. Та жадно схватила лапой кровавый кусок, подняла его на насест и принялась отдиравать алые полосы. Наконец птица наелась. Сопrotивлявшегося Керрика вытолкнули вперед, почти под крючковатый, обогранный кровью клюв.

– Лети, ищи! Лети, ищи! – все громче и громче кричала служительница. Керрика подпихивали все ближе и ближе.

Раптор не нападал. Повернув голову, он уставился на мальчика холодным серым глазом. И не отводил взгляда, пока не прекратились крики, а потом принялся мигать и качать головой.

– Поворачивайте насест в сторону следа! – приказала служительница. За спиной птицы быстро отпустили веревку.

Раптор заклекотал, присел и, хлопнув огромными крыльями, подпрыгнул в воздух. Керрик повалился навзничь. Птица глядела в его сторону, а дрессировщица все выкрикивала команды. Пернатый хищник был прекрасно выдрессирован. Он быстро взлетел, описал над ними один только круг и направился на север.

– Началось, – с удовольствием произнесла Вейнте’.

...Энтузиазм Вейнте’ с каждым днем убывал: раптор не возвращался. Озабоченные дрессировщицы старались не попадаться ей на глаза – в ее движениях сквозил явный гнев. И когда Керрику не приказано было присутствовать, он старался по возможности избегать ее. В тихом ханане его нелегко было отыскать. К тому же он еще не бывал там после возвращения. Икеменд открыла ему дверь.

– Ты был в Инегбане, – полувопросительно-полуутвердительно сказала она. Движения ее выдавали возбуждение.

– Такого города я никогда не видел.

– Расскажи мне о нем, ведь я уже никогда не увижу его своими глазами.

Слушая Керрика, она пристроила поводок в прорезанную для него в двери канавку и закрыла дверь. Керрик знал, чего она ждет, и рассказал ей только о великолепии города – о толпах и своем восторге, но умолчал о голоде и холодных зимах. Свои визиты в ханане он любил и был рад, что Икеменд ждала его. Самцы Икеменд не любили и всегда избегали ее. Сейчас никого из них вблизи не было. Керрик поглядел вглубь ханане, где он никогда не был.

– Это я, Керрик! Я хочу говорить с вами.

Проходивший мимо самец в нерешительности замер, потом отправился дальше и остановился лишь тогда, когда Керрик вновь обратился к нему.

– Я был в Инегбане. Хотел бы ты услышать об этом городе?

Искушению трудно было сопротивляться. Самец медленно вышел на свет, и Керрик узнал его. Это был Эсетта, своенравное существо. С ним он разговаривал раз или два. Все прочие самцы восхищались пением Эсетты, но Керрик находил его заунывным и скучным. Впрочем, вслух он об этом не говорил.

– Инегбан – настоящий город, – произнес Эсетта отрывистым сдавленным голосом, как говорят самцы. – Там мы могли сидеть высоко в ветвях, среди листьев, и следить за всем, что происходит на путепроводах. Там мы не были обречены на скуку, как здесь, где не о чем думать, кроме пляжей. Расскажи мне.

– Расскажу. Только сперва пошли за Алиполом. Я хочу, чтобы слышал и он.

– Я не могу.

– Почему?

– Почему я не могу? Ты хочешь знать, почему я не могу сделать этого? Я отвечу тебе, почему это невозможно. – Он помедлил, шевеля языком меж зубами. – Ты не можешь теперь говорить с ним: Алипол мертв.

Новость потрясла Керрика. Коренастый Алипол казался крепким, как древесный ствол.

– Он заболел... или случилось несчастье?

– Хуже. Его изнасиловали. Его, дважды побывавшего на пляжах. А они знали это, грубые твари, они знали; он говорил им, умолял, показывал свои чудесные вещицы – но они только смеялись. Некоторые ушли, но эта уродина, покрытая шрамами, предводительница охотниц!.. Его протесты казались ей смешными, она схватила Алипола – и все крики его умолкли под ее уродливой тушей. Они целый день пробыли там, целый день, я видел. Яйца были.

Керрик понял только, что с другом произошло что-то ужасное, но не понял, что именно. На миг забыв о нем, Эсетта закачался с закрытыми глазами. Он зажужжал, а потом запел:

Юным я уйду на пляжи.

Знаю – вернусь.

Снова иду, уже постарев.

Вернусь ли?

Но не посылай меня в третий раз,

Не надо, прошу.

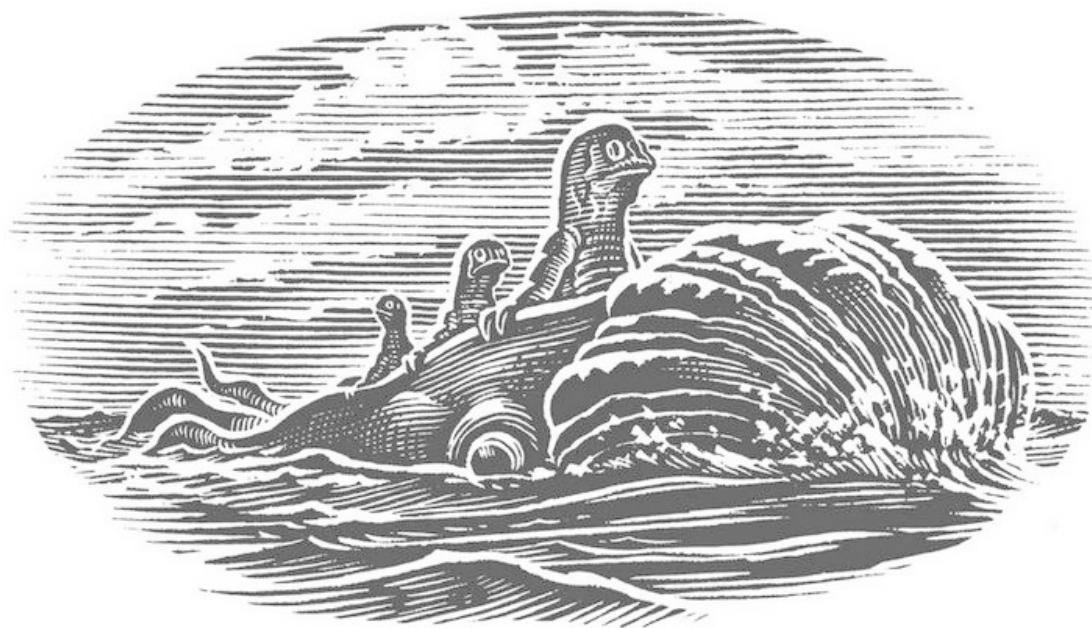
Мало нас возвращается в третий.

Я знаю – я не вернусь!

Эсетта умолк. Забыв, что Керрик собирался рассказать об Инегбане, он повернулся и, не отвечая на вопросы Керрика, зашаркал назад. Как ни звал Керрик громким голосом, никто не появился. Что имел в виду Эсетта? Что убило Алипола на пляже? Этого он не понимал.

Инлену< уснула на солнышке, прислонясь к стене. Но Керрик свирепо дернул за поводок. Она поглядела на него пустыми глазами, зевнула и медленно поднялась на ноги.

24

Фарги торопилась доставить сообщение – ведь оно предназначалось самой эйстаа, – но в рвении своем слишком спешила по жаре. И когда добралась до амбесид, то так запыхалась, что говорить уже не могла. По инерции она рванулась на солнце, но тут же отступила в прохладную тень. Есть ли поблизости пруд? В подобном состоянии она не могла вспомнить. Никто из оказавшихся поблизости фарги не обращал внимания на ее шевелившиеся пальцы и на игру цвета ладоней.

Все фарги эгоистичны, они всегда думают лишь о себе, не обращают внимания на других фарги. Посланица рассердилась, не думая о том, что сама в такой ситуации поступила бы точно так же. В отчаянии она заглядывала в ближайшие коридоры и наконец обнаружила питьевой фрукт. Она высосала из него прохладную воду, остатками обрызгала тело и руки. Наконец отдышавшись, она произнесла:

– Эйстаа... у меня к тебе послание...

Медленно, стараясь держаться тени, фарги обошла амбесид, протолкалась вперед через толпу фарги перед эйстаа. Здесь она застыла в позе внимательного ожидания, как положено нижней перед лицом высочайшей. Через некоторое время ее заметила Ваналпе' и привлекла внимание Вейнте' к безмолвной фигуре.

– Говори! – приказала эйстаа.

Фарги затряслась от усердия и принялась выговаривать тщательно заученные слова:

– Эйстаа, я принесла весть. Весть от той, что кормит раптора. Птица вернулась.

– Вернулась! – В голосе Вейнте' послышалась радость, и фарги восторженно заюлила, в простоте своей считая себя удостоенной этой эмоции. Быстрым жестом Вейнте' призвала другую фарги. – Найди Сталлан. Пусть немедленно явится ко мне. – И повернулась к вестнице. – Ты возвращайся к тем, кто возле птицы. Оставайся там, пока все картинки для меня не будут готовы, после чего возвратись и сообщи мне. Повтори.

– Вернуться к тем, кто возле птицы. Остаться. Вернуться к эйстаа, когда готовы будут...

– Картины, виды, ландшафты, – отчеканила Вейнте', чтобы глупое создание запомнило. – Повтори, акайил.

Акайил – «косноязычная». Вездесущие фарги шепотом передавали друг другу убийственное слово и в страхе отодвигались от пустившейся в обратный путь вестницы, словно опасаясь заразиться.

– Ваналпе', сколько займет обработка? – спросила Вейнте'.

– Часть информации уже доступна. Банк памяти из ганглий птицы уже был перемещен в более емкую память. Я сама делала это при записи схем роста. Первые и последние снимки уже можно видеть. Но чтобы разобраться в том, что происходило между ними, потребуется время.

– Неясно говоришь.

– Я глупа в объяснениях, эйстаа. Птицы не было много дней. И все это время, ночью и днем, каждый миг она запоминала картинку. Запоминающему существу можно приказывать выбросить все черные картинки, полученные ночью, но все равно их останется очень много. И каждое изображение следует вывести на экран из жидких кристаллов, а потом запомнить или забыть. На это уйдут дни, много дней. Значит, будем терпеливыми и подождем.

Вейнте' посмотрела вперед и, заметив коренастую, покрытую шрамами Сталлан, дала ей знак приблизиться.

– Птица вернулась. Мы скоро узнаем, обнаружены ли устузоу. Мы готовы к нападению?

– Готовы, фарги теперь метко стреляют. Хесотсаны сыты. Посажены игольчатые кусты, собранно много игл. Лодки размножились, и некоторые из молодых уже подросли и готовы к службе.

– Приготовь все. Погрузи воду и пищу, потом явись ко мне. Ты, Ваналпе', – твой опыт с картинками следует использовать – немедленно отправляйся и помоги тем, кто занят этой работой.

Весь остаток дня и весь следующий день Вейнте' занималась городскими делами и выбросила из головы все мысли об устузоу. Но всякий раз, когда она расслаблялась, если вблизи никого не было, – мысли возвращались. Найдены ли устузоу? Если найдены, их необходимо убить, выследить и убить. Носовые клапаны ее белели от гнева, когда она думала об устузоу. Когда она чувствовала себя так, еда не доставляла ей удовольствия и характер ее портился настолько, что одна фарги даже умерла от испуга, когда та слишком грубо говорила с ней. И для безопасности города было вовсе недурно, что до Вейнте' весть дошла уже на третий день.

– Картинки готовы, эйстаа, – произнесла фарги, и присутствующие затрепетали от облегчения.

Даже Керрик присоединился к большой группе любопытствующих.

– Их обнаружили, – произнесла Ваналпе', – обрабатывается большой снимок, он почти уже готов.

Из отверстия в существе медленно выползло изображение. Ваналпе' поспешно выдернула его. Вейнте' выхватила у нее еще мокрый и теплый лист.

– Их действительно обнаружили, – сказала она, и картинка задрожала в ее пальцах от движений удовольствия. – Где Сталлан?

– Здесь, эйстаа, – ответила Сталлан, откладывая в сторону снимки, которые изучала.

– Ты знаешь, где это место?

– Пока нет. – Сталлан указала в центр листа. – Достаточно уже того, что рядом течет река. Мы нападём из воды. Я сейчас намечаю путь, начало его уже нанесено на мои карты. А с этими картинками я смогу преследовать их до самого места. Смотри – вот их логово. Укрытия из шкур, большие звери – все как было.

– И они погибнут, как гибли и прежде! – Она жестом позвала к себе Керрика, ткнула пальцем в листок. – Знаешь, что это?

Черные и белые пятна не складывались в изображение, до сих пор ничего такого он не видел. Взяв листок, он покрутил его, даже заглянул с обратной стороны.

Вейнте' вырвала его из рук Керрика.

– Не хитри, – сказала она, – тебе приходилось видеть и такие сооружения, и этих существ.
– Свидетельствую свое уважение, эйстаа, – смиренно и униженно вмешалась Ваналпе', – но фарги реагируют точно так же. Их приходится учить разглядывать картинки, иначе они не видят в них смысла.

– Понятно. – Вейнте' отложила картинку. – Заканчивайте приготовления. Отправляемся сразу, когда определим место. Ты, Керрик, отправишься с нами.

– Благодарю тебя, эйстаа. Счастлив помочь.

Керрик говорил вполне искренне. Он и представления не имел, куда и зачем они отправляются. И он просто предвкушал новое удовольствие – поход в лодках...

Энтузиазм его исчез быстро; они отбыли на рассвете, плыли до сумерек, а потом спали на берегу. Так продолжалось день за днем, он уже начинал завидовать иилане', способным впадать в почти бессознательное состояние. Ему оставалось глядеть на берег и представлять, что кроется за стеной прибрежных деревьев.

Пока они продвигались на запад, береговая линия медленно менялась. Джунгли сменились лесом, потом болотами, потом низким кустарником. Они миновали устье большой реки и направились дальше. Потом флотилия вошла в большой залив и взяла курс на север. Вейнте' и Сталлан, плывшие в первой лодке, изменили направление, и отряд направился вдоль берега бухты.

Появилась какая-то новизна... Сонные фарги начали пробуждаться. В одном месте их лодки распугали птиц. Оглушительно крича, они взлетали огромными стаями, закрывая небо. Когда болота вновь сменились пляжем, Вейнте' дала знак высаживаться, хотя солнце еще и наполовину не опустилось к горизонту.

Вместе со всеми Керрик ждал, какое будет принято решение. Сталлан показала на один из снимков:

– Мы здесь, а устузоу там, на берегу реки. Если мы подойдем поближе, они могут нас заметить. Разумнее облегчить лодки здесь, оставить на пляже все припасы. Подготовимся к нападению на рассвете.

Вейнте' согласилась:

– Нападем из воды разбивающимся валом, если на этот раз мы не можем зайти им в тыл. Я хочу, чтобы всех убили. Нескольких по моему приказу Сталлан возьмет в плен. Понятно? Повторите!

Начальницы отрядов повторяли инструкции, фарги с напряжением вслушивались. Они все повторяли и повторяли, наконец даже самые тупые поняли, что следует делать. Керрик, заскучав, отошел, но тут же вернулся, повинувшись жесту Вейнте'.

– Ты останешься здесь, возле припасов, и будешь дожидаться нашего возвращения. Я не хочу, чтобы тебя убили по ошибке, когда начнется стрельба. Твоя работа начнется позднее.

Не дождавшись ответа, она отвернулась. Керрик не горел желанием видеть чью-нибудь смерть, даже устузоу, и потому был доволен.

С рассветом иилане' погрузились в лодки, Керрик все это время сидел на берегу и следил, как живые суденышки исчезают в тумане. Инлену< тоже глядела, но с явным отсутствием интереса. Едва лодки удалились, она торопливо открыла один из контейнеров с мясом.

– Скверная обжора, – сказал Керрик, – растолстеешь.

– Еда – хорошо, – произнесла Инлену<. – Ешь и ты.

Он не любил мясо, хранившееся в пузырях, – у него всегда был своеобразный привкус. Но все-таки он пожевал, потом запил водой, прекрасно зная, что Инлену< не сдвинуть с места, если она не наелась. Поглядев на нее внимательнее, он заметил, что та действительно потолстела.

И хотя Керрик успел уже привыкнуть к постоянной компании, он понял, что одиночество все еще доставляет ему удовольствие. Инлену< не в счет. Когда лодки ушли, наступила тишина.

Ветер шелестел в высокой траве, ленивые волны набегали на берег. Только голосов не было – постоянной трескотни амбесида.

Керрик шел первым по чистому песку между поросшими травой кочками, птицы взлетали почти из-под ног. Они шли и шли, наконец Инлену< принялась скулить, но он приказал ей молчать. Они подошли к высокой черной скале, с которой лентами свисали водоросли, прямо над водой темные ракушки облепили влажный камень.

– Вкусные... – громко причмокнула Инлену<.

Зайдя по колени в воду, она попыталась отодрать раковины, но они прочно держались за камень. Керрик отвел ее на берег и выбрал камень размером с кулак. Он отбил от скалы несколько ракушек, Инлену< схватила их и отправила в рот, в могучих челюстях хрустнули скорлупки. Выплюнув осколки раковин, она с удовольствием проглотила сладкое содержимое. Керрик отломил несколько раковин и для себя и вскрыл их висевшим на шее ножом. Этим делом они занимались до тех пор, пока в глотку уже ничего не стало лезть.

День был прекрасный, лучшего Керрик припомнить не мог. Но нужно было быть на месте к возвращению иилане', и, едва закатилось, они отправились к месту высадки. Ждать пришлось долго, солнце уже спускалось за горизонт, наконец лодки появились.

Первой на берег вышла Вейнте'. Она пересекла пляж, опустила оружие на песок и схватила большой кусок мяса. Жадно впившись в него, она бросила на Керрика испытующий взгляд. Прожевав и проглотив кусок, она сказала:

– Никто не спасся. Убийцы убиты. Они отбивались, погибли фарги, но в мире достаточно фарги. Мы совершили то, ради чего явились сюда. А теперь ты выполняй свое дело.

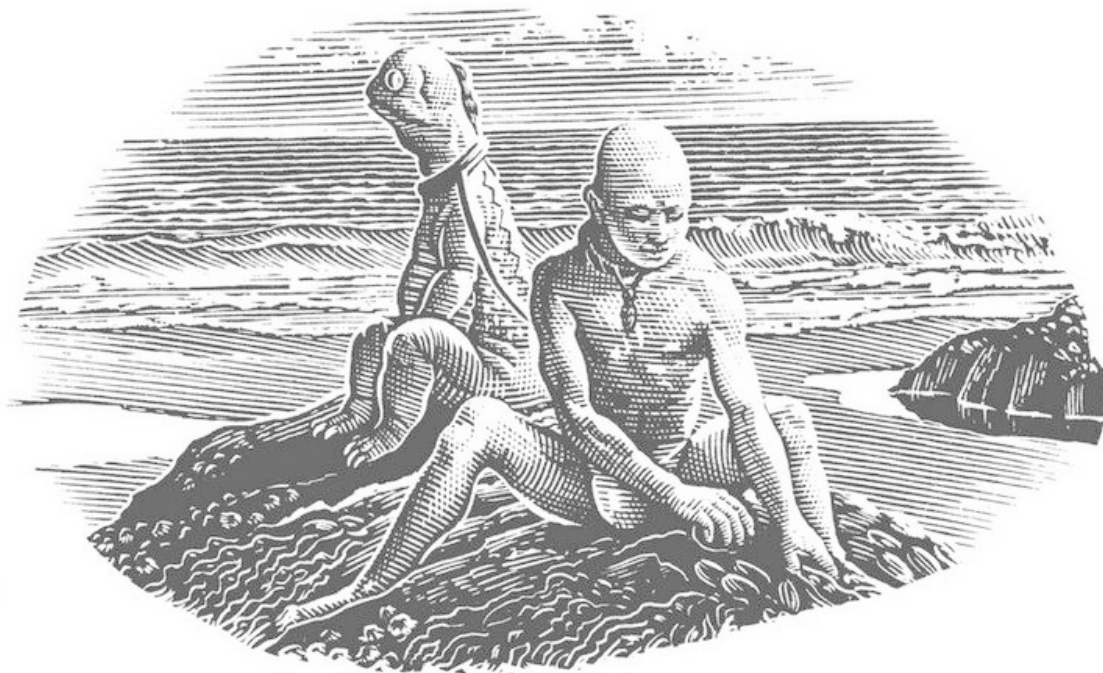
Она что-то крикнула, и две фарги вытащили из одной лодки тяжелый тюк и поволокли его по песку. Керрику показалось, что там одни шкуры. Но тюк шевелился.

Когда фарги притащили тюк, он раскрылся, и перед Керриком оказался бородатый человек. Кровь запеклась на его волосах, в широко раскрытых глазах застыл ужас. При виде Керрика он раскрыл рот и издал странные резкие звуки.

– Устузоу говорит, – произнесла Вейнте'. – У этих грязных существ подобное сходит за речь. Что он говорит, Керрик? Приказываю, слушай и говори мне.

Нельзя было и подумать о неповиновении. Когда говорит эйстаа, все исполняют. Но Керрик не в силах был повиноваться, и страх охватил его.

Он не понимал звуков. Они не значили ничего. Совсем ничего.

– Существо разговаривает? – заторопила его Вейнте'. – Скажи мне скорее.

– Не знаю, – признался Керрик. – Возможно. Но я ничего не понимаю.

– Значит, эти звуки – просто звуки?

Вейнте' разъярилась. Планы ее встретили непредвиденное препятствие. Не надо было доверять Энге, эти грязные твари не могут объясняться друг с другом. Она ошиблась. Свой гнев Вейнте' обратила на пленного устузоу и ударила его ногой в лицо. Он застонал от боли и громко вскрикнул.

Керрик склонил голову и внимательно прислушался, прежде чем заговорить.

– Эйстаа, пожалуйста, подожди, есть кое-что.

Отступив на шаг, в гневе она повернулась к нему. Он заговорил быстро, чтобы ярость не обрушилась на него.

– Ты слышала, он много раз говорил это слово... много раз, и я понимаю, то есть я думаю, что понимаю его. – Он умолк, закусил губу, прислушиваясь к полужабытому, припоминая слова. – Мараг. Он сказал – мараг.

– В этих звуках нет смысла.

– Есть, я знаю, что есть. Это то же самое, что устузоу.

Теперь Вейнте' казалась озадаченной.

– Но ведь это и есть устузоу.

– Я не это имею в виду. Для него иилане' – устузоу.

– Смысл ясен не полностью, и мне не по вкусу сравнение. Но я понимаю, что ты хочешь сказать. Продолжай расспрашивать. Если, по-твоему, этот устузоу – иилелбе и не умеет говорить, найдем другого. Начинай.

Но Керрик был бессилен. Пленник молчал. И когда Керрик наклонился, чтобы подбодрить его, устузоу плюнул ему в лицо. Вейнте' не обрадовалась.

– Вытрись! – приказала она, а затем махнула фарги. – Приведи сюда другого устузоу.

Керрик едва замечал, что происходит. «Мараг». Слово это крутилось и крутилось в его голове, пробуждая невнятные воспоминания. Крики в джунглях, что-то кошмарное в воде. Мургу. Это когда мараг не один. Мургу, мараг, мургу, мараг.

Задумавшись, он даже не услышал, что Вейнте' гневно кричит:

– И ты тоже стал вдруг иилелбе, не умеешь открыть рта, словно фарги, только что вышедшая из воды!

– Извини, воспоминания, звуки, издаваемые устузоу напомнили мне...

– Мне дела нет до твоих воспоминаний. Разговаривай со вторым.

Керрик взглянул в испуганные голубые глаза. Голову существа покрывали густые светлые волосы. На лице существа волос не было и скрытое шкурами тело казалось иным. Испуганное существо застонало, когда Вейнте' схватила копьё с каменным наконечником, отобранное у устузоу, и ткнула пленника в бок.

– Погляди, – сказала Вейнте'. – Я покажу, что тебя ждет, если ты будешь молчать, как тот, и не будешь говорить.

Бородатый пленник хрипло закричал – Вейнте' погружала и погружала копьё в его тело, – а потом замолчал. Второй пленник застонал, дергаясь и отворачиваясь. Вейнте' вытащила копьё.

– Ослабьте путы, пусть он говорит, – приказала она, отворачиваясь.

Это было нелегко. Существо завывало, зашлось кашлем, из глаз его текли слезы, по подбородку сочилась слюна. Керрик нагнулся поближе, подождал, пока оно затихнет, и проговорил единственные слова, которые знал:

– Мараг. Мургу.

Немедленный ответ прозвучал слишком быстро для него. Но он узнал – «мургу», а потом кое-что еще. «Саммад». Да, саммад, убили целый саммад. Это оно и говорило. Она сказала, что весь саммад перебит мургу.

«Она». Слово само пришло в голову – женщина. Она – линга, убитый – ханнас. Самец и самка. Керрик тоже ханнас.

Понимание росло, медленно, по одному слову, по выражению. Некоторых слов он вовсе не понимал. Он помнил слова восьмилетнего ребенка, а не взрослой женщины.

– Вы оба издаете звуки. Понимание есть?

Керрик заморгал, вскочил на ноги и долго смотрел на Вейнте', прежде чем смысл вопроса пробился через пелену слов марбака, окутавшую его ум.

– Да, конечно, эйстаа. Понимание есть. Оно движется медленно... но движется.

– Значит, ты делаешь хорошо. – Тени стали длинными, солнце опустилось за горизонт, и Вейнте' завернулась в плащ. – Свяжите устузоу, чтобы оно не могло удрать. Утром продолжишь. Когда ты добьешься отличного понимания, задашь устузоу вопросы. Такие, на которые необходимы ответы. Если тварь станет противиться – напомни ей об участии первого.

Керрик отправился за плащом, потом вернулся и сел на песке рядом с женщиной. В голове его кружились слова, звуки и имена.

Женщина произносила слова... и он понимал их, хотя было темно, и он не видел ее движений.

– Мне становится холодно.

– Ты можешь говорить во тьме, и я тебя понимаю!

– Холодно.

Конечно, это марбак, не язык иилане'. На нем говорят не движениями, а звуками, только звуками. Удивляясь открытию, он снял пропитанную кровью шкуру с тела мужчины и набросил на женщину.

– Мы можем говорить даже ночью, – сказал он, вытирая о песок липкие руки.

Она отвечала негромко, со страхом в голосе, но уже с любопытством.

– Я – Ине из саммада Охсо. Кто ты?

– Керрик.

– Ты здесь тоже пленник, привязан к марагу. Ты умеешь с ними говорить?

– Да, конечно. Что вы здесь делали?

– Пропитание добывали. Странный вопрос. Не надо было нам так далеко заходить на юг, но прошлой зимой многие умерли от голода. Ничего больше нам не оставалось. – С заметным любопытством она поглядела на его силуэт. – Керрик, когда тебя поймали?

– Когда?.. – На вопрос было сложно ответить. – Это было, должно быть, много лет назад. Я был еще очень мал...

– Все они мертвы, – сказала она, вдруг вспомнив, и зарыдала. – Эти мургу убили всех, кроме горстки пленников.

Она зарыдала еще громче, и шею Керрика вдруг охватила боль. Он схватился за ошейник, это Инлену< потащила его прочь. Шум разбудил ее, и она просто удалялась в спокойное место, волоча Керрика за собой. После этого он уже не стал более пытаться говорить...

Утром он долго не мог проснуться. Было жарко. Голова болела. Должно быть, вчера он перегрелся на солнце. Обнаружив емкости с водой, он принялся жадно пить. Тут подошла Сталлан:

– Эйстаа сказала мне, что ты говоришь с другим устузоу. – Слова свои она сопровождала жестами глубокого презрения к животному способу общения.

– Я – Керрик, что сидит возле эйстаа. Твоя манера речи – оскорбление.

– А я – Сталлан, которая убивает устузоу для эйстаа. Называть вас так, как вы заслуживаете, не оскорбление.

И сегодня убийство еще пьянило охотницу. Обычно она вела себя грубо, но не столь вызывающе. Но Керрик чувствовал себя недостаточно хорошо, чтобы начать спор со страшлищем. Не сегодня. Не обращая внимания на движения презрения и превосходства, он повернулся к ней спиной и пошел туда, где лежала связанная женщина.

– Говори с этой тварью! – приказала Сталлан.

Женщина задрожала. Испуганными глазами поглядела на Керрика:

– Я хочу пить.

– Я принесу воды.

– Оно извивалось и произносило звуки, – сказала Сталлан, – твои звуки были столь же отвратительны. Каков смысл?

– Она хочет воды.

– Хорошо. Дай твари немного. А потом я буду задавать вопросы.

Ине боялась марага, стоявшего возле Керрика. Он смотрел на нее пустым и холодным взглядом, а затем задвигал конечностями, издавая звуки. Керрик перевел.

– Где еще тану? – спросил он.

– Где?.. Что ты имеешь в виду?

– Я спрашиваю вместо этого уродливого марага. Он хочет знать, где другие саммады.

– На западе, в горах, ты это знаешь.

Сталлан не удовлетворилась ответом. Допрос продолжался. Немного погодя, даже едва понимая язык, Керрик догадался, что Ине избегает прямых ответов.

– Ты говоришь не все, что знаешь, – сказал он.

– Конечно нет. Этот мараг хочет узнать, где другие саммады, и всех перебить. Я не скажу. Лучше я умру. Или ты хочешь, чтобы эта тварь все узнала?

– Мне все равно, – правдиво отвечал Керрик.

Он устал, голова его болела. Мургу убивают устузоу, или же устузоу – мургу, ему было все равно. Вдруг он зашелся сильным кашлем. Вытерев мокрые губы, он заметил в слюне кровь.

– Спрашивай снова! – приказала Сталлан.

– Сама спрашивай! – ответил Керрик таким оскорбительным образом, что Сталлан в гневе зашипела. – Воды. Пить. Глотка пересохла.

Он жадно припал к воде, потом закрыл глаза, чтобы мгновение передохнуть.

Потом он ощутил, что его куда-то потащили, но открыть глаза оказалось непосильным трудом. Когда его оставили одного, он поджал ноги к груди и обхватил руками. Под жаркими лучами солнца его бесчувственное тело бил озноб.

26

Он чувствовал течение времени, боль не проходила. Та самая боль, чье присутствие вдруг стало самым важным в жизни Керрика, сокрушавшая его своей тяжестью. Он то терял сознание, то вновь приходил в себя и радовался бездумным темным ночам как спасению от лихорадки и нескончаемой боли. Однажды он проснулся от какого-то слабого крика и не сразу догадался, что кричал сам.

Худшее медленно проходило. Сознание возвращалось ненадолго, но Керрик уже начал ощущать, что резкая боль становится ноющей. Зрение отказывало ему, но сильные прохладные руки, поддерживавшие его за плечи во время питья, могли принадлежать только Инлену<. Сиделка, думал он, постоянная сиделка. Он расхохотался от этой мысли, не зная почему, вновь теряя сознание.

Наконец пора безвременья закончилась – однажды он вдруг понял, что пришел в себя, но не имел силы даже пошевелиться. Его не держали, не связывали – ужасная слабость сковывала его. Он понял, что может двигать глазами, но и они болели – от попытки невольно хлынули слезы. Рядом сидела Инлену<, уютно устроившись на хвосте. Она с безмолвным удовольствием глядела в никуда. Керрик ухитрился с огромным трудом выдавить из себя слово «вода» – и был не в состоянии пошевелиться, чтобы произвести необходимые телесные движения, означающие, что следует принести некоторое количество воды. К нему обратился глаз Инлену< – она обдумывала единственное слово. Наконец желание его стало очевидным даже ей, она пошевелилась и отправилась за тыквой.

Керрик поперхнулся, закашлялся; обессилив, откинулся на спину в полном сознании. У входа зашевелились. В поле его зрения вплыла Акотолп.

– Неужели он заговорил? – спросила она. Инлену< ответила утвердительным жестом. – Очень хорошо. Очень хорошо, – сказала ученая, нагибаясь над ним.

Керрик заморгал, когда ее жирная физиономия с обрюзгшими щеками, словно полная луна, появилась перед ним.

– Ты должен был умереть, – с легким удовлетворением произнесла она. – И ты умер бы, не окажись меня с вами. Покачай головой, чтобы видно было, как ты мне благодарен за это.

Керрик умудрился изобразить легкое движение челюстью, и Акотолп удовлетворилась.

– Ужасная болезнь, она поражает весь организм. Эти нарывы на твоей коже – одно из ее проявлений. Фарги боялись к тебе прикоснуться. Глупые, они не понимают, что такие инфекции не передаются от вида к виду. Поэтому мне пришлось самой ухаживать за тобой. Весьма интересно. Если бы мне уже не приходилось работать с теплокровными устузоу, в твоей печальной участи не стоило бы сомневаться.

Рассуждая вслух, Акотолп меняла повязки на его теле. Боль была не сильной, не такой, как прежде.

– У некоторых пойманных устузоу эта болезнь протекала в более легкой форме. С детства выработанные антитела. У тебя их не было. Я полностью выдавила кровь из одного больного, приготовила сыворотку – и все. Работа окончена. Теперь ешь.

– Как долго?... – выдавил Керрик.

– Долго – пища? Долго – антитела? Тебя еще лихорадит?

Керрик сумел сделать знак времени.

– Поняла. Как долго ты болел? Очень долго. Я не следила. Это не важно. Теперь выпей это. Тебе нужен протеин. Ты потерял треть своего веса. Это великолепное мясо, энзимированное в жидкость, великолепно переваривается.

Керрик был слишком слаб, чтобы протестовать. От отвратительной жижи его выворачивало наизнанку, но он все-таки протолкнул в себя несколько глотков. А потом, обессилев, уснул. Это был кризис. Он выздоровел, надо было набираться сил. Кроме толстой ученой, его не посещал никто, да он и не желал никого видеть. Воспоминания о тану, с которыми он разговаривал, вновь и вновь вставали перед ним. Нет, не тану, устузоу – убийцы с горячей кровью. Люди, похожие на него самого. Двойственность его жизни теперь стала ему понятна, в ней не было никакого смысла. Конечно же, он тану, ведь его притащили в этот город еще ребенком. Но все это происходило так давно, что даже память о детстве забылась. Осталась только память о памяти, словно ему говорили когда-то о тану. Физически он не иилане', он и не может стать им. Но думал он так, как они; двигался, как они; говорил их словами. А телом он оставался тану, и в снах его окружали тану. Сны тревожили, пугали, и, просыпаясь, он радовался, что не запоминает их. Он пытался вспомнить слова тану, но не мог. Даже те слова, которые он говорил тогда на пляже, ускользнули из его памяти за время болезни.

Если не считать привычной безмолвной Инлену<, он был в полном одиночестве. Керрика посещала одна Акотолп, что удивляло его.

– Неужели они все еще охотятся на устузоу? – спросил он ее однажды.

– Нет. Все по крайней мере двадцать дней как вернулись.

– Но здесь никого нет, кроме тебя, даже фарги сюда не заходят.

– Конечно же нет. – Акотолп уселась на хвост, соединив все четыре больших пальца на толстом животе. – Ты мало знаешь об иилане', вот столько – не больше, чем между двумя пальцами. – Показав, она вновь переплела их. – Ты живешь среди нас, ничего не зная.

– Я – ничто, и мои знания – ничто. Ты знаешь все. Просвети, пожалуйста.

Слова его не были простой вежливостью. Большую часть своей жизни он прожил в городе, полном секретов. О многих сторонах жизни иилане' он мог только догадываться, поскольку об этом никто не желал говорить. Если лестью и низкопоклонством можно добиться чего-то от этой жирной твари, он согласен изображать любую покорность.

– Иилане' не болеют. Болезни поражают только низших животных вроде тебя. Могу предположить, что существовали и поражавшие нас болезни. Они давно уже ликвидированы, эти заболевания, как та самая лихорадка, от которой погибло здесь несколько иилане'. Недомоганием могут сопровождаться травмы и раны, с ними легко справиться. Поэтому твоя хворь озадачивает глупых фарги. Они не могут понять, что с тобой, и потому игнорируют твою болезнь... и тебя вместе с ней. Но мое искусство в обращении со многими формами жизни так велико, что я-то знаю, что делать.

Она изобразила великое довольство собой, и Керрик поспешно согласился с ней.

– Тебе, высочайшая, известно все, – добавил он. – Не позволишь ли глупому устузоу побеспокоить тебя вопросом?

Акотолп знаком разрешила.

– А среди самцов разве нет хвори? Мне говорили в ханане, что многие из них умирают на пляжах.

– Все самцы глупы и ведут дурацкие разговоры. Иилане' запрещено разговаривать об этом.

Испытующе глянув на Керрика одним глазом, Акотолп скользнула другим по крепкой спине Инлену< и решилась.

– Но тебе рассказать можно. Ты не иилане'... и ты – самец, так что слушай. Я буду говорить просто, ведь по-настоящему понять все это можно, лишь обладая моими великими познаниями. Я собираюсь описать тебе интимные подробности сложного процесса размножения. Во-первых, ты должен понять свое ничтожество. Все теплокровные самцы, в том числе и ты, извергают сперму... вот и весь ваш вклад в процесс рождения. Для нас, вида высшего, это не так. При копуляции оплодотворенное яйцо извергается в сумку самца. Акт этот инициирует в его организме метаболические изменения. Самцы становятся вялыми, тратят мало энергии, жиреют. Из яиц проклевывается молодняк, он обитает в сумке и покидает ее уже достаточно крупным, чтобы выжить в море. Прекрасный физический процесс, освобождающий куда более развитых самок для важных дел.

Акотолп жадно облизнулась, выхватила у Керрика тыкву с недопитым жидким мясом и осушила ее одним глотком.

– Более развитых во всех отношениях. – Она с удовольствием рыгнула. – И когда молодняк уходит в море, роль самца в воспроизведении потомства заканчивается. То же самое можно сказать и об одном насекомом – богомоле. Его самка поедает самца при копуляции. Обратная метаболическая перемена в организме самца происходит труднее. Примерно половина их умирает. И хотя для самца в этом есть некоторое неудобство, на выживаемости вида подобное никак не сказывается. Ты не понимаешь, о чем я говорю? Вижу, вижу, по животной пустоте твоих глаз.

Но Керрик понял все слишком хорошо. Третий раз на пляже – верная смерть, подумал он. Но вслух произнес:

– Как велика твоя мудрость, высочайшая! Даже если бы я жил от яйца времен, и то не усвоил бы даже малейшей доли твоих познаний.

– Безусловно, – согласилась Акотолп. – Низшие теплокровные существа не способны к существенным изменениям метаболизма. Поэтому-то их немного, и способны они существовать лишь на краю света. В Энтобане мне случалось работать с животными, которые во время сухого сезона обволакивают себя илом, – так они дожидаются следующего сезона дождей в глине, на дне пересыхающих озер, как бы долго ни продлилась засуха. Поэтому даже тебе следует понять, что метаболические изменения могут привести и к смерти.

Факты сошлись, и Керрик, не думая, выпалил:

– Дочери Смерти?

– Дочери Смерти!.. – с презрением произнесла Акотолп. – Не говори мне об этих созданиях. Они не служат своему городу и не умеют как положено умереть, когда их выгоняют. Умирают хорошие. – Она поглядела на Керрика, и холодная злоба проступила в ее жестах. – Икемеи мертва. Великая ученая. Тебе была предоставлена честь встретить ее в Инегбане, когда она брала у тебя пробы тканей. Так ее погубили. Какие-то дуры на высоких постах решили поручить ей найти способ биологического уничтожения вас, устузоу. Она не смогла этого сделать, как ни старалась. И она умерла. Ученые берегут свою жизнь, они не могут ее взять. И она умерла – иилане', отвергнутая своим городом. А ты – бесчувственный самец, низкий зверь, и я больше не буду с тобой разговаривать.

Она заковыляла прочь. Керрик не заметил ее ухода. Впервые сумел он понять хоть что-то из того, что происходило вокруг. Он-то по глупости своей воспринимал мир таким, каким он был. Он-то верил, что все эти создания, вроде лодок и хесотсанов, были естественными. Да разве такое возможно? Иилане' даже себя преобразили неведомым способом – значит, они изменили в городе все растения, всех животных. Если жирная Акотолп и впрямь умела делать подобные вещи, пределы познаний ее на самом деле трудно было представить. И впервые он почувствовал к ней искреннее уважение – за все, что она знала и умела. Он бы умер, если бы не она.

Он уснул и стонал во сне: животные меняли свою сущность, и сам он таял и растекался, преображаясь.

Скоро он уже мог сидеть. Потом, опираясь на Инлену<, сумел проковылять несколько шагов. Силы постепенно возвращались. Вскоре выбрался из своей каморки и уселся на солнце, прислонившись спиной к дереву. Как только он там оказался, здоровый, как всегда, общение с ним вышло из-под запрета. Фарги являлись на его зов, приносили фрукты – ничего другого он не хотел, – только чтобы избавиться от привкуса жидкого мяса.

Силы возвращались, и наконец, с остановками, он рискнул добраться до амбесида. До болезни прогулка была бы недолгой. Теперь это была целая экспедиция, в конце ее он опирался на руку Инлену< и обливался потом. Привалившись к стене амбесида, он пытался отдышаться. Вейнте' заметила его и приказала подойти. Он поднялся на ноги и побрел, спотыкаясь на ходу. Она следила за его неровной поступью.

– Ты еще болен? – спросила она, выражая озабоченность.

– Болезнь прошла, эйстаа. Слабость осталась. Акотолп, обладающая бесконечными познаниями, велела мне есть много мяса, чтобы сила возвратилась в мое тело.

– Делай, как она приказала. Подтверждаю ее распоряжения, победа следовала за нами на север, все попавшиеся нам устузоу убиты. Часть из них мы взяли в плен, и я хочу, чтобы ты говорил с ними, получал информацию.

– Как повелевает эйстаа, – отвечал Керрик и, хотя он говорил со смиренной любезностью, вдруг испытал страшное возбуждение: он покраснел и задрожал.

Он понял, что ненавидит этих отвратительных существ. Но все-таки он стремился общаться с ними.

– Ты будешь разговаривать, но не с теми, кого мы привезли с севера. Они уже мертвы. Копи силы. Когда теплое солнце вернется на север, мы отправимся туда, чтоб еще больше убить.

Керрик жестом выразил покорность, удивляясь внезапному разочарованию.

Чтобы прогнать болезнь и восстановить силы, ему достаточно было теперь просто лежать на солнце. Прошло много дней, наконец Акотолп послала за ним. Фарги привела его в ту часть города, где он еще не бывал, к закрытой, но странно знакомой панели. Она отворилась, за ней оказалось сырое помещение.

– Водяная комната, совсем как в Инегбане!

Инлену< завертела плотным телом в знак согласия.

– Глаза жжет!

– Так закрой их, обладательница великой тупости.

И он поспешно зажмурился, когда брызнули первые капли теплой жидкости...

Когда они вошли, Акотолп повернулась к ним, протянула руку и двумя большими пальцами ущипнула Керрика.

– Хорошо. Ребра покрыты. Ты должен упражняться. Этот приказ я передаю тебе от эйстаа. Она весьма озабочена твоим здоровьем. Ты должен окрепнуть, чтобы выдержать новое путешествие на север.

– Я слышу, и я повинуюсь. – Во время разговора Керрик разглядывал странную комнату и безуспешно пытался понять, что его окружает. – Однажды в далеком Инегбане я видел подобное помещение.

– Ты разумный среди глупых. Все лаборатории похожи друг на друга.

– Расскажи мне, великая, что ты делаешь здесь?

Акотолп причмокнула губами, и жирное тело задрожало от охвативших ее чувств.

– И ты хочешь, чтобы я тебе рассказала? Существо бесконечной глупости, да проживи ты десять жизней – и то не начнешь понимать. Иилане' занимаются наукой с тех пор, как впервые вышли из моря. Их знания росли и зрели. Наука – это знание жизни, умение заглянуть в жизнь, увидеть клетки, из которых складывается все живое, и в них – гены; увидеть там спираль, которую следует удалить и заменить другой. Так владычествуем мы над жизнью. Понял ли ты хоть одно слово, ползающий и копошащийся?

Керрик жестом признал доводы насекомого и ответил:

– Очень немного, о обладательница бесконечных познаний, но достаточно, чтобы понять – ты из тех, кто властвует над жизнью.

– Это верно. У тебя, по крайней мере, хватает разума, чтобы воспринимать, не понимая. С удивлением погляди на это создание.

Акотолп оттолкнула в сторону одну из помощниц и показала на узловатое создание с шипами, восседавшее возле прозрачной части стены. Керрику показалось, что из большого глаза в его боку шел яркий солнечный свет. Озадаченный, он заметил сверху на голове другой глаз. Акотолп жестом приказала Керрику подойти ближе и наслаждалась его недоумением.

– Ты боишься его?

– Эти глаза...

– Они слепы, глупец. Это существо слепо и бесчувственно, мы преобразовали его глаза, чтобы видеть невидимое. Погляди сюда. Что ты видишь на прозрачной пластине?

– Каплю воды.

– Потрясающая наблюдательность! А теперь смотри – я помещаю ее в сандуу.

Большим пальцем Акотолп открыла окошечко в боку сандуу и вставила в него пластину. Заглянув в верхний глазок и бурча про себя, она набирала пальцами инструкции для сандуу. Потом отодвинулась и поманила к себе Керрика.

– Закрой глаз. Другим погляди сюда. Расскажи, что видишь?

Он ничего не увидел. Просто светлое пятно. Моргнув, он повернул голову... и увидел их: прозрачные существа быстро шевелили щупальцами. Этого он понять не мог и вопросительно взглянул на Акотолп.

– Я заметил там шевелящихся тварей... Кто это?

– Животные, мельчайшие, они живут в этой капле воды. Линзы увеличивают их изображение. Ты понял, что я говорю?

– Нет.

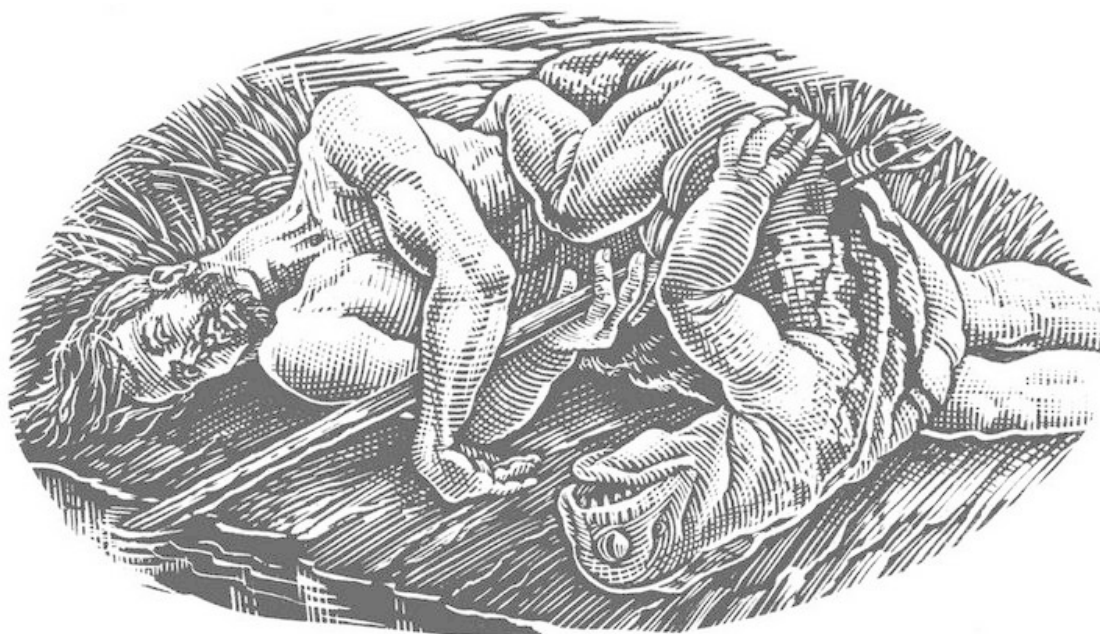
– Абсолютно верно. Ты никогда не выучишься. Твой разум не больше, чем у всех остальных устузоу. Свободен.

Керрик обернулся и вздрогнул, увидев у стены безмолвного бородатого тану. Внезапно он понял, что это чучело. Ничего не ощутив при этом, он быстро вышел.

И все же на обратном пути он был странно взволнован... Солнце грело плечи, сзади терпеливо шлепала Инлену<. Мыслями и словами он был иилане'. А по виду – устузоу. А значит, не был ни тем ни другим. Мысль эта огорчила его. Все-таки он иилане', в этом нельзя сомневаться.

Он повторял и повторял эти слова, а пальцами бессознательно щипал свое собственное теплое тело тану.

27

– Пришло время отправляться, – сказала Сталлан. – Здесь, на картинках, есть все, что нам следует знать.

– Покажи! – велела Вейнте'.

Помощницы и фарги, толкаясь, приблизились, чтобы посмотреть, но она жестом отогнала их. Сталлан передавала изображения по одному, сопровождая их подробными пояснениями.

– Вот это самые ранние... Это высокие долины, где обычно зимуют устузоу. Но последней зимой тепло не пришло туда. И поэтому устузоу пойдут на юг в поисках пищи.

«На юг, подальше от собственных морозных зим, – подумала Вейнте', – так и мы бежим из холода Инегбана». Она выбросила из головы непристойное сравнение, едва оно появилось. Между двумя фактами не было никакого сходства, ничего общего не может быть у иилане' с устузоу. Простое совпадение. Ну и что, пусть эти твари отправляются на юг за пищей.

– ... На юг, где они окажутся у нас в руках, – громко произнесла Вейнте'.

– Будущее открыто для тебя, эйстаа. Если они останутся в горах, то умрут от голода. Если же нет – мы сумеем встретить их.

– Когда выступаем?

– Очень скоро. Смотри сюда... вот. Большие звери, тянущие шесты и шкуры. Они спускаются с гор. Вот трава – еще серая и мертвая после зимы. Белое во впадинах – твердая вода. Они пойдут дальше на юг.

– Пойдут. Подготовка окончена?

– Окончена. Припасы собраны. Лодки накормлены. Вооруженные фарги готовы.

– Проследи, чтобы все так и оставалось.

Отпустив Сталлан, Вейнте' мгновенно забыла о ней, обратившись к мыслям о грядущей кампании. На этот раз придется углубиться на сушу, пробыть в походе все лето. Взять с собой мяса на весь этот срок они не могли... Значит, следует предусмотреть снабжение из города? Или лучше опустошать землю? Это легче, к тому же каждый убитый зверь не достанется устузоу. Но нужно взять с собой и какие-то запасы, чтобы продвижение не замедлялось. Следует учесть все. Придется брать пленников. Раптор не мог пролететь над всеми стоянками устузоу. Допрашивая пленников, иилане' будут обнаруживать племя за племенем и перебыют всех. Повинуясь жесту, к Вейнте' подошла фарги.

– Прикажи Керрику явиться ко мне.

Она долго не могла отрешиться от мыслей о походе и не сразу заметила вошедшего.

– Расскажи о своем здоровье, – приказала Вейнте', – ты очень похудел.

– Да, но слабость исчезла, шрамы от нарывов зажили. Каждый день я заставляю жирную Инлену< бегать со мною в полях. Она теряет вес – я набираю.

– Скоро выступим на север. Ты отправишься с нами.

– Эйстаа говорит – я повинуюсь.

Он выразил это самым официальным образом, не проявив никаких других эмоций. Но за внешним спокойствием мысли были совершенно иными.

Он стремился в путь... и боялся его.

Большая часть подробностей минувшего похода забылась во время болезни. Когда Керрик был без сознания, он просто ничего не помнил, но когда он пришел в себя, появились боли в груди, язвы покрыли все тело. Он знал, что надо есть... и не мог. Смутно он ощущал, как тает его тело, как приближается смерть, но был слишком слаб, чтобы бороться с болезнью. И лишь во время долгого, трудного выздоровления он начал думать о пище.

Но все это было – и должно остаться в прошлом. Он все еще уставал к вечеру, но с каждым днем становился чуть сильнее. Все будет отлично.

Он пойдет вместе со всеми, там будут устузоу, ему придется разговаривать с ними. Давно не позволял он себе подобных мыслей, но странное возбуждение охватило его, и Керрик с нетерпением ждал похода. Он снова будет разговаривать с тану и на этот раз припомнит больше слов. И едва он об этом подумал, внезапное возбуждение овладело им, и он зашагал быстрее – Инлену< покорно плелась следом.

...Они выступили на несколько дней раньше, чем планировалось; решено было двигаться медленнее. Вейнте' желала проверить, удастся ли им раздобыть по дороге мясо.

Весь первый день они плыли и только утром остановились на скалистом берегу. Сталлан сразу же отправилась на охоту с группой своих лучших охотниц, резвые фарги торопились следом.

Они возвратились задолго до темноты, фарги были нагружены тушами оленей. Они подносили и складывали туши перед эйстаа.

– Хорошо, очень хорошо, – сказала она с удовольствием. – Верно твое имя, Сталлан: «охотница, что не промахивается».

Охотница... Керрик не понимал еще смысла этого слова. Охотница. Входящая в лес, крадущаяся по равнине, убивающая.

– Сталлан, я тоже хочу поохотиться, – произнес он вслух то, о чем долго думал. И склонился за хесотсаном, лежавшим неподалеку, но Сталлан пинком отбросила оружие. Ее поступок был грубым и неожиданным.

– Устузоу умирают от хесотсана, другого отношения к оружию они не имеют!

Керрик отступил. Он думал не об оружии, он хотел только на охоту. И пока он обдумывал ответ, заговорила Вейнте':

– Разве у тебя совсем нет памяти, Сталлан? Ты забыла, что приказы отдаю только я? Отдай Керрику свое оружие! Объясни устузоу, как оно действует.

Тон приказа был так резок, что Сталлан оцепенела. Вейнте' не изменила повелительной позы. Важно, чтобы все иилане', даже ранга Сталлан, не забывали, кто здесь эйстаа. А еще ей хотелось натравить эту пару друг на друга, их взаимная ненависть была очевидной.

Сталлан оставалось только повиноваться. Фарги подвинулись ближе, как всегда, когда кому-то что-нибудь объясняли. Сталлан нерешительно протянула оружие Керрику.

– Это создание называется хесотсан; оно выращено, чтобы служить оружием.

Керрик решительно взял в руку прохладную темную трость, не отводя глаз от указующего большого пальца.

– Молодые хесотсаны подвижны, а когда вырастают, то меняют форму. Ноги становятся короткими, позвоночник деревенеет, и существо принимает такой вид. Его приходится кормить, иначе оно умрет. Вот рот. – Она показала на дырочку с темными губами. – Не перепутай с отверстием, куда вставляются иглы. Иглы мы снимаем с кустов и сушим... Не двигай рукой!

Сталлан выхватила у Керрика оружие и попыталась овладеть собой. Лишь присутствие эйстаа за спиной сделало это возможным. Не будь ее – она втоптала бы этого устузоу в землю. Помолчав, она заговорила более хриплым голосом, чем прежде:

– Это оружие убивает. Для этого надо надавить одной рукой на тело, а потом нажать здесь большим пальцем.

Раздался громкий треск – и игла со свистом улетела в воду.

– Иглы мы вставляем сюда. Получая импульс, хесотсан выделяет некоторое количество жидкости, она испаряется со взрывом и выталкивает иглу наружу. Не заряженные в хесотсан иглы безвредны. Но пока игла двигается по метательной трубе, она трется о железо, которая выделяет такой сильный яд, что невидимая взору капля мгновенно убивает такого гиганта, как ненитеск.

– Ты превосходно объясняешь, – произнесла Вейнте'. Легкое удовольствие в ее тоне делало слова двусмысленными. – Можешь перестать.

Бросив хесотсан Керрику, Сталлан резко обернулась. Но все же не настолько быстро, чтобы спрятать от Керрика жгучую ненависть. Он ответил ей тем же. Но, разглядывая оружие, быстро забыл о случившемся. Он думал только о предстоящей охоте, о том, как воспользуется хесотсаном. И все же он был не настолько легкомыслен, чтобы впредь позволять Сталлан находиться рядом с ним без свидетелей. Лучше было держаться от охотницы подальше, и уж во время охоты особенно. Ядовитая игла мгновенно уложит его так же, как и любое животное.

...Когда на следующий день пришло время выходить на охоту, Керрик не стал высовываться со своим оружием, пока не убедился, что Сталлан удалилась. Тогда он направился в противоположную сторону. Никакого желания пасть жертвой несчастного случая он не испытывал.

Охотиться, волоча на поводке неповоротливую Инлену<, оказалось делом нелегким, но он старался, как только мог. Иногда ему везло – и Инлену< приходилось тащить на пляж не одного оленя. Но куда важнее, чем сама добыча, оказалось то чувство, которое он испытал, выслеживая зверей в густой траве. Удовольствию его не было предела. Керрик не замечал усталости: у него появился волчий аппетит, он спал как убитый. Охота продолжалась, они медленно продвигались на север, и с каждым днем он оказывался способным на большее. Когда от побережья океана они направились вдоль огромной реки, он чувствовал себя столь же сильным, как прежде.

Первая битва состоялась через несколько дней...

Когда все ушли, Керрик остался в лагере на своем обычном месте. Полученные с помощью раптора снимки свидетельствовали, что устузоу движутся вдоль берега реки, поэтому тщательно продумана была и засада. Но Керрику было не до этого. Скрестив ноги, он сидел на

земле и пальцем дразнил хесотсан. Прикасаясь к его пасти, он отправлял в нее очередную мясную кроху и мечтал о новой охоте. Инлену< такая шумная. Но она научилась замирать на месте по его приказу. Он описывал большой круг около очередного обнаруженного стада, а затем прятался с подветренной стороны. Олени, спасаясь от охотниц, бежали прямо на него. План срабатывал.

Мысли его нарушил далекий вопль. Даже Инлену< вздрогнула и огляделась. Крик прозвучал снова, громче и ближе. Керрик вскочил на ноги, вскинув оружие. Крик повторился, послышался тяжелый топот.

Впереди над откосом раздался пронзительный вопль, в ветвях показалась огромная голова. Длинные белые клыки, задранный хобот, вновь оглушительный визг.

– Убей устузоу! – завопила Инлену<. – Убей, убей!

Керрик вскинул хесотсан, целя прямо в черный глаз огромного зверя.

– Кару... – сказал он и не выстрелил.

Инлену< в страхе застонала.

Задрав хобот, мастодонт вновь затрубил. А потом повернулся и исчез из виду.

Кару... Почему он произнес это слово? Что оно значило? Он ведь только удивился огромному зверю, но не испугался. Странное слово «кару». Оно будило смутные воспоминания. Теплые, мирные... Вздрогнув, он постарался все забыть. Наверное, схватка совсем рядом. Огромный волосатый зверь испугался, удрал. Керрик был рад, что не убил его.

– Эйстаа посылает за устузоу по имени Керрик, – раздался голос медленно тащившейся по берегу фарги.

Она была ранена – нижняя часть руки была закрыта повязкой. Кровь струилась по ноге...

– Умойся! – приказал Керрик, потянув за поводок. Инлену< с трудом поднялась на ноги.

Хесотсан справился с последним куском мяса. Керрик погладил пальцем его рот: если не закрыть его вовремя, оружие может укусить мелкими зубками.

Они пошли вдоль берега, потом повернули в сторону, на утоптанную тропу. По пути им то и дело встречались раненые фарги, шедшие назад. Некоторые стонали, другие валялись на землю, не в силах пошевелиться. Они прошли мимо трупа – одна фарги умерла на дороге, глаза и рот были широко раскрыты. Битва была суровой.

Потом Керрик увидел мертвых тану. Фарги сваливали трупы в кучи – мужчины и женщины, детские тельца отбрасывали в сторону. Рядом лежал мастодонт, рухнувший на пожитки племени и изломавший их.

Керрик был потрясен, он молча шел дальше. Это были устузоу, их следовало убивать. Но это же тану – почему они убиты? Это те самые мерзкие устузоу, перебившие самцов иилане' и молодняк на пляже. Но что ему до этого? Он и близко не подходил к этим пляжам.

Пронзенная копьем фарги лежала на теле охотника, так и не выпустившим древко из рук. Фарги была иилане', и он, Керрик, тоже иилане'.

Но нет, он тану. Он еще и тану?

На вопрос нельзя было ответить, но его нельзя было и забыть. Нет, надо забыть все и вспомнить себя мальчиком... Но тот мальчик давно мертв. Чтобы выжить, ему пришлось стать иилане'. И он иилане', а не грязный устузоу.

Тут его за руку потянула какая-то фарги, он вздрогнул. Трупы, кругом трупы... тану, иилане', мастодонты. Он уже не мог смотреть на трупы. Керрик подошел к группе вооруженных фарги, расступившихся перед ним. Там стояла Вейнте', каждое движение ее тела выдавало неприкрытый гнев. Увидев Керрика, она молча указала на лежавший перед нею предмет. Это была шкура какого-то животного, плохо выделанная и подгнившая, совершенно бесформенная, с головой.

Керрик в ужасе отшатнулся. Это было не животное, а иилане', ее еще можно было узнать.

– Видишь это? – спросила Вейнте'. Каждый жест ее передавал жгучую ненависть. – Видишь, что сделали эти животные с ней, такой интеллектуальной, такой красивой. Я хочу поподробнее разузнать об этом: кто это сделал, сколько их было, где их искать? Ты допросишь захваченного устузоу. Нам пришлось вбить в него покорность. Возможно, это предводитель своры. Пусть покапает кровью – но прежде все расскажет тебе, а потом я убью его. Быстро! Я должна знать все. Несколько устузоу избежали смерти, но Сталлан со своими охотницами идет по следу и схватит их.

Лужайку окружали высокие деревья. Тану лежал на земле со связанными руками и ногами, а фарги била его копьем.

– Пусть он страдает, не убивай! – приказала Вейнте'.

Керрик приближался медленно, почти против собственной воли. Охотник был рослым, куда выше его. Густая борода и волосы были испачканы кровью. Избиение продолжалось, но мужчина молчал.

– Прекрати! – велел Керрик, ткнув оружием в спину фарги. – Назад!

– Кто ты? – хрипло спросил мужчина, закашлявшись и сплюнув кровь, перемешанную с осколками зубов. – Ты пленник, раз на поводке? И ты разговариваешь с ними? Где твои волосы? Кто ты? Говорить умеешь?

– Я... я – Керрик.

– Это имя ребенка, а не охотника. Но ты уже взрослый...

– Это я задаю вопросы. Назови свое имя.

– Я Херилак. Саммад мой. Был. Убиты все, все погибли... Да?

– Некоторые бежали. За ними погоня.

– Детское имя... – Голос его стал мягче. – Подойди ближе, мальчик, ставший мужчиной. Дай мне поглядеть на тебя. Они подбили мне оба глаза... Подойди ближе... Вижу. Пусть на лице нет ни волоска, но твое лицо – лицо тану.

Херилак поморгал, стараясь стряхнуть кровь с век. Керрик протянул руку и мягким движением смахнул ее. Он словно прикоснулся к собственной теплой коже. К собственной коже, собственному телу. Он вздрогнул – подобное ощущение было таким непривычным.

– Ты производишь звуки и вихляешься, как они. Значит, ты умеешь говорить с ними?

– Отвечай на мои вопросы. Не тебе задавать их.

Херилак понимающе кивнул:

– Делаешь их работу. Давно ты с ними?

– Не знаю... Много лет... зим.

– Все это время они убивали тану, Керрик. Мы тоже убиваем их, но всегда мало. Однажды я видел малыша в плену у мургу. Они держат пленных?

– Пленных нет. Только один я... – Керрик умолк, что-то забытое шевельнулось в его памяти: бородатое лицо среди ветвей.

– Значит, они поймали и воспитали тебя, – почти шепотом произнес Херилак. – Ты умеешь говорить с ними. Нам нужна твоя помощь, тану нуждаются в тебе... – Он умолк, заметив нож на шее Керрика. И произнес сдавленным голосом: – Повернись-ка к свету, мальчик. Что это у тебя на шее? Это твоя вещь?

– Моя? – переспросил Керрик, прикасаясь к холодному металлу. – Должно быть, да. Они сказали, что меня поймали с этой штукой на шее.

Голос Херилака дрогнул: охотник что-то вспомнил.

– Небесный металл... Я видел, как он свалился с неба, а потом искал и нашел его. Эти ножи делали при мне, их каменными ножами откалывали от куска металла, потом расплющивали. Ну прикоснись к моей груди... Там под шкурой... спереди... Нашупал? Вытаскивай! Один охотник сделал большой – для себя, второй поменьше – для сына. У сына было детское имя; может, его и звали Керрик. Я не помню. Но отца звали Амагаст. Он был близок мне.

Потом, через много лет, я нашел этот нож из небесного металла среди его костей. Костей Амагаста.

Застыв в ужасе, Керрик слушал. Имя... Оно снилось ему по ночам, он забывал его, просыпаясь.

Амагаст...

Амагаст. Одно слово словно ключом отомкнуло поток воспоминаний, захлестнувших его. Кару, его мастодонт, был убит. Отец его Амагаст. Он погиб. Вместе со всем саммадом. Воспоминания путались. Тогда тоже вокруг лежали погибшие. Резня... И долгие, долгие годы... Медленно доходили до него слова охотника.

– Убивай их, Керрик, убивай, как они убивают нас.

Повернувшись, Керрик побежал. Инлену< заковыляла следом. Подальше от охотника, от этого голоса и воспоминаний! Но от них уже негде было скрыться. Оттолкнув вооруженную фарги, он поднялся на вершину заросшего травой склона, тянувшегося в сторону моря, и тяжело сел на землю, обхватив колени, лицом к океану... и не видя его.

Перед ним был Амагаст, отец его, и погибший саммад. Робко и невнятно с ним заговорила память. Она была при нем: все забытое, все похороненное. Глаза его наполнили детские слезы, те, что он не выплакал ребенком. Теперь они текли по щекам... Саммад его вновь был перед ним... Убитые лежали, как сегодня родные Херилака. Оба побоища слились в его воображении воедино. И он еще жил столько лет среди иилане', позабыв обо всем. Он выжил, потому что забыл.

Но теперь он вспомнил, и в памяти своей был сразу двумя существами – устузоу, которого научили говорить на языке иилане', и мальчиком-тану.

Мальчиком? Он смотрел на свои руки, на пальцы. Он больше не мальчик. Тело его выросло за долгие годы. Он стал мужчиной, но не знал, как им становятся. Он вспомнил отца, других охотников... Должно быть, теперь он с них ростом.

Вскочив на ноги, Керрик закричал от негодования и гнева. Кто он? Что он? Что с ним происходит?

Вдруг сквозь бурный порыв эмоций он почувствовал, что его дергают за шею. Он обернулся и, моргая, увидел, что Инлену< тихонько тянет его за поводок, выражая при этом беспокойство и страх.

Керрику захотелось убить ее, и он занес оружие у нее над головой.

– Мараг! – крикнул он. – Мараг!

Но гнев улегся так же быстро, как и пришел, и, устыдясь, он опустил оружие. Простодушное создание было не опасно, она была пленницей куда в большей степени, чем он.

– Спокойствие, Инлену<, – произнес он. – Ничего плохого. Успокойся.

Приободрившись, Инлену< вновь уселась на толстый хвост и кротко заморгала, глядя на заходившее солнце.

Керрик сразу забыл о ней. Там, на лужайке за деревьями, ждал Херилак. Чего ждал? Ответа, конечно, ответа на вопрос, на который сам Керрик не мог ответить, хотя вопрос был предельно ясен.

Кто он? Физически – тану, мужчина с мыслями мальчика, так и не ставшего настоящим тану. Это было ясно и очевидно. Чтобы выжить, мальчик превратился в иилане'. Это было понятно. Иилане' мыслями, тану с виду.

Неясно было только, что с ним будет. Если он не предпримет ничего, существование его будет продолжаться так, как и раньше. Положение его останется высоким, он будет ближайшим подручным эйстаа, живущим в спокойствии и безопасности. Но в качестве иилане'.

Но этого ли он хотел? Это ли его будущее? Раньше он не думал об этом, даже не представлял себе такое. Он передернул плечами, пытаясь сбросить невидимую тяжесть. Слишком многое приходилось решать прямо сейчас. Ему так требовалось время на раздумье. Он выпол-

нит приказание Вейнте' и допросит устузоу. Потом будет время все обдумать. Голова его была тяжелой...

Когда Керрик вернулся, ничего не переменилось. Херилак лежал связанным на земле. Три фарги молча стояли на страже. Керрик поглядел на охотника, попытался заговорить, но не находил слов. Молчание нарушил Херилак.

– Делай, как говорю, – зашептал он. – Убей мургу, режь путы, бежим вместе в горы, в зимние снега, к доброй охоте, к костру в шатре. Вернешься к своим.

И хотя охотник шептал эти слова, громом отдавались они в голове Керрика.

– Нет! – громко выкрикнул он. – Молчи! Ты будешь отвечать на мои вопросы. Ты будешь только отвечать...

– Мальчик, ты потерялся, но тебя не забыли. Они попытались сделать тебя своим, но ты не из них. Ты – тану. Керрик, возвращайся в саммад.

Керрик гневно велел Херилаку замолчать, но голос охотника все звучал в его ушах. Он еще не сдавался. Все решила фарги, которая держала копье. Она ничего не понимала, но чувствовала неладное. Припомнив прежний приказ эйстаа, она шагнула вперед и принялась тупым концом копья охаживать Херилака.

– Нет! – рявкнул Керрик. – Нельзя, перестань!

Оружие в его руке треснуло словно само собой – фарги рухнула мертвой. Все еще охваченный гневом, он повернулся и выстрелил во вторую, та упала – рот ее кривился. Он все нажимал и нажимал на хесотсан, и тело фарги оцетинилось иглами. Когда хесотсан опустел, Керрик отшвырнул его.

– Бери копье! – приказал Херилак. – Режь путы!

Инлену< дернулась следом за Керриком. Он нагнулся к фарги и вытащил копье из ее мертвой руки. Потом он разрезал путы на лодыжках Херилака, потом на запястьях.

– Что это?! Что случилось?! – раздался сердитый крик Вейнте'.

Керрик обернулся – она стояла над ним, оскалив острые зубы. Тут он впервые вспомнил эти зубы впившимися в горло девушки, оскалившимися над ним, когда, оседлав его, она орала от блаженства. Общего блаженства. Ведь и он ощущал его.

Блаженство и ненависть – он разом ощутил их.

Она говорила что-то, но он не слышал. Приказывала, но он не собирался повиноваться. Она повернулась и потянулась к брошенному оружию.

То, что он сделал, было так естественно, что не потребовало никаких раздумий и усилий. Копье взметнулось и ударило в бок Вейнте', глубоко вонзившись в ее тело. Она схватилась за древко и вырвала его. Хлынула кровь. Иилане' пошатнулась, повалилась на спину и покатила с обрыва.

– Бежим! – крикнул Херилак, потянув Керрика за плечо. – За мной! Тебе нельзя теперь здесь оставаться! Ты должен идти со мной!

Схватив Керрика за руку, он потащил его за собой к темной стене леса, обступившего поляну. Керрик сопротивлялся, а потом, спотыкаясь, побежал следом, через подлесок, сжимая в руке позабытое копье. Инлену<, протестуя, ковыляла следом.

Они исчезли среди деревьев, и шаги их утихли. На поляне вновь воцарилось безмолвие. Безмолвие смерти.

Книга вторая

1

Стая ворон, громко каркая, кружила по небу. Птицы по одной опускались на ветки. Дул ветерок, наступал жаркий вечер. Под деревьями было прохладнее: листва на березах и дубах была такой плотной, что лишь кое-где вниз пробивался солнечный луч. Пятна тени дрожали на трех телах, распростертых на мягкой траве.

Могучий Херилак совсем выбился из сил: раны его открылись, кровь сочилась по телу, волосы на голове и борода слиплись. Закрыв глаза, он лежал на спине и неровно дышал.

Напротив него расположилась Инлену<. Не замечая того, она приняла ту же позу и пыхтела, раскрыв рот.

Керрик устал меньше и, в отличие от нее, прекрасно сознавал, что происходит и где они находятся. Они остановились у подножия горы, неподалеку от побережья. Они долго бежали, пока Инлену< не выдохлась, а когда она остановилась, рухнул наземь и Херилак. Во время бегства паника постепенно покинула Керрика, и ее сменил леденящий душу страх.

«Что я наделал?»

В вопросе крылся ответ. Что он наделал, было понятно. Он погубил себя. Он убил эйстаа. Теперь, когда эмоции улеглись, он и понять не мог, что заставило его совершить безумный поступок. Одним ударом копья он оборвал все, что связывало его с иилане', восстановил против себя всех. Кончилась привычная жизнь, она умерла, как Вейнте'. Теперь уже никогда не вернуться ему в уютный Алпеасак. А впереди ждала неизвестность... Нельзя было сомневаться в том, что ему грозит смерть. Терзаясь тоской и раскаянием, он повернулся и, раздвинув кусты, поглядел вниз со склона. Ни малейшего движения. Не было даже признаков погони. Пока. Но его будут преследовать. Убийца эйстаа не уйдет от возмездия.

Вернуться он не мог. После случившегося все прошлое погибло. Он теперь обречен на изгнание, одинокий иилане' среди устузоу, на куда большее одиночество, чем прежде.

Думы его нарушил голос, смысл сказанного он понял не сразу.

– Великолепно, Керрик, отличный удар! Убил главного марага.

– Не просто главного, – в глубоком унынии ответил Керрик. – Самую главную, предводительницу, саммадара города мургу.

– Тем лучше.

– Лучше? За ее смерть мне придется заплатить жизнью.

– Ее? Этот уродливый мараг – самка? Трудно поверить.

– Они все самки. Самцы сидят под замком.

Херилак приподнялся на локтях и холодно взглянул на Инлену<.

– И это самка? – спросил он.

– Как и все.

– Передай мне копье. Будет на одну меньше.

– Нет!

Керрик отодвинул копье, прежде чем Херилак успел до него дотянуться.

– Зачем убивать Инлену<? Она совершенно безобидна. Такая же пленница, как и я. Не убивай ее.

– Почему? Разве это не ее родня вырезала мой саммад... всех, всех до единого! Давай копье! Я убью ее, и ты освободишься. Как ты думаешь, далеко мы уйдем, если ты будешь к ней привязан?

– Не смей! Я не разрешаю убивать ее, понял?

Неожиданно теплые чувства к Инлену< удивили самого Керрика. До сих пор она ничего не значила для него. Прежде он замечал ее только тогда, когда она мешала ему. Но сейчас присутствие ее почему-то вселяло уверенность.

– Если не хочешь убивать – отрежь ремень краем наконечника.

– Его нельзя перерезать. Смотри, камень не оставляет на ремешке даже царапины. – Он несколько раз без всякого результата провел острым наконечником по гладкой твердой поверхности. – Из твоего саммада уцелел еще кто-то. – Керрик сменил тему разговора, чтобы отвлечь внимание Херилака от Инлену<. – Я слышал это от мургу. Они говорили, что преследуют убегающих тану.

– А ты не слыхал кто? И сколько их было?

– Нет. Знаю лишь, что они бежали.

– Надо подумать. Кто бы это ни был, на юг не пойдет никто. Даже думать нечего. Они пойдут назад, по собственным следам. Да, так они и поступят. К ближайшей воде, до ручья, возле которого мы ночевали сегодня. Придется и нам идти туда же. – Он поглядел на Керрика. – Нас преследуют?

– По-моему, никто не видел, как мы бежали. Но они придут сюда. Мургу – хорошие следопыты. После всего, что я натворил, мне не дадут скрыться.

– Не беспокойся. Они еще далеко. Но и мы окажемся в безопасности только тогда, когда уйдем подальше от берега. В этих холмах они могут выследить нас, если хоть что-нибудь понимают в следах, как ты уверяешь. – Он попытался подняться на ноги. Керрик поддержал его. Стирая с лица запекшуюся кровь, охотник огляделся. – Пойдем туда по этой долине, наша стоянка была возле ручья, на севере за перевалом... Пошли.

После полудня они шли уже не так быстро: приходилось приноравливаться к прихрамывающему Херилаку, не желавшему останавливаться, несмотря на то что за ними как будто никто не гнался. Вдруг Херилак замер и принюхался.

– Олени, – сказал он. – Нужна еда. Не думаю, что нас преследуют, но стоит принять все меры предосторожности. Керрик, возьми взрослого бычка.

Керрик поглядел на копье, взвесил его в руке.

– Я не метал копье с самого детства, я отвык.

– Умение вернется.

– Позже, не сегодня. Херилак, ты умеешь. Хватит ли у тебя сил?

Он протянул копые, и Херилак стиснул древко.

– Когда у меня не будет хватать сил, чтобы охотиться, я умру. Иди к ручью и жди меня под деревьями. Будь внимателен.

Распрямившись, Херилак взвесил копые в руке, а потом быстро и решительно пошел прочь. Керрик направился вниз к ручью, напился вволю, а потом, черпая пригоршнями, омыл грязное тело. Инлену< наклонилась вперед и шумно втягивала воду, чуть приоткрыв зубастую пасть, а затем уселась на берегу, свесив хвост в ручей.

Керрик позавидовал спокойствию и невозмутимости, никогда не изменявшим ей. Должно быть, приятно быть глупым. Ее не волновало, зачем она здесь, не интересовала даже собственная участь.

Керрик помнил, что исчезло в прошлом, но будущее оставалось для него совершенно неясным. Когда-нибудь все уляжется само собой, но пока об этом рано мечтать. Разве можно жить вне города? О грязном и голодном быте устузоу он ничего уже не помнил. Скучных мальчишеских воспоминаний мало, чтобы заново стать тану. Вот даже и копые не умеет бросить как следует.

– Иилане' идут... – вдруг проговорила Инлену<, и он в ужасе вскочил на ноги.

Сталлан вместе со своими охотницами! Это смерть. В кустах хрустнула ветка, он подался назад – и облегченно вздохнул: это был Херилак с рогатым оленем на плечах. Он сбросил тушу с плеч и повалился на землю.

Керрик рассерженно обернулся к Инлену<, чтобы обругать ее, но понял, что она не виновата. Для Инлену< все умевшие разговаривать были иилане'. Она просто хотела сказать, что подходит некто, разумный и говорящий, но не могла выразиться иначе.

– Я видел мургу, – произнес Херилак, и страх немедленно возвратился к Керрику. – Они в соседней долине, спускались к морю. Похоже, что они потеряли наш след... Поедим.

Наконечником копыя Херилак вспорол и выпотрошил еще теплую тушу. Раз огня не было, первым делом он извлек печень и разделил ее пополам. Один кусок он протянул Керрику.

– Я не голоден, – пробормотал Керрик, глядя на окровавленный кусок мяса.

– Проголодаешься. Не брезгуй.

Инлену< сидела, отвернувшись от них, но краем глаза следила за каждым движением Херилака. Он заметил это, и, съев свою долю, ткнул в ее сторону окровавленным пальцем:

– Эта тварь тоже ест мясо?

Услышав вопрос, Керрик улыбнулся и приказал Инлену< открыть пасть. Она подчинилась. Херилак поглядел на два ряда острых блестящих зубов и буркнул:

– Ест мясо. Покормить?

– Да. Если можно.

Отрезав переднюю ногу оленя и ободрав с нее часть шкуры, Херилак подал ее Керрику.

– Корми сам. Мне не нравятся эти зубы.

– Инлену< безобидна. Всего лишь глупая фарги.

Схватив оленью ногу, Инлену< отгрызла кусок жесткого мяса и принялась жевать, тупо уставясь в пространство.

– Как ты ее назвал? – спросил Херилак.

– Фарги. Это... ну я не могу сказать, что значит это слово. Что-то вроде марага, обучающегося разговаривать, но еще не научившегося.

– И ты тоже – фарги?

– Нет!

Керрик почувствовал себя оскорбленным.

– Я иилане'! Ну то есть я тану, но говорю, как иилане', и поэтому они считают меня иилане'... Считали.

– Но как это все случилось? Ты не помнишь?

– Теперь вспомнил, а раньше не помнил, долго-долго.

Запинаясь и с трудом выговаривая слова, он впервые рассказал, что случилось с саммадом Амагаста. Обо всем, что было: о нападении, плене, ожидании смерти и неожиданном спасении. Наконец он умолк, потому что не мог еще на языке тану подробно описать свою жизнь у иилане’.

Херилак тоже молчал, с трудом представляя себе, что случилось с мальчиком по имени Керрик, сумевшим выжить, когда все погибли. Не только уцелевшим, но и сумевшим договориться с мургу. Сумевшим выучиться их языку и жить среди них. Он и сам во многом стал похож на мургу, хотя и не подозревал об этом. Разговаривая, он шевелился всем телом, а умолкнув, замирал. Мургу с ним что-то сделали: на теле юноши не было ни волоска. И еще этот укрывавший мужские органы мешочек, похожий на человеческую кожу, – словно и это им мешало.

Думы Херилака нарушил внезапный плеск воды. Услыхал его и Керрик, кровь отхлынула от его лица.

– Нас нашли. Я погиб.

Херилак жестом велел ему умолкнуть, подобрал копьё и обернулся. Плеск повторился, зашуршали кусты. Херилак занес копьё, но оказалось, что это человек.

– Ортнар! – окликнул Херилак.

Человек в кустах вздрогнул, выпрямился и замахал в ответ. Он едва не падал от усталости и шел, опираясь на копьё. Подойдя ближе, он увидел Инлену< и сразу замахнулся копьём, но Херилак остановил его:

– Стой! Мараг наш пленник. Ты один?

– Да, теперь один. – Ортнар тяжело опустился на землю. Положив лук и пустой колчан, он крепко стиснул копьё и с ненавистью поглядел на Инлену<. – Со мной был Теллгес, мы охотились. Мы возвращались в саммад, когда мургу напали на нас. Мы бились, пока хватило стрел. А они шли на нас со своими смертоносными палками. Мы ничего не могли сделать. Я велел ему уходить, а он, промедлив, побежал, но не достаточно быстро. Они увязались следом, он стал отбиваться, потом упал. Дальше я пошел один. А теперь скажи мне, что это за тварь?

– Я не тварь, я тану, – сердито сказал Керрик.

– Ты не похож на тану, таких я не видел. Нет волос, нет копьё, привязан к марагу...

– Замолчи! – велел Херилак. – Это Керрик, сын Амагаста. Мать его была моей сестрой.

Он жил в плену у мургу.

Ортнар провел по губам кулаком.

– Я сказал, не подумав. Сегодня был день смерти. Я – Ортнар, приветствую тебя. – Мрачная ухмылка пробежала по его лицу. – Приветствую тебя в Херилак-саммаде, увы, поубавившемся в числе. – Он взглянул на темнеющее небо. – Этой ночью на нем будет много новых звезд.

Солнце опустилось к горизонту, стало прохладно. Инлену< отложила в сторону дочиста обглоданную кость и поглядела в сторону Керрика.

– Смирненно спрашиваю, нижайшая высочайшую, где плащи?

– Плащей нет, Инлену<.

– Мне холодно.

Керрик тоже дрожал, но не от холода.

– Я ничего не могу сделать, Инлену<. Понимаешь, совсем ничего.

2

Инлену< умерла ночью.

Керрик проснулся на рассвете, дрожа от холода. На траве бусинками выступала роса, от ручья поднимался туман. Обернувшись к Инлену<, он сразу заметил открытый рот, остеклевшие глаза.

Холодно, подумал он. Как быстро она погибла от холода.

И вдруг он увидел лужу крови, натекшую под ее головой, – наконечник копья проткнул ей горло, и она умерла молча. Кто же сделал это? Херилак еще спал, но за Керриком холодно следили глаза Ортнара.

– Ты сделал?! – крикнул Керрик, вскакивая на ноги. – Убил безобидное создание спящим!

– Я убил марага, – ответил тот дерзко. – Убивать мургу всегда хорошо.

Затрясшись от ярости, Керрик попытался схватить копьё Херилака, но не смог – сильная рука охотника крепко придавила древко.

– Тварь умерла, – сказал Херилак. – Умерла – и конец! В любом случае она скоро умерла бы, на севере для нее слишком холодно.

Керрик оставил копьё и бросился на Ортнара. Обеими руками стиснув его горло, он стал душить охотника. Его собственную шею давил ошейник: за ним волочился труп Инлену<, но Керрик не обращал на это внимания. Ортнар корчился и тянулся к копьё, но юноша придавил его руку коленом к земле. Ортнар уже слабо дергался и только царапал спину Керрика одной рукой, но тот ничего не ощущал в гневе.

И не быть бы Ортнару в живых, если бы не Херилак. Обхватив огромными лапищами руки Керрика, он разжал их. Ортнар стал жадно хватать ртом воздух, потом застонал, потирая горло. Слепая ярость понемногу стала отпускать Керрика. Он перестал сопротивляться, и Херилак отпустил его.

– Тану не убивают тану, – гневно проговорил он.

Керрик хотел что-то сказать, но промолчал. Ничего не воротишь. Инлену< мертва. Убийством и мстью ничего не поправишь. К тому же прав Херилак: зимой она бы все равно погибла.

Керрик сел возле неподвижного тела и поглядел на восход. Что она ему? Глупая фарги, вечно мешавшая и досаждавшая ему. С ее смертью разорвалось последнее звено, связывавшее его с Алпеасаком. Да будет так. Теперь он тану. Пора забыть о том, что он так долго был иилане’.

Вдруг он почувствовал в руках гибкий поводок, соединявшийся с ошейником Инлену<. Он еще не был свободен. И поводок не перерезать. Керрик понял, что может обрести свободу только одним путем. С ужасом он поглядел в лицо Херилаку. Саммадар с пониманием кивнул.

– Я сделаю все необходимое. Отвернись – тебе не понравится.

Керрик отвернулся к ручью, но звуки из-за спины доносились до его ушей. Ортнар проковылял к воде, чтобы омыть лицо и шею. Чтобы ничего не слышать, Керрик принялся что-то выкрикивать.

Все закончилось быстро. Херилак вытер ошейник Инлену< о траву и отдал его Керрику. Тот пошел к ручью и принялся полоскать ошейник в проточной воде. Потом взял чистое кольцо обеими руками и побрел вверх по течению. Только не оглядываться. Он не хотел видеть окровавленных останков на берегу.

Услышав позади шаги обоих охотников, Керрик быстро обернулся; он вовсе не хотел получить удар копьём в спину.

– Он хочет сказать, – сказал Херилак, подталкивая невысокого охотника в спину.

Лицо Ортнара искажала холодная ненависть. Тронув синяк на горле, он заговорил хриплым голосом:

– Быть может, я зря убил этого марага, но я не прошу прощения. Это приказал мне сказать саммадар. Что сделано – то сделано. Но ты пытался убить меня, а это трудно забыть. Твоя привязанность к этому марагу оказалась сильнее, чем я думал, и я не хочу ничего знать об этом. И я говорю тебе – можешь спокойно поворачиваться ко мне спиной. А что скажешь ты?

В суровом молчании оба охотника глядели на Керрика, и он понял, что пришло время решать. Сейчас. Инлену< мертва, ее не вернуть. А ненависть Ортнара к погубившим его саммад была совершенно понятна. И кто еще мог понять его чувства так, как он, Керрик?

– И ты можешь поворачиваться ко мне спиной, Ортнар, – произнес он.

– И закончили, – повелительным тоном произнес Херилак. – Закончили и забыли. Ортнар, понесешь остатки оленя. Вечером разведем костер и поедим. Идите с Керриком, ты знаешь тропу. В полдень сделайте привал. К вечеру я догоню вас. Укроетесь среди деревьев. Если мургу преследуют нас, я скоро буду знать об этом.

...Ортнар и Керрик молча шагали вперед. Тропа была отчетливой, на ней виднелись борозды, оставленные шестами травоисов. Ортнар задыхался под тяжестью туши и, когда они очутились возле небольшого ручья, предложил:

– Попьем, странный, а потом дальше.

Сбросив с плеч оленя, он с жадностью припал к воде, потом поднялся, отдуваясь.

– Мое имя Керрик, сын Амагаста, – сказал Керрик. – Разве трудно запомнить?

– Мир, Керрик. Мое горло еще болит после нашего разговора. Не хочу тебя обидеть, но выглядишь ты странно. Вместо бороды и волос у тебя щетина.

– Вырастет. – Керрик потер лицо.

– Согласен. Просто странно на вид. А вот кольцо у тебя на шее. Зачем оно тебе? Почему не отрежешь?

– Попробуй! – Керрик протянул ему кольцо Инлену< и усмехнулся, когда Ортнар безуспешно чиркнул по нему краем наконечника копья.

– Гладкое, мягкое... а не перережешь.

– Иилане’ умеют многое, чего не умеем мы. Ты даже не поверишь, когда я расскажу, как они его сделали.

– Ты знаешь их секреты? Ну да, ты должен знать. Расскажи мне о палках смерти. Мы захватили одну, но так ничего и не смогли с ней сделать. А потом, когда она завоняла, мы разрезали ее... Оказалось, что это просто какая-то дохлая тварь.

– Эти существа зовутся у них хесотсанами. Они живые. Пока молодые, умеют передвигаться. А потом с возрастом окостеневают, становятся такими, как ты видел. Их надо кормить. Иглы помещают внутрь, и они выстреливаются, если правильно сжать хесотсан.

Ортнар открыл рот. Он с трудом соображал.

– Но как такое возможно? И где водятся такие твари?

– Нигде. Их выдумали мургу. Я видел, что они делают, но ничего не понял. Они умеют заставить животных делать странные вещи. Они знают, как сделать нужного зверя, но это трудно объяснить.

– И еще труднее понять... Пора идти. Теперь твоя очередь нести оленя.

– Но Херилак приказал нести тебе.

– Да, но ты, кажется, собираешься помогать нам есть его.

Ортнар улыбнулся, и против собственной воли Керрик улыбнулся в ответ.

– Хорошо, давай. Только скоро возьмешь обратно. Но ведь Херилак сказал, чтобы мы развели огонь. – Рот его вдруг наполнился слюной. – Жареное мясо... Я уже и вкус-то почти забыл...

– Значит, мургу едят мясо сырым? – спросил Ортнар, шагая по тропе.

– Нет. То есть и да и нет. Они его как-то размягчают. Но привыкаешь не сразу.

– А почему они не жарят его, как положено?

– Потому что... – Керрик остановился в раздумье. – Потому что они не разводят огонь. Я этого не понимал прежде. По-моему, огонь им не нужен, потому что в их краях всегда тепло. Прохладными ночами или если днем шел дождь, мы набрасывали на плечи – не знаю как назвать – такие теплые штуки.

– Шкуры? меховую одежду?

– Нет. Живые создания... они были теплые.

– Даже слушать тошно. Чем больше говоришь о мургу, тем противнее во рту. Не понимаю, как ты мог жить с подобными тварями.

– Выбора не было, – мрачно ответил Керрик и молча зашагал дальше.

Добравшись до намеченного для ночевки места, они дождались Херилака.

– Позади никого. Мургу повернули обратно.

– Жареного мяса бы! – произнес Ортнар, облизнувшись. – Жаль, не прихватили огня.

Слова эти пробудили у Керрика давно забытые воспоминания.

– Я делал это, – произнес он, – поддерживал огонь на носу лодки...

– Мальчишеское дело, – согласился Херилак. – Охотник сам разводит огонь. А ты умеешь?

Керрик заколебался.

– Я видел, как это делается. Но забыл. Это было так давно.

Дело оказалось нескорым. Херилак отломил ветвь с засохшего дерева. А Ортнар ушел в лес и вернулся с горстью сухих гнилушек, которые раскрошил в порошок. Удовлетворившись внешним видом ветки, Херилак отодрал кусок коры от другой ветви и наконечником копья проделал отверстие в его середине.

Завершив приготовления, Херилак взял лук Ортнара и набросил тетиву на палку. Усевшись, он прижал ногами кусок коры к земле. Вставил заостренный конец палки в отверстие и начал двигать луком вперед-назад, раскручивая палку. Ортнар насыпал щепотку древесного порошка в отверстие, а Херилак изо всех сил крутанул палку. В воздух взвилась крошечная струйка дыма и растаяла. Херилак тяжело вздохнул.

Он еще раз раскрутил палку, под легким дымком показалась крошечная искра, охотники посыпали ее порошком и стали раздувать огонек, старательно прикрывая ладонями. Язычок пламени рос, и охотники удовлетворенно посмеивались. Огонь разгорелся. Они подкладывали все новые ветки. Потом костер угас, остались тлеющие угли. И вот на углях зашипело мясо. Керрик вдыхал аромат пищи, давно им позабытой.

Горячее мясо обжигало пальцы, но охотники хватали громадные куски и ели, ели, пока на лицах не выступили капли пота. Передохнув, они снова принялись за еду. Керрик не помнил, когда в последний раз ел так вкусно.

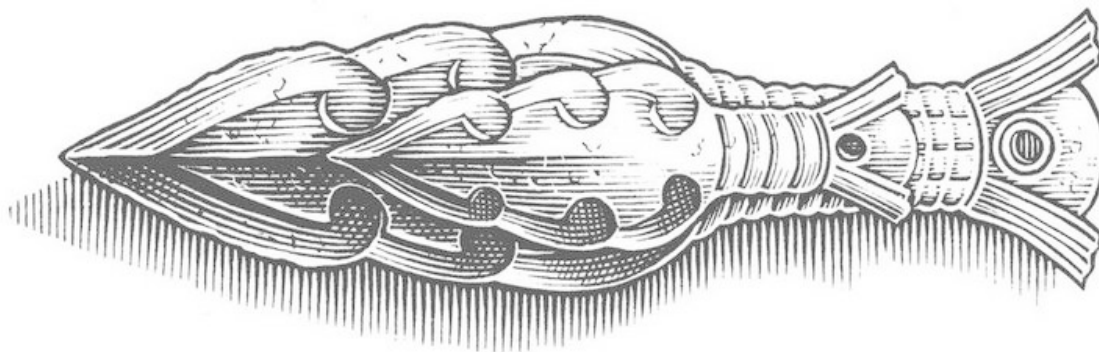
Ночью они спали возле костра, в тепле, с набитыми животами.

Керрик проснулся ночью, когда Херилак встал подложить дров в костер. Яркими точками в черном небе мерцали звезды, созвездие Охотника чуть поднималось над горизонтом. Лежа между двумя охотниками, Керрик впервые после бегства чувствовал себя в безопасности. Погони не было: они ускользнули от иилане'.

Ускользнули от иилане'? Разве такое возможно? Он-то знал, как коварен враг, хотя охотники и не подозревали об этом. Во все стороны полетят рапторы, выследят каждого тану на лугах и в долинах, и негде будет людям укрыться. Нападения вооруженных фарги не прекратятся, пока не погибнут все тану. Где спастись от них?.. И сон более не шел к Керрику. Он лежал с открытыми глазами, тяжелые предчувствия томили его.

Восток светлел, по одной таяли звезды. Начался новый день. Первый день его новой жизни...

3

После долгой вчерашней ходьбы сбитые ноги Керрика опухли. Сидя на большом валуне, он полоскал ступни в прохладном ручье. Хотя пятки его с самого детства были покрыты толстой кожей, долго ходить по каменистой почве он не привык. Подошвы ног были порезаны и исцарапаны, и Керрик с опаской ожидал сигнала отправляться в путь. Херилак заметил, чем он занят, и показал на длинную трещину на мозолистой пятке.

– Надо что-нибудь сделать.

Они с Ортнаром носили крепкие и мягкие мадрапы, сшитые жилами из двух кусков дубленой кожи. Под рукой не оказалось подходящих материалов, чтобы сделать подобную обувь и для Керрика, но охотники нашли выход. Херилак разыскал камень, который легко обкалывался, и отбил с него тонкие и острые чешуйки. Тем временем Ортнар снял шкуру с оленя и в проточной воде соскреб с нее остатки мяса. Херилак разрезал ее на части и обернул ноги Керрика, обвязав узкими ремнями.

– Теперь хорошо, – сказал он. – Когда шкура станет жесткой и начнет вонять, мы будем уже далеко отсюда.

Подобрав брошенные остатки шкуры, Керрик обнаружил, что ими можно обернуть бедра, скрепив булавкой из оленьего рога. По примеру Ортнара он очистил шкуру от мяса и только тогда снял мягкий кожаный мешочек, так долго служивший ему. С внезапным отвращением он зашвырнул вещь в ручей. Та жизнь окончилась навсегда, он теперь – тану.

Отвернувшись от ручья, Керрик тут же споткнулся об ошейник, столько лет пробывший на шее Инлену<. Поводок от него тянулся к ошейнику на его собственной шее. Словно в первый раз увидел он этот блестящий и прочный предмет. С внезапным гневом он хватил ошейником о выступавший со дна ручья камень, потом схватил другой и принялся колотить им по ошейнику.

Вспышка гнева прошла, а на кольце не появилось даже царапины.

Ортнар с интересом смотрел на Керрика, потом протянул руку и потрогал гладкую поверхность.

– Ни царапины, ни трещины. Прочнее камня. Никогда не видел ничего похожего. А вода его не размягчит?

– Нет.

– А горячая, кипящая?

– Не пробовал. В городе мургу нет огня, а без него воду не вскипятишь.

Сказав это, Керрик замер, уставившись на кольцо и гибкий поводок, потом посмотрел на горевший на берегу костер. Не вода, не кипящая вода, а нечто совсем не известное иилане’.

Огонь.

Кольцо не из металла, не из камня. Может быть, оно расплавится, обуглится или станет мягким. И тогда его, может быть, удастся разрезать. Проследив за взглядом Керрика, Ортнар радостно хлопнул в ладоши:

– Почему бы и нет? Огонь поможет. Ты ведь говорил, что мургу не знают огня.

– Не знают.

– Давай попробуем.

Подобрав брошенное кольцо, Ортнар взял поводок и, наклонившись над костром, положил его на дымившиеся угли.

Ничего не произошло. Керрик мрачно следил, как Ортнар вытащил из костра ошейник и стряхнул с него налипший пепел. С гладкой поверхностью ничего не случилось, Ортнар лишь обжег себе пальцы. Не теряя надежды, он поворошил угли палкой. И когда та загорелась, поднес огонь к кольцу.

И тут же с криком выронил ошейник – поводок буквально взорвался пламенем.

Керрик видел только пламя в облаке черного дыма, бежавшее по поводку прямо к его лицу.

Недолго думая он бросился прямо в ручей.

Когда, фыркая и отплеываясь, Керрик выбрался из воды, на руке и груди багровела полоса, там, где его хлестнул пылавший поводок. Ощупав шею, юноша обнаружил короткий кусок, оставшийся от поводка.

Остальное исчезло. Исчезла привязь, на которой он сидел долгие годы. Исчезла. Он выпрямился, не чувствуя ожогов и теперь только ощутив, какой груз свалился с его плеч. Последняя связь с иилане’ исчезла...

Втирая олений жир в обожженную кожу, Ортнар показал на обрывок поводка, свисавший с шеи Керрика.

– Можно отжечь и это. Ляжешь в воду, выставишь остатки поводка, я принесу горящую палку и...

– По-моему, на сегодня хватит, – ответил Керрик. – Пусть сперва подживут эти ожоги.

Ортнар бросил горячее кольцо в воду. Когда оно остыло, охотник с большим интересом оглядел его, поскреб камнем.

– Блестит, как небесный металл. Мургу очень искусны, раз сумели приладить это к тебе. Он передал кольцо Керрику.

– Его сделали прямо на шее из какого-то животного.

– Оно тебе нужно?

В голосе Ортнара послышалась просьба, однако Керрик предпочел этого не заметить. Но, взяв кольцо в руки, он вдруг ощутил то же отвращение, которое испытал, снимая с себя мешочек.

– Нет. Понимаешь, эту штуку сделали иилане', мургу. – И он отбросил кольцо, оно с плеском исчезло в воде. – Хватит с меня и второго – того, что на шее. Хватит!

...Охотники уже были готовы отправиться в путь, но Херилак, опершись на копьё, все глядел в ту сторону, откуда они пришли.

– Если бы уцелел хоть кто-нибудь из наших – охотник или женщина, то уже был бы здесь, – произнес он. – Мы ведь бежали, как перепуганные женщины. Посидим, подумаем о ждущей нас дороге. Расскажи мне о мургу, Керрик. Что они делают теперь?

– Не понимаю...

– Они пустились в погоню? Или все еще караулят нас на берегу?

– Нет, они уже уплыли отсюда. Здесь они охотились только потому, что взяли с собой мало мяса. Мургу давно собирались сюда, на север, чтобы погубить все саммады. И сразу же вернулись бы на юг. Теперь оставаться здесь им незачем. Раз погибла эйстаа, командовать ими некому. Наверняка была настоящая паника, но теперь все, конечно, уже отправились в город.

– Все ли? А не могли они оставить здесь отряд, чтобы разыскать нас?

– Возможно. Тогда этим занялась бы Сталлан. Впрочем, нет, она была здесь второй по рангу после эйстаа. И она наверняка приказала всем возвращаться.

– Значит, ты уверен, что все они отправились восвояси?

– Почти уверен.

– Отлично. Тогда вернемся на берег.

Слова эти испугали Керрика.

– Но все-таки они могут спрятаться и подкараулить нас.

– Мы – охотники, – проговорил Ортнар, – мы заметим засаду.

– Но нет никаких причин...

– Есть все причины, – властно возразил Херилак. – У нас остались два копьё и один лук без стрел. Выпадет снег – погибнем. Там осталось все необходимое. Возвращаемся.

...Охотники шли быстро; Керрику казалось – слишком быстро. Он шел, как идет на смерть. К вечеру они оказались неподалеку от моря, у подножия горы – уже был слышен шум волн.

– Ортнар, пойдешь осторожно, – приказал Херилак. – Неслышно и незаметно. И вглядывайся – вдруг мургу оставили след.

Ортнар потряс копьём в знак согласия, повернулся и исчез между деревьями. Херилак устроился в тени поудобнее и сразу заснул. Керрик волновался: он не думал о сне и все глядел в сторону берега. Ему казалось, что прибрежный лес кишит мстительными иилане'.

Солнце уже опускалось за горизонт, когда из леса донесся птичий крик. Херилак мгновенно проснулся и тоже крикнул по-птичьему. В кустах затрещали ветки, и оттуда вынырнул Ортнар.

– Ушли, – сказал он, – ушли обратно!

– Разве можно быть уверенным?.. – начал Керрик.

Ортнар укоризненно взглянул на него:

– Можно не сомневаться. Свежих следов нет. Птицы-трупоеды повсюду, а их легко спугнуть. И я внимательно все смотрел.

Его осунувшееся лицо было красноречивее слов. Он показал на стрелы в своем колчане.

– Вот все, что нам нужно.

– Идем, – приказал Херилак.

До места побоища они добрались уже в полной темноте, отыскивать путь помогал холодный свет полной луны. Вороны и канюки исчезли с последними лучами солнца, и тьма покрывала ужасное место. Уже заметно пахло тлением. Стоя на берегу, Керрик вглядывался в море, пока двое охотников подбирали пожитки. Он с трепетом обернулся, услышав голос Херилака.

– Надевай! – приказал саммадар. – Ее носил великий охотник. Пусть эта одежда принесет тебе удачу.

В его руках была меховая обувь с толстыми кожаными подошвами, шапка, пояс и прочая одежда тану. Летом в ней жарко, но, когда выпадет снег, без такой одежды не выжить. За ними последовали длинное копье, крепкий лук, стрелы. Керрик увязал вещи, которые не мог надеть, и засунул в один из узлов, которые его спутники собирались прихватить с собой.

Херилак взял несколько жердей от больших травоисов для мастодонтов и сделал из них волокушу поменьше. К ней привязали все необходимое.

– А теперь пошли, – мрачно велел он, глядя на неподвижные тела людей его саммада. – Мы никогда не забудем этих дел мургу...

Сменяя друг друга у волокуши, охотники шли, пока светила луна. Наконец они выдохлись и решили отдохнуть. Керрик все еще опасался, что охотницы иилане' разыскивают его в лесу, но усталость взяла свое, и, несмотря на тревогу, он заснул мертвым сном.

...Херилак отвязал от травоиса мешок с эккотацем, и все взяли по горсти вкуснейшей смеси. В последний раз Керрик ел эккотац в детстве, но стоило языку прикоснуться к еде, воспоминание мгновенно вернулось. Быть тану неплохо. И едва он так подумал, как у него зачесалась грудь, сперва в одном месте, потом в другом. Оказалось, что в жизни тану есть не только удовольствия. Спина его ныла: спать на голой земле было неудобно, руки с непривычки болели, и вдобавок он вдруг почувствовал острую резь в животе после обгоревшего и жесткого мяса; пришлось торопливо бежать в кусты.

Разглядывая на теле красные пятна, Керрик вдруг увидел на брошенной им одежде блоху. Он раздавил ее между ногтями и брезгливо вытер руку о траву. Он весь в грязи, он устал, он болен... и еще эти блохи. Как можно жить здесь, среди этих грубых устузоу? Почему он не в Алпеасаке? Там уют и покой, там место вблизи эйстаа. А что, если вернуться? Вейнте' мертва, ее убило копье, но кто в городе знает, что копье направляла его рука? Его никто не мог видеть. Почему бы и не вернуться?

Он умылся в ручье, потом немного поднялся по течению, чтобы попить. Двое охотников на берегу прилаживали носилки к травоису. Они управятся и без него.

Но разве он хочет вернуться в Алпеасак? Годами он мечтал о побеге из этого города – наконец он свободен. Разве не об этом он мечтал? В городе живут иилане', там ему не место. Для него вообще нигде нет места.

А может быть, оно среди тану?

Стиснув кулаки, Керрик стоял по колено в холодной воде. Он не принадлежал ни к тану, ни к другому миру. Несчастный изгой.

Тут его окликнул Херилак. Голос охотника разогнал мрачные мысли. Керрик вышел на берег. Медленно натянул одежду.

– Идем, – велел Херилак.

– Куда? – спросил Керрик, которого раздирали противоречивые чувства.

– На запад. Искать других охотников. Чтобы потом вернуться и убивать мургу!

– Их слишком много, они очень сильны.

– Тогда я умру, и тхарм мой поднимется к тхармам охотников из моего саммада. Но сперва я отомщу за них. Это хорошая смерть.

– Хорошей смерти не бывает.

Херилак молча поглядел на Керрика, смутно догадываясь о том, что его мучило. Годы плена могли странным образом изувечить душу мальчика, ставшего теперь мужчиной. Пусть окончились эти годы, позабыть их нельзя. И нет дороги назад. Впереди жестокий путь, и другого не будет.

Херилак вытащил из-за пазухи нож из небесного металла на кожаном шнурке и протянул Керрику.

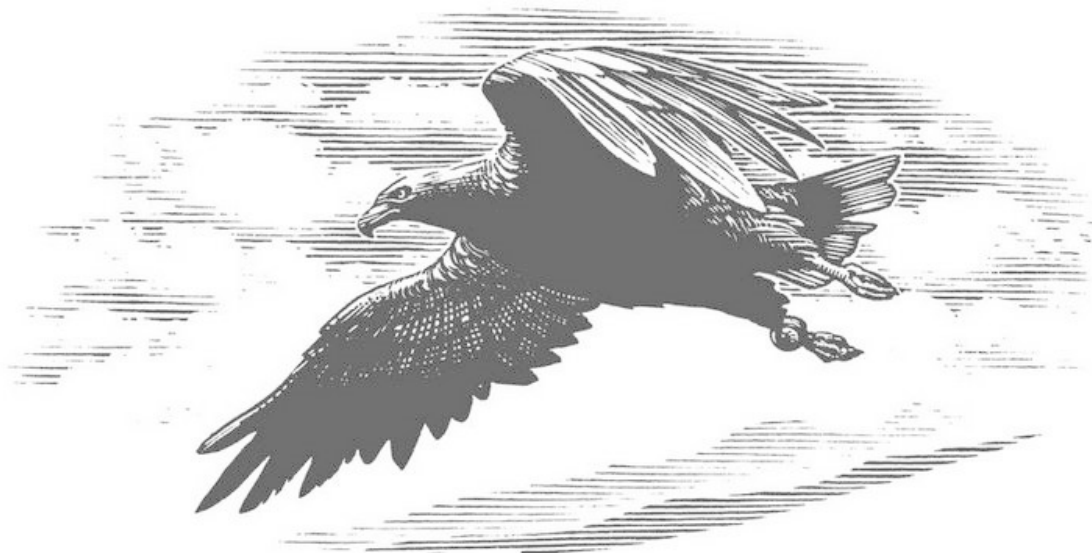
– Вот нож твоего отца. Ты сын его, раз на твоей шее висит такой же нож, только поменьше. Их сделали на моих глазах. Повесь этот большой на шею рядом с маленьким. И носи, чтобы помнить о гибели отца и всего твоего саммада. И о том, кто убил их. Чтобы в сердце твоём были ненависть и жажда мести.

Керрик нерешительно протянул руку и взял нож... И крепко стиснул твердую рукоять.

Возвращения в Алпеасак быть не могло. Никогда. И он должен учиться ненавидеть мургу, погубивших его народ. Он надеялся, что научится этому.

Но пока на душе у него было пусто.

4

Охота была очень плохой. Улфадан вышел еще до рассвета, но похвастаться было нечем. С пояса его свисал один убитый кролик, тощий и молодой, на костях которого мяса едва хватит, чтобы заглушить голод охотника. А что будет есть весь саммад? Он подошел к опушке леса и остановился под развесистым дубом, внимательно вглядываясь в поросшую травой равнину. Дальше идти он не смел.

Там были мургу. До самого конца мира – если у мира есть конец – повсюду живут они, эти презренные и ужасные твари. Некоторые годились в пищу – он пробовал мясо одного из небольших клювастых мургу, тех, что паслись большими стадами. Но смерть подстерегала охотника в этих просторах. В траве ползали бесчисленные ядовитые мургу, смертельно опасные змеи всех размеров и расцветок. Но хуже всех были огромные твари с громоподобными голосами, сотрясавшие землю своими шагами.

И как всегда, когда он думал о мургу, рука его машинально прикоснулась к зубу одного из этих гигантов, висевшему на шее. Зуб был длиной почти с локоть. Он добыл его молодым; тогда он был глуп и рисковал жизнью, чтобы доказать свою удачу. Он следил с дерева за смертью марага, видел, как мерзкие падальщики потом терзали труп и ссорились из-за мяса. Только после наступления темноты он осмелился оставить свое убежище среди ветвей, чтобы вырвать

этот зуб из раскрытой пасти. Тут появились ночные мургу, и только случай спас ему жизнь. Длинный белый шрам на бедре остался ему на память. Нет, нечего и думать искать добычу вдалеке от деревьев.

Но саммад должен есть. Дичи становилось все меньше. Мир менялся, хотя Улфадан не знал почему. Алладжекс всегда говорил, что мир не изменился с тех пор, как Ерманпадар сотворил тану из речного ила. Зимой они уходили в горы, в глубокие снега, где легко настигать оленей. А когда весной таял снег – спускались к реке, иногда добирались до моря, где кишела рыба, а в мягкой земле на берегу росли вкусные клубни и корни. Но никогда тану не забредали далеко на юг, где их ждали только мургу, а с ними и смерть. В горах и темных северных лесах всегда находилось все, что могли пожелать тану.

Теперь все изменилось. Бесконечная зима упрятала горы под снег, стада оленей поредели, весна приходила поздно, и людям нечего было есть. Сейчас-то они ели досыта: в реке было много рыбы. Летом на берегу к ним всегда присоединялся саммад Келлиманса – так было каждый год. Наступала пора говорить и встречаться, а молодым охотникам выбирать женщин. Теперь на это почти не оставалось времени: ведь рыбы на зиму припасено еще мало. Кто сможет дожить до весны, если не хватит запасов?

Пути к спасению не было. Территории к востоку и западу занимали другие саммады. Такие же голодные, как его и Келлиманса. На юге – мургу, на севере – лед, охотники были зажаты в ловушке. Выхода не было. Голова Улфадана просто лопалась от не имевшей решения задачи.

Он горестно застонал, словно раненый зверь, потом повернулся и направился назад, к саммаду.

С вершины поросшего травой склона возле реки все выглядело обычным. Темные конусы кожаных шатров выстроились вдоль берега неровной цепочкой. Между шатрами сновали люди, от очагов поднимался дымок. Неподалеку один из стреноженных мастодонтов задрал хобот и затрубил. Чуть поодаль, на берегу, женщины рыли землю обожженными палками, выкапывая съедобные корни. Это сейчас корни – хорошая еда. Но что будет, когда земля замерзнет? Он знал, что их ждет, но старался не думать об этом.

Голые ребятишки с визгом плескались в воде. Перед шатрами на солнышке грелись старухи, плетя корзины из ивняка и травы. Саммадар шествовал между шатрами, и лицо его было суровым. Один из меньших сыновей Улфадана подбежал к нему с новостью.

- Пришли три охотника из другого саммада. Один из них такой смешной!
- Отнеси кролика матери. Бегом!

...Охотники сидели вокруг огня, по очереди попыхивая деревянной трубкой. С ними были Келлиманс и алладжекс Фракен, иссохший и древний. Старика-знахаря уважали за мудрость.

Гости встали, приветствуя саммадара. Одного из них он хорошо знал.

- Приветствую тебя, Херилак.
- Приветствую тебя, Улфадан. Это Ортнар из моего саммада. А это Керрик, сын Амагаста и моей сестры.

– Вы ели и пили?

– Мы ели и пили. Щедрость Улфадана известна.

Улфадан подсел к сидевшим возле огня и, когда трубка дошла до него, вдохнул колючий дымок. Странный гость заинтересовал его. Безволосый охотник, который должен был погибнуть вместе со своим саммадом, но остался в живых. Следует расспросить его, когда настанет время для вопросов.

Члены саммада тоже заинтересовались гостями и собрались вокруг костра.

На сей раз Херилак не стал соблюдать все обычаи, как зимой. Он заговорил о деле, едва трубка обошла всех по кругу.

– Зимы долги, все знают это. Пищи мало, все знают это. И теперь весь мой саммад мертв, нас осталось только двое.

Охотники молча внимали ужасным словам, обступившие костер женщины разразились горестными воплями. У многих были родственники в Херилак-саммаде. Все поглядели на восток, где уже начинали высыпаться первые звезды. Когда Херилак заговорил вновь, воцарилась полная тишина.

– Известно ли вам, что я с моими охотниками побывал на далеком юге, где нет снега и тепло даже зимой, где живут одни мургу? Я подумал, что они-то и убили Амагаста и весь его саммад. И мысль моя была верной. Мы нашли мургу, которые ходят подобно тану и убивают палками издалека. Среди костей Амагаста отыскал я такую палку. Там, на юге, мы убивали мургу, а потом вернулись на север. Мы узнали, что смерть затаилась на юге, и мы узнали, что это за смерть. Но той зимой мы голодали, многие умерли. Летом, все знают, охота была плохой. А потому я повел саммад на юг, к побережью, где лучше охота. Мы уже знали об опасности, но выхода не было: мы все равно погибли бы от голода. Мы выставили стражу – нападения не было. И только когда мы ослабили бдительность, они напали на нас. Я здесь. Ортнар здесь. С нами Керрик, сын Амагаста, живший в плену у мургу. Он много знает об их обычаях.

Раздался заинтересованный ропот, все пытались разглядеть Керрика. Волосы его были короткими, на шее блестело кольцо, на груди висели ножи из небесного металла. Он молча смотрел прямо перед собой. А когда все умолкли, заговорил Келлиманс:

– Пришли дни гибели тану. Зима убивает нас, мургу убивают нас, другие тану убивают нас.

– Разве не хватит с нас одних губителей – мургу? Разве нужно нам биться между собой? – спросил Херилак.

– С долгой зимой и коротким летом должны сражаться тану, – ответил Улфадан. – Мы пришли сюда, потому что олени ушли с гор. Но когда мы попытались охотиться здесь, мужчины других саммадов, живущих за горами, прогнали нас. Теперь у нас мало пищи, и зимой мы снова будем голодать.

Херилак печально покачал головой:

– Все не так. Это мургу наши враги, а не тану. Если мы передеремся, конец неизбежен.

– И я так считаю, Херилак, но в этом не мы виноваты. Надо говорить с другими саммадами. Если бы не они, мы могли бы охотиться и жить в сытости. Они пришли из-за гор, их много, они очень голодны. Они гонят нас, и мы не можем охотиться. Они дождутся нашей смерти.

Пока Улфадан говорил, Келлиманс согласно кивал.

Херилак сделал протестующий жест:

– Нет, это неправильно. Причина наших невзгод не в них. Охота за горами не лучше, чем здесь. Иначе они не пришли бы сюда. У тану два врага: зима, которая все не кончается, и мургу. Они решили погубить нас. Как биться с зимой? А мургу можно убить!

Тут все заговорили и заспорили наперебой, но тут поднялся Фракен, и все умолкли. Старого, мудрого знахаря уважали. Люди надеялись, что он знает, что делать.

– Мургу бесчисленны, словно листья. Ты говоришь нам, что у них есть смертоносные палки. Разве можно биться с подобными существами? И зачем именно нам браться за это? Если мы рискнем и пойдем на смерть, что тогда ждет нас? Нам нужна еда, а не война.

Он закончил под одобрительный ропот. Только Херилак был не согласен.

– Вам нужна пища – мне нужна месть, – хмуро пробормотал он. – Надо найти способ уничтожить этих южных мургу. Когда их не станет, всегда можно будет спокойно охотиться на побережье.

Потом было много разговоров, споров, даже перебранок, но так ничего и не решили. В конце концов Херилак сделал знак Ортнару, оба поднялись и ушли. Керрик видел, как они

уходили, но не сразу последовал за ними. Если они не позовут его, быть может, уходить и не придется. Он останется у костра, будет говорить с другими охотниками. Может быть, ему предложат остаться и он будет охотиться и забудет про мургу.

Но это было бы ошибкой. Он знает то, чего не знает никто из тану. А иилане' никогда не забудут ни про него самого, ни про жалких голодных людей. Уж их-то ненависть не искоренить. Они разошлют рапторов, выследят все саммады и перебьют по одному. Улфадан и Келлиманс боятся только зимы, голода и пришлых тану, но смерть к ним придет другой дорогой.

Никто из охотников не заметил, как Керрик поднялся и ушел, прихватив свое копье. Оба его друга сидели возле собственного костра. Херилак задумчиво ворошил угли в костре, внимательно глядя в огонь, словно пытался увидеть в нем совет.

– Нас только трое, – проговорил он. – В одиночку с мургу не справиться, но в крайнем случае придется пойти и на это. – Он повернулся к Керрику. – Ты знаешь мургу, мы не знаем. Расскажи о них. Расскажи, как они воюют.

Керрик в раздумье потер подбородок, медленно и неуверенно заговорил:

– Об этом нелегко рассказать. Надо знать их город, надо знать, как им правят. Надо понять иилане' и фарги, их мысли и поступки.

– Расскажи нам.

Сначала Керрику было трудно говорить на марбаке о вещах, известных ему только на языке иилане'. Ему приходилось подбирать новые слова, новые способы определения понятий, вовсе не знакомых охотникам. О том, что было непонятно, они спрашивали его подробнее. В конце концов охотники получили некоторое представление об иилане', хотя почему все обстоит именно так, они, конечно, не могли понять.

Пытаясь уразуметь услышанное, Херилак молча глядел на свои кулаки, упершись ими в колени. Детали не так уж важны, если понимаешь главное – как живут иилане'.

– Когда они узнаю`т, где располагается саммад, то готовятся к нападению. Вооруженные фарги отправляются в поход на лодках. Они внезапно появляются из моря и убивают всех... ты знаешь это.

– Но ты говорил не только об этом, – сказал Херилак, – ты говорил, что они всегда ночуют на берегу перед нападением.

– Да, обычно они так поступают. Подбираются поближе, ночуют, а утром нападают.

– И всегда они так делают?

– Всегда? Не знаю. Я был с ними в походе всего два раза. Но сейчас это не имеет значения. Судя по тому, как они думают и поступают, можно предположить, что всякий раз они действуют одинаково. Они ничего не меняют, пока не изменит удача.

– Значит, следует отыскать способ, который позволит нам использовать эти сведения им во вред.

– И что ты предлагаешь? – спросил Ортнар.

– Еще не знаю. Следует все обдумать и предусмотреть. Выход должен существовать. Мы охотники и умеем выслеживать дичь. Найдется способ перебить всех мургу.

Глубоко задумавшись, Керрик молчал. Он вновь вспоминал гибель саммадов. До сих пор он не мог забыть пережитый ужас, когда увидел, как черные фигуры мургу полезли из воды. Был он и среди атакующих воительниц Алпеасака. Видел приготовления к нападению, слышал распоряжения и знал все, что происходило. Теперь следовало объединить все знания и найти путь, ведущий к победе.

– Перебьем! – сказал он громким голосом. Охотники удивленно взглянули на него. – Мы их обманем! Но для этого нам нужны Улфадан и Келлиманс со своими саммадами. Мы все объясним охотникам. Заставим их понять нас и помочь. Саммады пойдут на юг охотиться. Охота будет хорошей, пищи будет много. Но однажды мургу обнаружат наше присутствие на юге, им расскажут об этом огромные птицы. Но мы будем внимательны и, как только заметим

такую птицу, сразу пойдем, чего следует ждать. Когда мы увидим птицу, надо будет выслать на берег охотников, чтобы следили за морем. Тогда мы вовремя узнаем о приближении мургу. Но мы не побежим – мы встретим их и перебежим.

– Опасно... – проговорил Херилак. – Если брать в поход саммады, придется рисковать жизнью детей и женщин, всех, кому не по силам сражаться. План должен быть лучше, иначе саммады не рискнут выступить. Думай снова. Ведь ты говорил мне что-то очень важное, что-то о ночи... что мургу никуда не ходят по ночам?

– Это не совсем так. Они должны спать по ночам, таков обычай.

Расхохотавшись, Херилак вскочил на ноги.

– И наш обычай – по ночам спать, только не всегда удастся, не каждую ночь. Тогда получается так. Мы поговорим с охотниками и убедим их пойти на юг вдоль берега, ведь подступает голод. Там саммады запасутся едой на зиму. Но все охотники будут помнить об огромной птице, которая говорит с мургу. Заметив птицу, мы сделаем засаду у берега. И когда мургу остановятся на ночь, мы уже будем ждать их. И придем к ним ночью. Одни охотники. Они пойдут молча и придут на берег. – Сжав кулаки, он стукнул ими друг о друга. – И мы нападём на спящих, мы переждем мургу, мы застанем их врасплох, как они заставляли тану. – Загоревшись идеей, он поднялся и отправился обратно к большому костру. – Надо рассказать, придется убеждать.

Убедить охотников удалось с трудом. Ортнар и Керрик помогли Херилаку, вновь и вновь растолковывая свой план. Как нападают мургу, как можно победить их. Они уверяли, что тану сумеют и поохотиться, и перебить мургу и запасут мяса на зиму.

Саммадаров разговор очень обеспокоил: предложение было неожиданным и рискованным.

– Ты просишь, чтобы все мы рискнули жизнями, – сказал Улфадан. – Ты хочешь, чтобы наши дети и женщины подманивали мургу, как делаем мы с долгозубом, чтобы убить его копьем. Ты просишь слишком многого.

– Это так и не так, – отвечал Херилак. – Похоже, вам ничего другого не остается. Без пищи зиму переживут немногие. А здесь вам охотиться не дадут. Пойдем на юг, там охота хорошая!

– Но там повсюду мургу!

– Да, но теперь мы знаем, чего опасаться. Если хочешь, мы не станем дожидаться появления огромной птицы, а каждый день будем посылать охотников на пляжи. Они предупредят нас о приближении мургу. Когда мургу высадутся, мы уже будем знать, что нападение близко. Мы предупредим всех. Шатры и все прочее ночью погрузят на травоисы, мальчишки отгонят мастодонтов от берега, уведут с собой женщин и малых детей. Все они будут в безопасности. Это риск, но вы вынуждены рисковать, иначе погибнете от голода и холода. Без еды никому из вас не дожить до весны.

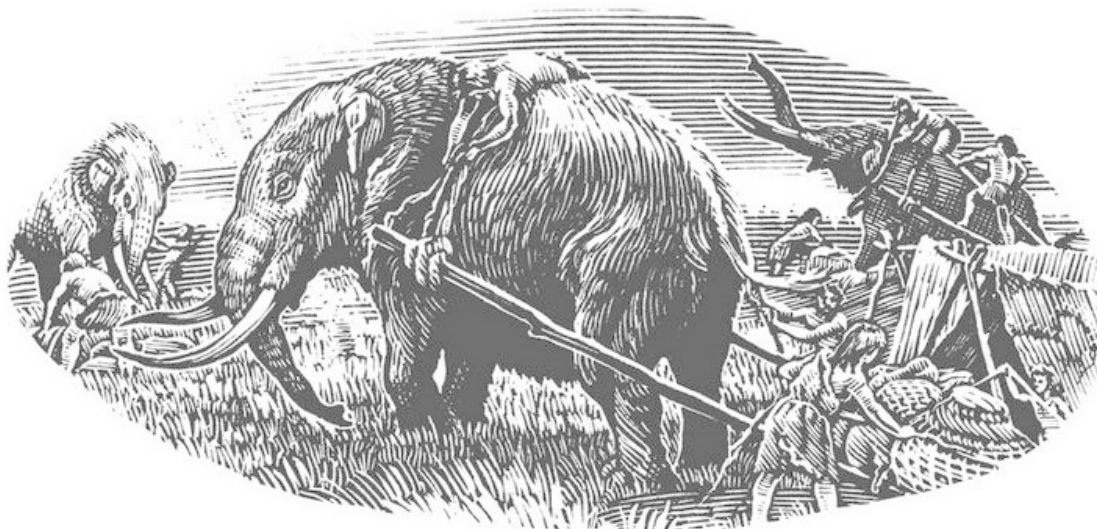
– Ты говоришь резко, Херилак, – сердито проговорил Келлиманс.

– Я говорю чистую правду, саммадар. Решать вашим людям. Мы сказали все. А теперь мы уйдем.

Но решение не было принято ни в эту ночь, ни на следующий день и на следующий за ним – тоже. А потом пошел дождь, крупный, холодный. Северный ветер пронизывал до костей. Осень нагрянула слишком быстро. Еды почти не было, все знали об этом. Трое гостей не уходили. И замечали, что люди поглядывают на них то с беспокойством, то с ненавистью... за то, что их заставили выбирать.

А потом люди поняли, что выбирать уже не из чего. Под женский плач шатры собрали и погрузили на травоисы. Никто не изъявлял радости, как всегда в начале похода. Люди шли как на смерть. И кто знает, быть может, так оно и было. Подавленные и промокшие, уходили они на юг, подгоняемые ливнем.

5

Во всеобщей суете, пока саммад снимался со стоянки, Керрику некогда было думать о тех опасностях, что сулило будущее. Пока травойсы навязывали на мастодонтов, в памяти его возникали непрощенные воспоминания, давно забытые ощущения.

Было интересно смотреть, как огромные звери наваливались на упряжь и неторопливо влекли за собой скрипящие деревянные рамы, на которые были навалены шатры и пожитки, а наверху, как всегда, лежали младенцы и сидели дети постарше. Охотники шли впереди, чтобы не упустить случайного зверя. Саммад не соберется вместе до вечера, охотники придут на запах огня и еды.

В первые несколько дней люди особенно боялись коварных мургу, которые мерещились им повсюду. Но тану – фаталисты, да и кем еще могли они быть, когда жизнь их так менялась? Они привыкли полагаться на милость природы, ведь охота всегда могла оказаться плохой, обрекая на голод. Позади ждала смерть от истощения, впереди были пища и жизнь... быть может. Честная сделка. И когда стало теплее, а охота улучшилась, настроение у всех поднялось.

Люди приняли в свою среду Керрика, хотя дети еще показывали на его железный воротник и хохотали при виде безволосой физиономии. Но щетина росла, становилась длиннее – уже на целый палец, – хотя клочковатая бороденка и не желала густеть. Он все еще неуклюже орудовал копьем и не лучше стрелял из лука, но уже начинал осваиваться. И с каждым днем мир казался ему все более и более приятным местом для жизни.

Так было, пока они не пришли к морю.

Первый же взгляд на синие волны наполнил душу Керрика таким ужасом, что он замер на месте. Вокруг никого не было – он далеко ушел от неглубокой долины, по которой мастодонты тянули травойсы, других охотников тоже не было поблизости. И вместе со страхом нахлынуло желание вернуться и бежать. Впереди была только смерть. Как могла горстка охотников даже вообразить, что сумеет выстоять в бою против отряда вооруженных фарги. Он хотел бежать в горы, спрятаться, зарыться в землю поглубже. Идти вперед означало самоубийство.

Впрочем, Керрик понимал, что не сможет убежать. Страх силен, но о подобной трусости стыдно и думать. В конце концов, он сам помогал Херилаку придумывать этот план, а потому выбора не было, оставалось идти до конца. Но страх не исчезал, и каждый шаг вперед давался ему теперь с огромным трудом. Но он шел вперед, перепуганный и несчастный... шел.

...Вечером они остановились на берегу. Пока разгружали травоицы, мальчишки уже ловили рыбу в солоноватой лагуне, насаживая земляных червей на костяные крючки. Вода кишела хардальтами, небольшие спруты в панцире так и рвали наживку. Со смехом и криком мальчишки тащили в лагерь свою добычу. Моллюсков извлекали из раковин и резали, и скоро их мясо уже шипело над кострами. Жесткое и резко пахнувшее, оно создавало приятное разнообразие в пище.

Выплюнув жесткий кусок, Керрик вытер пальцы о траву, встал и потянулся. Места в желудке вроде бы не оставалось. Он поглядел на костер и краем глаза заметил движение над головой – там пролетала морская птица.

Он видел распростертые огромные крылья, широкую грудь, багровую от лучей заходящего солнца. Керрик замер. Вот она. Черную шишку на ноге – неусыпный глаз мургу – он не видел, но знал, что она там. Все ниже и ниже опускалась птица к стоянке. Керрик с трудом сбросил оцепенение и поспешил к сидевшему возле костра Херилаку.

– Она здесь, – проговорил он, – кружит над нами. Теперь мургу узнают о нас.

В голосе Керрика слышалась паника, чего Херилак мудро постарался не заметить и ответил с мрачным спокойствием:

– Хорошо. Все идет так, как мы и задумали.

Керрику не доставало уверенности саммадара. Он пытался не глядеть на кружившую над головой птицу, ведь все снимки будут тщательно изучаться. Тану не должны обнаруживать интереса к птице и дать понять врагу, что понимают ее назначение. И лишь когда, завершив ленивое кружение, она направилась к югу, Керрик поглядел ей вслед. Сомнений не оставалось, скоро последует нападение.

Когда стемнело и охотники собрались покурить и отдохнуть, Керрик рассказал им обо всем, что видел и чего следует ждать. Теперь жалоб уже не было. Его подробно расспросили, а потом быстро обсудили план действий, чтобы передовая группа охотников могла уйти еще до рассвета.

Утром люди отправились в путь. Херилак вел их вдоль побережья. Керрик узнал места – они огибали поляну, где погиб саммад Херилака. Не было нужды напоминать тану о возможной участи. Вновь они вышли к берегу вечером. К ночи, собравшись у костра, охотники решили объявить Херилака сакрипексом, военным предводителем. Он кивнул в знак согласия и отдал первый приказ:

– Ортнар и Керрик пойдут первыми. Они видели мургу и знают, чего от них ждать. Всю ночь они будут следить за морем. С ними пойдут еще два охотника, чтобы было кому передать предупреждение на стоянку. И так будет каждую ночь. Остальные тоже будут по ночам следить за морем возле шатров, чтобы ничего не случилось. Следует принять все меры предосторожности.

Четверо суток люди следили за морем, на пятый день Керрик на рассвете вернулся в лагерь. Услышав его торопливый бег, охотники схватили оружие.

– Тревоги нет, мургу еще не явились. Я изучил берег, и мы можем кое-что сделать. Сейчас хорошая охота, рыбы много. Сегодня мы рыбачили с берега, а охотники коптили рыбу. К югу отсюда скалы, за ними узкий пляж, к нему почти вплотную подходит лес. Место очень подходящее. Если появятся мургу, они не смогут высадиться у скал и обязательно причалят к пляжу возле леса.

Херилак кивнул.

– Из леса мы сможем подобраться к ним незамеченными. Хорошо. Так и сделаем. Никто не против?

Предложение обсудили, никто не стал возражать. Керрик вернулся на берег, откуда Ортнар и двое охотников следили за морем.

Началось долгое ожидание. Время свое дозорные заполняли возведением в глубине леса укрытий из ветвей. Ночи стали прохладнее, пошли дожди. Двое постоянно следили за морем. К полудню все четверо собирались на берегу: это было самое опасное время.

Однажды в полдень к ним пришел Херилак.

– Что видели? – спросил он.

– Ничего. Все как обычно. В море пусто, как всегда, – ответил Керрик.

– Охотники в саммадах решили, что рыбы и мяса довольно. Они благодарят нас за то, что мы показали им такие прекрасные охотничьи места. Они уже готовы уйти отсюда.

– Хорошее решение, – одобрил один из охотников. – Никто из нас не хочет иметь дело с мургу.

Керрик понимал его чувства и даже позволил себе понадеяться на скорый уход, но промолчал.

– Ты говоришь за себя самого, – с горечью произнес Херилак. – Да, поход оказался удачным. И на зиму мяса хватит, так что я понимаю желание возвратиться. Но пусть охотники на сытый желудок забудут про голод и вспомнят о том, что случилось с двумя саммадами на этом берегу. Сегодня будет последняя ночь. Они хотят уйти на рассвете. Мы останемся здесь и будем идти на день пути позади, чтобы мургу не ударили в спину.

– Мы пойдем быстро, – произнес второй охотник, – они нас не догонят.

Херилак презрительно поглядел на него. На лице Ортнара было то же выражение.

– Мы пришли сюда не только для того, чтобы набить ваши желудки. Мы пришли убивать мургу.

– И мы не можем сделать это одни, – добавил Херилак.

Отвернувшись, Керрик глядел на море, чтобы охотники не видели выражения облегчения на его лице. Пусть спорят, но теперь саммады наконец уйдут. Здесь их ничто не держит, пора уходить. Битвы не будет. По небу плыли белые облака, бросали тени на прозрачную воду. Большие тени, шевелящиеся.

Керрик замер, вглядываясь в эти тени. Он не мог сдержать дрожь, голос его срывался:

– Вот они! Мургу пришли!

Да, именно так, как он говорил. Черные лодки скользили в волнах. Лодки торопились на север.

– Они останавливаются! Они собираются нападать на нас! – крикнул Херилак.

– Пора предупреждать охотников. Времени остается немного, – произнес Керрик.

Один из охотников пустился было бежать, но Херилак остановил его.

– Подожди, пока мы не убедимся.

– Смотрите! Поворачивают к берегу, – проговорил Ортнар. – Прямо к пляжу.

Охотники молча залегли, ужас наполнял их. Лодки подходили все ближе, покачиваясь на невысоких волнах. Под громкие приказы вооруженные фарги с плеском попрыгали в воду и побрели к берегу. Сомнений не оставалось – с лодок начинали выгружать припасы на берег.

– А теперь живо! – приказал Херилак обоим охотникам. – Бегите оба! Разными путями. Когда стемнеет, пусть грузят все на травойсы и быстро уходят подальше от берега. Пусть идут до рассвета, а потом укроются в лесу. Как только травойсы нагрузят, пусть все охотники из лагеря приходят сюда. Бегом!

Сцена на побережье была прекрасно знакома Керрику, но охотники наблюдали за происходившим с интересом. Они следили, как из лодок выгружали припасы, как фарги, закутавшись в плащи, укладывались спать. Предводительницы держались вдалеке, и Керрик не мог подкрасться, чтобы разглядеть, с кем придется иметь дело. Но все свидетельствовало о том, что командовать здесь должна Сталлан, а потому Керрик разделял чувства своих друзей в полной мере. Сталлан, неоднократно избивавшая и ненавидевшая его, Сталлан, погубившая Алипола. С каким удовольствием он проткнет копьём шкуру этой твари.

Луны не было, но звезды ярко освещали белый песок и темные силуэты спящих. Из-за моря на небо всходили новые звезды. Наконец в лесу послышался легкий шорох.

Это вернулся первый охотник. К рассвету все будут на месте.

6

Предстоящую битву Херилак обдумывал много дней и уже мог представить ее с закрытыми глазами. Он отдал распоряжения Ортнару и Керрику, чтобы они в случае чего знали, что делать. Херилак оставил их на опушке леса наблюдать за берегом, а всем прибывшим велел собраться на поляне. Он был военным вождем, и охотники ждали его приказов.

– Улфадан, Келлиманс, – негромко сказал он, – обойдите своих охотников, спросите их имена. Когда соберутся все, скажите мне.

Все сидели на корточках, держа оружие наготове, молча, не шевелясь, как подобает охотникам. Они были готовы броситься в бой и ждали приказа сакрипекса Херилака. Убедившись, что собрались все, Херилак рассказал, что следует делать.

– Ударим сразу все вместе, – объявил он. – Мы должны убивать, но так, чтобы не погибнуть самим: иглы мургу несут мгновенную смерть, поэтому мы растянемся в линию. Каждый саммад возьмет на себя половину их лагеря. Будем двигаться ползком. Молча. Ветер с моря, и нас не почуют, даже когда мы будем близко. Но мургу хорошо слышат, и нужно будет ползти так тихо, чтобы ни одна травинка не шелохнулась. Каждый займет свое место, а саммадар проверит. А потом вы будете ждать – и чтобы ни один не пошевелился. Вы будете следить за пляжем и ждать, когда я, Улфадан и Келлиманс дадим сигнал к бою. Вы будете бить мургу копьями и молчать, пока будет возможно. – Херилак тупым концом копья прикоснулся к подбородку ближайшего охотника. – Если сумеете, бейте мургу в горло, там они уязвимее всего. У них много ребер – животные, на которых мы охотимся, устроены иначе. Крепко ударишь – пробьешь, но слабый удар отразят кости. Помните – бить в глотку. – Херилак помолчал и добавил: – Трудно надеяться, что мы сумеем перебить всех без шума. Поэтому, как только нас заметят, сразу начинайте громко кричать, чтобы вызвать смятение. Кричите и убивайте. Если они побегут, используйте луки. Стрелы их остановят, разите безостановочно. Остановимся мы только тогда, когда все мургу умрут.

Вопросов никто не задавал. Все было яснее ясного. Кто-то из охотников ощущал страх, но не подавал виду. Охота кормила их, смерть – вещь привычная.

Безмолвно, как тени, скользили они среди деревьев и, оставив ночной лес позади, так же бесшумно поползли в траве.

Керрик следил за спящими фарги. Обернувшись, он вздрогнул – вдоль всего пляжа шевелились тени. И не было слышно ни звука, ни даже шороха. К дозорным подполз Херилак. Трогнув его за плечо, Керрик едва слышно шепнул ему в самое ухо:

– Предводительниц следует убить первыми. Я хочу сделать это своими руками.

Херилак кивнул в знак согласия. Медленно, крадучись, Керрик добрался до края берегового уступа к намеченному заранее месту.

В лесу крикнула ночная птица, он замер на миг, прислушиваясь, и шагнул вперед. На пляже был слышен только легкий плеск волн. Ночь была безмолвна, как смерть.

И смерть приближалась к песчаной полоске.

Никто не проявлял нетерпения. Заняв исходные позиции, охотники замерли, ни единым звуком не выдавая своего присутствия. Глаза их не отрывались от серой полосы песка, люди терпеливо ожидали условного сигнала.

У Керрика сосало под ложечкой. Ему уже начало казаться, что прошло слишком много времени. Херилак и саммадары уже должны были быть на берегу. Если они еще промедлят, начнет светать и люди окажутся в ловушке...

Керрик понимал, что страхи его напрасны, но не мог успокоиться. Он стиснул кулаки до боли. Где же они? Что случилось? Закрывая звезды, в небе сгущались тучи. Как теперь увидеть охотников на берегу?

И вдруг саммадары появились на пляже так бесшумно и внезапно, словно их занесло туда дуновением ветра. К их движущимся теням присоединились другие. Темной, еле различимой цепочкой охотники двигались к морю.

Они обошли Керрика, ведь все умели двигаться, не производя ни малейшего звука. Он не привык подбираться к добыче, а потому ему было трудно двигаться в темноте. И он намного отстал от цепочки, когда охотники добрались до спящих фарги. Впереди послышалось глухое бульканье.

Керрик почувствовал мягкий песок под ногами и побежал, вскинув копьё. Он уже почти добрался до кучи припасов, когда безмолвие ночи нарушил отчаянный вопль.

И тут раздались крики и визг, пляж закипел шевелящимися силуэтами. Керрик с криком прыгнул вперед, ударив копьём поднимающуюся с земли иилане'.

Наконечник вонзился ей в грудь – она захрипела. Керрик ударил вновь – теперь в горло.

Вокруг орали, бежали, падали – шла настоящая бойня. Фарги проснулись мгновенно, но в темноте пришли в полное замешательство. Если в панике они и вспоминали про оружие, то не могли отыскать его в ночной тьме. И они бежали, пытаясь укрыться в спасительных объятиях океана. Но по дороге к воде их настигали острые копыя, стрелы вонзались в спины добежавших до прибоя. Спасения не было. Тану умели убивать.

Но фарги было так много, что некоторым удавалось спастись. Расталкивая колыхавшиеся в воде мертвые тела, они ныряли, устремляясь к лодкам. Преследовавшие их охотники заходили по колено в воду и стреляли, пока хватало стрел.

Наконец убивать стало некого – сражение закончилось. Охотники бродили между телами, пинали лежавших ногами и, услышав малейший звук или заметив какое-то движение, добивали копьями. Потом усталые люди начали останавливаться, и один из охотников разразился победным кличем. Его подхватили другие. Крик несся над волнами, над немногими уцелевшими фарги, со страхом распростершимися на дне лодок.

Первые лучи утреннего солнца озарили ужасные итоги ночи. Керрик озирался с невольным трепетом: повсюду лежали мертвые тела. Остальных охотников это зрелище не смущало ни в малейшей степени. Весело перекликаясь, они вновь принялись осматривать пляж, забредая в воду, чтобы омыть вырванные из трупов стрелы. Стало светлее, и Керрик заметил, что

его руки испачканы запекшейся кровью. Отойдя подальше от мертвых фарги, он стал мыть руки в прибое.

– Дело сделано! Мы отомстили мургу! – раздался победный крик Херилака. – Мы перебили их, мы отплатили за погибшие саммады! Хорошая ночь, добрая работа!

Далеко в море на юг улепетывали лодки, в большинстве своем пустые. Тану ночью постарались...

От изнеможения Керрик уже не чувствовал ни страха, ни ненависти. Он тяжело упал на грудь пузыря с консервированным мясом.

Херилак грозил копьем вслед уплывающим лодкам и выкрикивал:

– Убирайтесь восвояси! Пусть все на свете мургу знают, что будет с теми, кто осмелится вновь забрести на север.

Керрик не разделял этой слепой ненависти: слишком долго пришлось ему жить среди иилане'. Становилось светлее, и он узнал лицо мертвой иилане', лежавшей неподалеку. Это была охотница, он много раз видел ее рядом со Сталлан. С невольной дрожью Керрик отвернулся от страшной раны на горле. Чувство скорби не покидало его, хотя, о чем он горюет, Керрик не мог понять.

Когда Херилак наконец отвернулся от моря, Керрик взял себя в руки и спросил:

– Мы кого-нибудь потеряли?

– Одного. Какая победа! Только одного из нас сразила ядовитая игла марага. Мы застали их врасплох. Теперь мы исполнили все, зачем явились сюда.

– Нет, мы еще не закончили все дела, – возразил Керрик, пытаясь забыть про эмоции и быть практичным. Он указал на пузырь, на котором сидел. – Здесь мясо. Пока эту шкуру не вспорешь, мясо не испортится. Я ел его. Мерзкое на вкус, но питательное.

Опершись на копье, Херилак размышлял.

– Значит, нам досталась не только победа, но и еда. Наступающую зиму переживет куда большее число тану. Я пошлю гонцов в саммады, чтобы они забрали это сокровище. – Он поглядел на усеянный трупами песчаный пляж. – А чем еще можно воспользоваться?

Нагнувшись, Керрик подобрал брошенный хесотсан и стряхнул песок с его темного тела. Обратив его в сторону моря, он надавил в нужном месте и игла исчезла в прибое. Он нажал в другом месте – и крошечный рот раскрылся. Закрыв его пальцем, он передал оружие Херилаку.

– Собирайте смертоносные палки. И иглы к ним. Я покажу, что с ними делать. Мы не сумеем их выращивать, но, если их кормить, хесотсаны проживут несколько лет. Их яд и мургу убивает столь же безотказно, как и тану. Если бы ночью у нас были эти палки, ни один мараг не ушел бы с пляжа живым.

Херилак радостно хлопнул его по плечу:

– Эта победа будет первой. Я немедленно разошлю гонцов в саммады.

Оставшись один, Керрик взял пузырь с водой и напился, а потом поглядел на возбужденных охотников. К тану пришла победа. Но он не мог отделаться от мрачного предчувствия – будущие победы окажутся куда тяжелее. Он поглядел на труп ближайшей фарги, потом встал и отправился обследовать побережье.

Чтобы увериться в победе окончательно, пришлось побродить. Он даже осмотрел все тела, колыхавшиеся в прибое, перевернув каждое вверх лицом. Покончив с этим малоприятным делом, он устало опустился на песок.

Он узнал кое-кого из иилане', в основном это были охотницы, одна из убитых занималась воспитанием лодок. Но он напрасно искал знакомую физиономию. Ее не было среди убитых. Он поглядел на юг, туда, где давно уже исчезли лодки.

Сталлан была на берегу, в этом он был уверен. Она возглавляла поход и ухитрилась уцелеть.

Они еще встретятся, Керрик не сомневался в этом. Одно поражение не остановит иилане'. Только теперь они станут еще более решительными. Эта битва была лишь началом. И как закончится война, Керрик не имел ни малейшего представления.

Но в том, что их ждет такой бой, какого еще не видел этот мир, Керрик не сомневался.

Начиналась свирепая схватка двух рас, единых только в одном – в лютой ненависти друг к другу.

7

Nu<nke' a>akburzhou
kaseibur>ak umuhesn
tsuntensi nu<nkecash.

Кольцо тел сослужило свою службу,
выросла терновая стена,
и будущее не ослабит ее прочности.

Налетел ветер, его порывы качали лодки на крутых высоких волнах. Тяжелые капли барабанили о плотные шкуры и исчезали в волнах океана. Темневший вдалеке берег исчез из виду, море позади оставалось пустынным. Погони не было. Сталлан огляделась и приказала лодке остановиться, знаком велев остальным последовать ее примеру.

День был пасмурным, иилане' жались друг к другу, пытаясь отыскать утешение в этой близости. Даже пустые лодки держались рядом с теми, где были фарги, и явно нервничали, не получая приказов. Сталлан в ярости оглядывала уцелевших.

Фарги было так мало! Только горстка испуганных существ осталась от сильного вооруженного отряда, который она повела на север. Что же случилось?

Ярость ее усиливалась: что именно произошло, она знала прекрасно, и, когда начинала вспоминать об этом, гнев разгорался настолько, что приходилось заставлять себя думать о другом. С мстью придется подождать, сначала надо привести уцелевших в Алпеасак, в этом она видела свою первую обязанность.

– Есть раненные? – прокричала она, поворачиваясь, чтобы все могли понять ее. – Раненные, поднимите руки!

Оказалось, что раненных больше половины.

– У нас нет повязок, они остались на берегу вместе со всем снаряжением. Открытые раны омойте соленой водой, ничего больше не остается. И посмотрите, нет ли незанятых лодок, иначе они отобьются, а мы не можем позволить себе потерять хотя бы одну. Пусть в каждой лодке будет хотя бы по одной фарги. Пересаживайтесь, пока все лодки рядом.

Некоторые фарги пребывали еще в таком смятении и ужасе, что ничего толком не сообщали. Сталлан приказала своей лодке двигаться, живое суденышко проталкивалось между другими лодками, пока Сталлан наставляла фарги.

– А вот не пустая лодка, – окликнула ее одна из скудоумных. – В ней мертвая фарги.

– В океан ее и других тоже, если такие найдутся.

– А вот раненая лодка, из нее торчат стрелы устузоу.

– Оставьте их. Если вы их извлечете, будет больше вреда, чем пользы.

Но в маленьком войске выживших фарги оказалось меньше, чем лодок. Сталлан была вынуждена бросить на произвол судьбы несколько раненных лодок. Когда с пересадками было покончено, изрядно поредевшая флотилия отправилась дальше на юг.

Целый день они плыли без остановки. Сталлан не хотела приближаться к берегу, пока наступающая ночь не заставила ее решиться. Там, в какой-нибудь хитрой засаде, снова могли оказаться устузоу. И они плыли вперед. Потрясенные фарги погружались в тупую апатию.

Солнце медленно опустилось за горизонт. Лишь тогда Сталлан приказала поворачивать к берегу, туда, где в море впадала река. Увидев пресную воду, измученные жаждой фарги зашевелились, но Сталлан не разрешила высаживаться из лодок, пока не осмотрела окрестности. И, только убедившись, что все в порядке, она разрешила малыми группами приближаться к воде. Взяв хесотсан на изготовку, она изогнулась дугой в знак презрения к неразумным созданиям, потерявшим оружие. Теперь у них оставался лишь ее собственный хесотсан. Фарги убежали в панике, забыв об оружии.

– Обращаюсь нижайшая к высочайшей. А где пища? – напившись, спросила одна из фарги.

– Здесь ее нет, безмозглая. Завтра поедем, может быть. Все по лодкам! Сегодня мы ночевать на берегу не будем.

Поскольку не было и плащей, чтобы ночью поддерживать необходимую температуру тел, к утру все фарги заоченели и не могли двинуться с места, пока утреннее солнце не согрело их. Бегство продолжалось.

На третий день, убедившись, что нет погони, Сталлан рискнула подойти к берегу, чтобы поохотиться. Надо было поесть, чтобы не умереть в дороге. Она тщательно выбирала место в устье реки среди бесчисленных островков и болот. В трясине она выследила каких-то пестрых животных, пожиравших водяные растения. Они походили на маленьких урукубов, у них были длинные шеи и маленькие головки. Сталлан успела уложить двоих, прежде чем стадо убежало. Они были очень тяжелы, поэтому пришлось вернуться за фарги и приказать им тащить туши на берег. Все досыта наелись, хоть сырое мясо и пришлось рвать зубами.

Две раненные фарги умерли во время последнего перехода. Кроме того, потерялись раненные и пустые лодки: ночью они по одной отбились от каравана. Лишь жесткие приказы Сталлан поддерживали дисциплину, и наконец уцелевшие добрались до знакомых вод.

В середине дня, миновав несколько рыбацких лодок, они обогнули мыс, за которым прятался вход в гавань Алпеасака. На берегу было пусто – лишь Этдиирг, выполнявшая обязанности эйстаа, стояла на причале.

Сталлан выбралась из лодки и заговорила первой:

– Когда мы высадились на берег, ночью, во время сна, устузоу напали на нас. Они легко передвигаются во тьме. Мы ничего не смогли сделать. Ты видишь всех уцелевших.

Этдиирг холодно поглядела на фарги, подталкивавших лодки к стойлам.

– Беда, – сказала она. – Все случилось до того, как ты напала на устузоу, или после?

– До того. Мы ничего не приобрели. Все потеряли. Я не ожидала нападения, не выставила часовых. Вина моя. Я умру, если прикажешь.

Сталлан ожидала решения, не дыша и не шевелясь. Несколько слов Этдиирг – и она умрет. Она глядела в сторону моря, но краем глаза следила за Этдиирг.

– Ты будешь жить, – наконец ответила та. – Хоть ты и виновата, Алпеасак нуждается в твоих услугах. Твоя смерть еще не пришла.

С заметным облегчением Сталлан жестом покорно поблагодарила.

– Но как такое могло произойти? – спросила Этдиирг. – Это выходит за пределы моего понимания.

– Но не моего, – ответила Сталлан. Каждое движение ее тела выдавало гнев и ненависть. – Мне слишком ясно, как такое стало возможным.

Вдруг она умолкла и обернулась: под деревьями показался паланкин. Четверо рослых фарги легко несли его, жирная Акотолп ковыляла следом. Поставив паланкин на землю, фарги отступили назад. Раскрыв от усердия рот, Акотолп заторопилась вперед и склонилась над лежавшей в нем иилане’.

– Тебе не следует двигаться, говори мало – опасность еще не миновала, – проговорила Акотолп.

Вейнте’ жестом выразила согласие и повернулась к Сталлан.

Эйстаа сильно исхудала, под кожей проступали кости. Рана, оставленная копьем, зажила, на боку белел вздутый шрам, но внутренние повреждения были серьезными. Когда Вейнте’ доставили к Акотолп, она несколько дней провела в забытии, все потребности ее при этом свелись к минимуму. Акотолп залечила раны, остановила заражение, перелила кровь, сделала все возможное, чтобы эйстаа не умерла. Смерть была близка, и только колоссальные медицинские познания Акотолп да железная воля и крепкое здоровье позволили Вейнте’ выкарабкаться. Сейчас за нее распорядилась Этдиирг, она выполняла обязанности эйстаа во время долгой болезни Вейнте’. Но выздоровление началось, а потому Вейнте’ заговорила как эйстаа.

– Рассказывай, что случилось! – приказала она.

Сталлан повиновалась. Ничего не упуская, выбирая слова и следя за эмоциями, она поведала обо всем: о походе, высадке, побоище и бегстве в Алпеасак. Закончила она теми же словами, что уже говорила Этдиирг:

– Моя вина. Я умру, если ты прикажешь.

Вейнте’ взмахнула рукой так резко, что, тревожно зашипев, Акотолп подалась вперед.

– Твоя вина или нет, ты нужна нам, Сталлан. Живи. Отомстишь по крайней мере. Будешь моей правой рукой. Ты убьешь того, кто это сделал. Это мог совершить только он.

– Эйстаа права. На снимках с раптора мы видели только одну стаю устузоу. И все казалось совершенно обычным. Но это было не так. Кто-то из них знал о рапторе, он и направлял ночное нападение устузоу. Этот устузоу знал, что мы заночуем на берегу перед атакой. Это он!

– Керрик!

В словах и жестах было столько гнева, что Акотолп запротестовала:

– Эйстаа, ты рискуешь жизнью. Тебе нельзя еще так говорить. Ты еще не оправилась для таких сильных эмоций.

Откинувшись на мягкие подушки, Вейнте’ сделала знак согласия и, вздохнув, продолжала:

– Теперь надо подумать. В следующий раз напасть на устузоу мы должны совершенно иначе. Теперь информация об устузоу уменьшилась: снимки раптора показывают нам лишь

половину жизни устузоу. Дневную половину. Но они могут передвигаться под покровом ночи. – Она обернулась к Акотолп. – Ты все знаешь. Ночью можно делать снимки?

Поглаживая толстый живот, Акотолп задумалась.

– Это возможно. Некоторые птицы летают и ночью. Можно попробовать.

– Немедленно приступай. Второй вопрос: можно ли поподробнее разглядеть снимки раптора?

– Смысл твоего вопроса не дошел до меня, эйстаа.

– Слушай же. Если нападение готовил устузоу Керрик, он должен быть в этой стае. Он может оказаться на одном из снимков. Можем ли мы разглядеть его?

– Теперь понятно. Снимки можно увеличить. Детали станут во много раз больше.

– Ты слышала, Этдиирг? Проследи, чтобы все было сделано!

Этдиирг жестом показала, что поняла, и помчалась выполнять распоряжение. Вейнте' вновь повернулась к Сталлан:

– Теперь мы будем нападать на них иначе. Следует подумать, как охранять лагерь ночью.

Это серьезный вопрос. Подобное не должно повториться.

– Для этого потребуется больше фарги, – заметила Сталлан.

– Считай, что эта проблема уже решена. Пока тебя не было, мы получили великолепную весть. Все приготовления завершены. Инегбан придет в Алпеасак в конце лета. Два города станут одним, единым и могущественным.

– Чтобы стереть устузоу с лица земли, потребуются все наши силы.

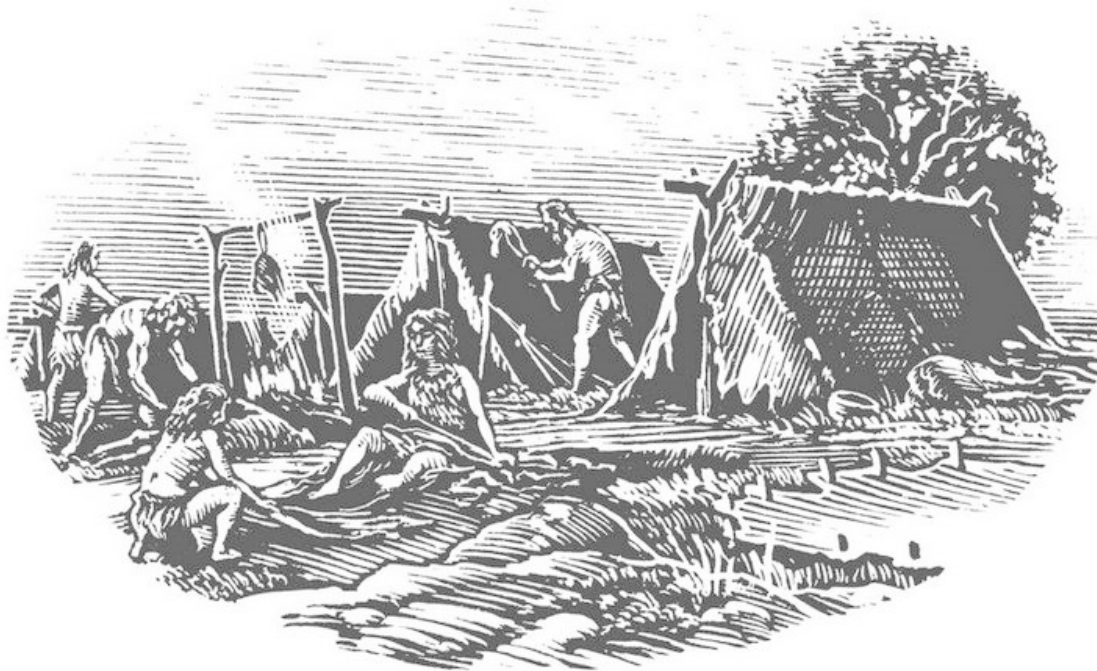
Акотолп и Сталлан радостно зажестикуют, выражая согласие; им вторила Вейнте'. Если бы все это случилось до ранения, радость ее была бы много меньше. Тогда ею владело только одно желание – править в Алпеасаке. Ненависть к Малсас< родилась потому, что в случае слияния городов эйстаа Инегбана станет эйстаа Алпеасака.

Теперь же она ждала прибытия Малсас<. Удар копыя, обрекший ее на муки, изменил совершенно все. Едва к ней вернулось сознание, она вспомнила, что случилось. Удар устузоу, того самого устузоу, которому она спасла жизнь, а потом воспитала и позволила сидеть подле себя и исполнять ее приказания. И за все он оплатил ударом копыя. Такую неблагодарность, такую жестокость нельзя оставлять безнаказанными. Воспоминания о Керрике только укрепили ее в намерении стереть с лица земли эту заразу, этих устузоу. И все иилане' согласятся с нею, когда узнают об участии посланных на север фарги. Когда Инегбан придет в Алпеасак, все иилане' поймут, что новая жизнь будет не такой, как прежде, мирным жителям тихого и спокойного города придется ко многому привыкать. Когда все узнают, что будущему иилане', самому их существованию угрожают какие-то устузоу, поддержка будет единодушной.

И тогда вся мощь, весь разум и знания, вся энергия Инегбана объединятся в едином устремлении. Смерть устузоу! Стереть даже их следы с лица земли! Объявить священный поход против устузоу!

И поход этот необходимо кому-то возглавить. И в этом Вейнте' видела теперь смысл своей жизни.

8

Воздух под высокими деревьями был неподвижен, холодный туман висел над землей. Зябкое безмолвие нарушалось только звуками капель да птичьими криками. Из-под куста осторожно высунулся кролик и принялся жевать длинную травинку. Вдруг он сел, наставил уши и, сделав огромный прыжок, исчез, чего-то испугавшись.

Медленно, словно отголоски дальнего грома, приблизились звуки тяжелых шагов. Слышно было, как скрипят кожаные ремни, скребут землю деревянные шесты волокуш. Шествие мастодонтов возглавляли двое охотников. Они внезапно выросли на краю поляны, внимательно огляделись, держа наготове копыя. Люди были в меховой одежде и обуви, но на голых руках поблескивали капли пота. Из-за деревьев появились остальные охотники и направились через поляну. За ними выступал первый мастодонт – горбатый и мохнатый самец. Он отломил хоботом ветку, не останавливаясь, отправил в пасть и удовлетворенно захрустел ею.

По одному из леса появлялись другие мастодонты, шесты травоисов глубоко врезались в мягкую почву. Шли женщины и дети постарше, охотники замыкали шествие. Тану снова в пути, и нет их дороге ни конца ни начала.

После полудня они оказались у знакомого места возле речной излучины. В зимних сумерках первые хлопья снега кружились среди темных стволов. Улфадан поглядел на север, понюхал холодный воздух.

– Рано, – буркнул он. – Еще раньше, чем в прошлом году. Снег будет глубоким, словно в горах. Очень глубоким. Поговорим об этом вечером.

Келлиманс задумчиво кивнул. Они решили возвращаться на стоянку сразу после сражения, без споров и возражений. Прихватив с собой оружие и припасы мургу, все торопились как можно скорее уйти подальше от побережья, где постоянно можно было ожидать нападения. Не было ничего легче и проще, чем вернуться обратно по собственным следам. Откладывалась при этом и необходимость что-то решать, пока все не окажутся достаточно далеко от побережья. Спокон веку тану жили в горах, а теперь все переменялось, зимовать там стало невозможно. Что же делать? Спрашивали многие, но никто не отвечал. Настала пора сообща

найти выход из положения. И когда шатры были расставлены, а желудки наполнились, охотники собрались вокруг костра и завели разговор.

В отличие от оседлых иилане', городских жительниц, тану были охотниками. И они скитались по свету, нигде не имея постоянного пристанища, вечно перебирались туда, где охота была удачливей, где в реках больше рыбы, а на деревьях сочнее плоды. Ни одного клочка земли не могли назвать они домом. И все они были равны... почти равны. Что такое саммад? Несколько семей, объединившихся вместе, чтобы помогать друг другу. Так старухам легче было показывать девочкам места, где больше и слаще корни. Мальчики учились у старших охотиться, а взрослым охотникам вместе удавалось добывать больше пищи, чем в одиночку.

Саммадар не был вождем, приказам которого беспрекословно повиновались. Чаще им становился опытный охотник или искусный следопыт, при котором сытнее жилось. Правил он со всеобщего согласия. И не мог приказать охотнику сделать что-то ненужное и неприятное. Любой из них с семьей мог немедленно исчезнуть в лесу и присоединиться к другому саммаду.

Наступила пора решать. В костер подкинули дров, пламя высоко взметнулось, круг охотников рос. Они смеялись, перекликались, старались устроиться поудобнее у огня, где тепло, но не дымно. Животы полны, запасов хватит на всю зиму, этого им было достаточно. Но пора обдумывать важные вопросы. Разгорелся спор, но, когда встал Улфадан, все умолкли.

– Я слышал, что многие хотят зимовать здесь, в знакомом месте. В этих краях теперь скудная охота, но пищи у нас хватит до весны. Подумаем о другом. Если мы зазимуем здесь, выживут ли мастодонты? Хватит ли им травы и листвы на деревьях? Это важный вопрос, на него следует дать ответ. Если мы выживем, а мастодонты умрут, то и мы погибнем, когда наступит время перекочевки. Вот о чем придется нам подумать.

Начался откровенный разговор... Все говорили о мастодонтах, без которых тану не выжить. Каждый желающий вставал и держал речь, остальные молча внимали. Херилак и Керрик тоже слушали молча. Сакрипексом Херилак был только во время войны. Но теперь, после победы, он сидел среди прочих охотников. Что касается Керрика, он был рад и тому, что охотники допустили его в свой круг, куда не было входа детям и женщинам. И он внимательно слушал.

Кое-кто сердился, некоторые жаловались, другие хвастали. Когда все выговорились, Улфадан попросил совета у Фракена, и остальные криками поддержали его. Старика уважали: мудрый алладжекс, хранитель воспоминаний и лекарь, ведал тайны жизни и смерти. Конечно же, он и наставит всех на путь истинный.

Фракен подошел к костру, следом за ним брел Парень-без-Имени. Когда он вырастет, а Фракен умрет, имя старика перейдет к молодому. А пока он учился, имени у него не было. Согнувшись перед Фракеном, он пошарил в кожаном мешке и извлек из него темный шарик, который осторожно положил возле огня. Двумя палочками Фракен разломил его, внутри оказались тонкие мышьиные кости. Фракен знал толк в погадках сов и по ним читал грядущее.

– Зима будет холодной, – объявил он, – нам предстоит путешествие...

Для вящего впечатления он пробормотал что-то еще. Все внимали с почтением. Керрик думал о другом. Все это он и сам мог бы сказать, без всяких мышьиных косточек. Ответа в словах Фракена не было. Прочим тоже нечего было сказать. Слушая речи, Керрик понял, что решения нет. Пока охотники не изменят свои пути, решения нет и не будет. И когда все умолкли, он нерешительно встал.

– Я слушал все, что здесь говорилось, и слышал все время одно и то же. В горы пришла зима и все не кончается. Олени ушли с гор, потому что снег сходит там лишь ненадолго и пастбищ не стало. Если кто-то сомневается в этом, хотелось бы слышать, что он скажет.

В ответ раздался раздраженный голос Илгета, охотника, известного своим вздорным нравом.

– Садись, безволосый! – крикнул он. – Это все знают. Пусть говорят охотники.

Керрик прекрасно знал о своей редкой бородке и о волосах, еще не покрывших уши, и поэтому смутился и хотел сесть, но рядом поднялся Херилак и, тронув его за руку, оставил стоять.

– Этого охотника зовут Керрик, а не «безволосый». А тебе, Илгет, больше известно о безволосых. Смотри-ка, у тебя надо лбом с каждым годом остается все меньше и меньше волос.

Люди у костра разразились хохотом и одобрительно хлопали себя по коленям. Илгету оставалось только молчать. Когда Херилак был саммадаром, он любил убеждать людей шуткой. Дождавшись тишины, он заговорил вновь:

– Длина волос Керрика должна напоминать нам о тех, кто изуродовал его, кто оставил безволосым... о мургу, державших его в плену. Не забывайте, он умеет говорить с ними и понимает их. Он подсказал, как можно напасть на мургу и перебить целый отряд. Когда говорит Керрик, мы слушаем.

Вокруг раздалась возгласы одобрения, и Керрик осмелился заговорить снова:

– Все мы сошлись в одном: идти на север нельзя. Земли к востоку отсюда опустошены, как и эти края до самого берега моря, где всегда придется опасаться мургу. Там зимовать негде, нет места нам и на западе. Земли там, может быть, и хорошие, но другие тану не пустят нас зимовать в эти края. И я спрашиваю: почему нам не пойти на юг?

Послышалось изумленное бормотание, легкий смешок затих, едва Херилак грозно глянул в сторону развеселившихся. Его уважали – за отвагу и мудрость в бою, за силу рук – и боялись вызвать его гнев. Потом встал Улфадан и повел свою речь:

– Когда я был молодым, я доходил на юге до самого края лесов, где начинаются бесконечные травы. Вот что я оттуда принес. – Он коснулся длинного кривого зуба, висевшего на шее. – Я был тогда молод и глуп и рисковал жизнью из-за пустяков. Там нет оленей. Одни только мургу, которые подстерегают и убивают тану. Только мургу, высокие, как деревья. На юге нас ждет только смерть.

Раздались крики одобрения. Керрик подождал, пока все снова умолкнет.

– Вот что я скажу вам о мургу, ведь я долго жил на юге, там, где никогда не бывает снега и всегда тепло. В этих жарких краях обитают такие мургу, что едят траву; они пасутся в лесах и на болотах. Да, они не похожи на оленей и других зверей, на которых охотятся тану, но их можно есть, и их мясо приятно на вкус. Я знаю, я много лет ел это мясо.

Все умолкли. Даже женщины перестали переговариваться, и дети прекратили свои игры: все слушали странные речи молодого охотника.

– Улфадан говорил вам правду. Там живут огромные мургу, они едят тех, что поменьше. Я видел и еще более странных мургу. Это неважно. Вот что важно. Как эти мургу-что-ходят-как-тану уживаются с этими огромными хищниками? Все они едят мясо. Почему мургу ростом с дерево еще не съели их?.. Мургу-что-ходят-как-тану живы лишь потому, что убивают всех, кто грозит им и их стадам. И вот чем они убивают.

Нагнувшись, он подобрал с земли хесотсан. Не было слышно ни звука, все взоры были обращены к говорившему.

– Эта штука уложит любого зверя, каким бы огромным он ни был. Мараг, которого не убьешь всеми копьями и стрелами целого саммада, падет бездыханным от такой вот колючки.

– Я видел, – с горечью в голосе перебил его Херилак. – Я видел, как мургу с этими палками лезли из моря и как падали от них люди моего саммада. Самый большой наш мастодонт сразу свалился, когда смертоносная палка треснула перед ним. Керрик говорит правду.

– Теперь таких палок у нас много, – произнес Керрик, – много палок, много игл. Я умею ухаживать за этими смертоносными палками и обучу всех, кто захочет. Если мы отправимся на юг, нас ждет хорошая охота, а мастодонтов – изобилие корма. А вот это оружие, – он поднял хесотсан повыше, чтобы все видели, – обещает смерть всем мургу.

Охотники возбужденно заговорили и заспорили. Керрик в тот день почти не ел. Увидев, что Херилак отошел от общего костра, он направился следом за ним. Они подошли к своему костру. Женщины жарили мясо на зеленых ветвях, кипятили отвар из коры. Меррис, женщина Улфадана, усадила обоих и подала еду. У нее было мало зубов, но она была широкоплечей и очень сильной; молодые женщины слушались ее беспрекословно.

– Надеюсь, что смертоносные палки послужат нам не хуже, чем самим мургу, иначе все мы сложим свои головы на юге, – хриплым, как у охотника, голосом проговорила она.

– А ты как считаешь – идти нам на юг? – спросил Херилак с набитым ртом.

– Теперь они проспоят всю ночь. Но ничего другого не придумают. Мужчины всегда слишком много разговаривают. Мы пойдем на юг, другого пути нет. – Не скрывая любопытства, она глядела на Керрика. – А что за мургу держали тебя в плену? У них большие шатры? А травойсы у них волокут мастодонты или гигантские мургу?

Керрик улыбнулся, представив себе такую картину, потом попытался объяснить:

– Они живут не в шатрах, у них для этого растут специальные деревья, мургу спят в них, как мы в шатрах.

Меррис громко расхохоталась:

– Сказки рассказываешь. Разве можно погрузить дерево на мастодонта, чтобы перебраться в другое место?

Женщины возле костра, поглядывавшие в их сторону и внимательно прислушивавшиеся к разговору, дружно захихикали.

– Это правда, только они все время живут на одном месте, поэтому спальные деревья им перевозить не надо.

– Теперь я все поняла: ты рассказываешь мне сказки. Если они все время будут жить на одном месте, то когда-нибудь перебьют всех зверей, соберут все плоды и умрут с голода. Здорово придумал.

– Это правда, – подтвердил Херилак. – Так эти мургу и живут. Я был там и все видел, хотя ничего не понял тогда. Им даже не нужно охотиться: всех зверей они пасут на полях, откуда те не могут сбежать, и убивают, когда нужно. Так я говорю? – спросил он у Керрика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.